

Л. М. Дамешек

**ВНУТРЕННЯЯ  
ПОЛИТИКА  
ЦАРИЗМА  
И НАРОДЫ  
СИБИРИ**

**XIX — начало XX века**

Л. М. Дамешек

---

ВНУТРЕННЯЯ  
ПОЛИТИКА  
ЦАРИЗМА  
И НАРОДЫ  
СИБИРИ

*(XIX— начало XX века)*

Иркутск 1986

---

Издательство  
Иркутского университета

## ВВЕДЕНИЕ

История возникновения и деятельности политических институтов самодержавной России привлекает пристальное внимание советских исследователей. Внимание ученых — историков, юристов — сосредоточивается главным образом на изучении высших звеньев государственного аппарата, верхов бюрократии, являющейся, по характеристике В. И. Ленина, особым слоем, в руках которого находится власть<sup>2</sup>. Значительно меньше изучена деятельность местных государственных и сословных органов, представляющих собой исполнительный аппарат власти самодержавия. Между тем исторические условия вызревания и развития российского абсолютизма обусловили особенности и многообразие деятельности местных органов власти, формирование кадров чиновников и методы их деятельности. Последние в значительной степени зависели от правового статуса различных социальных групп населения, подведомственной компетенции этих органов. Чем ниже было положение конкретной социальной группы населения в общественной системе Российского государства, тем шире и разнообразнее были права органов власти и управления в отношении ее. Подчеркивая эту особенность, В. И. Ленин отмечал, что «Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная бесконтрольность* привилегированной бюрократии»<sup>3</sup>. В другой своей работе «Попятное направление в русской социал-демократии» он указывал, что «самодержавие есть ...самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до середины 80-х гг. XIX в. Л., 1978. 246 с.; Старцев В. И. Внутренняя политика временного правительства первого состава. Л., 1980. 254 с.; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. 251 с.; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. 255 с.; Королева Н. Г. Первая Российская революция и царизм. М., 1982. 182 с.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

<sup>3</sup> Там же, т. 2, с. 455.

<sup>4</sup> Там же, т. 4, с. 252.

В Сибири роль местных органов управления была особенно значительной. Антагонистические противоречия, свойственные классовому обществу, «проявлялись здесь не между крестьянами и помещиками, а между широкими массами трудящегося населения и сибирской администрацией»<sup>5</sup>. В советской историографии одним из наименее изученных вопросов социально-политической истории Сибири являются проблемы управления крестьянским населением<sup>6</sup>. Замечание это вполне применимо и к характеристике изученности организации управления коренными народами края, составляющими накануне Великой Октябрьской социалистической революции примерно десятую часть населения региона<sup>7</sup>. Поэтому изучение истории возникновения, развития и деятельности местных институтов власти, призванных обеспечить управление народами края в соответствии с нуждами и потребностями классового государства, является, на наш взгляд, актуальной научной и общественно-политической задачей. Решение ее возможно лишь на основе источниковой базы, несущей в себе широкие информативные возможности. Критерием отбора источников, его методологической основой должен быть ленинский анализ истории возникновения и развития политических институтов самодержавной России в целом.

В. И. Ленин в 1899 г. дал следующее определение российского самодержавия: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*»<sup>8</sup>. Этой форме государственного устройства соответствовала и сложившаяся система управления, центральным звеном которой являлась многочисленная армия чиновников, по характеристике В. И. Ленина, «особая каста, поставленная над гражданами»<sup>9</sup> и «специализирующихся на управлении»<sup>10</sup>. Функции, структура и задачи органов управления определялись классовой сущностью самого государства. Имея в виду именно это обстоятельство, В. И. Ленин подчеркивал, что устройство государственной власти есть именно та сфера общественной жизни, в которой непосредственно сталкиваются и осуществляются политические интересы классов<sup>11</sup>. Само же государство, по определению В. И. Ле-

<sup>5</sup> История Сибири. Л., 1968, т. 2, с. 312.

<sup>6</sup> См.: Н и к у л и н В. Н. Управление крестьянами Сибири в 1861—1905 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979, с. 1.

<sup>7</sup> См.: Р а з г о н И. М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1969, вып. 4, с. 6.

<sup>8</sup> Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 251—252.

<sup>9</sup> Там же, т. 2, с. 99.

<sup>10</sup> Там же, с. 455.

<sup>11</sup> Там же, т. 33, с. 340.

нина, есть «машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»<sup>12</sup>. В. И. Ленин предостерегал от ошибки видеть в российском самодержавии и его политических институтах нечто застывшее, неизменное. Эту мысль он высказывал неоднократно и по различным поводам в статьях «Анкета об организации русского капитала»<sup>13</sup>, «По поводу юбилея»<sup>14</sup>, «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция»<sup>15</sup> и др. Основные этапы в развитии монархии, а следовательно, и государственности в России В. И. Ленин четко выделил в статье «Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове)»: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии»<sup>16</sup>. Если самодержавие времен Николая I В. И. Ленин называл «*исключительно* крепостническим»<sup>17</sup>, то «этой «исключительности» не было уже в эпоху Александра II»<sup>18</sup>. Начало новой, «буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи», знаменовало, по В. И. Ленину, 19 февраля 1861 г.<sup>19</sup> Подчеркивая значение крестьянской реформы в плане ее влияния не только на экономическое, но и политическое развитие России, В. И. Ленин указывал, что «если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. ...Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления, и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года,— чтобы убедиться в правильности этого положения»<sup>20</sup>. Подводя итоги пройденного Россией после 1861 г. пути, В. И. Ленин в 1911 г. отмечал, что «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»<sup>21</sup>.

Естественно, что эволюция политических институтов самодержавия в XIX— начале XX в. не могла не повлечь за собой изменения

<sup>12</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 75.

<sup>13</sup> Там же, т. 21, с. 303.

<sup>14</sup> Там же, т. 20, с. 165—166.

<sup>15</sup> Там же, с. 174.

<sup>16</sup> Там же, с. 121.

<sup>17</sup> Там же, т. 21, с. 303.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же, с. 174.

<sup>20</sup> Там же, т. 20, с. 165—166.

<sup>21</sup> Там же, с. 174.

в устройстве и методах деятельности местных органов власти и управления, призванных непосредственно добиваться осуществления поставленных правительством целей. Поэтому при изучении организации управления Сибирью в целом и коренного населения региона, в частности, необходимо руководствоваться отмеченными В. И. Лениным особенностями исторического развития самодержавия в XIX— начале XX в.

В хронологическом отношении работа охватывает конец XVIII— начало XX в. Выбор нижней хронологической грани объясняется тем обстоятельством, что к концу XVIII в. практически вся Сибирь, в том числе и ее аборигенное население, были тесно втянуты в систему общерусских государственных связей. Упрочение экономических связей между Сибирью и Россией порождало и общие тенденции социально-экономического развития, что выразилось прежде всего в разложении, а затем и кризисе феодально-крепостнической системы. Эти изменения находили отражение в политике властей как в центре России, так и на ее окраинах.

Конечная дата исследования — 1917 г., год Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей собой начало новой эры в истории человечества, сокрушения российской монархии и связанного с ней общественного строя.

В территориальном отношении работа охватывает Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и Забайкальскую область по административному делению конца XIX в. Это именно та часть Сибири, на которую распространялся комплекс аграрных, административных и податных законов конца XIX— начала XX в. Якутская область в силу исторических особенностей ее развития из сферы действия этого законодательства исключалась. На территории названных административных единиц проживала большая часть коренного населения Сибири.

В дореволюционный период проблема организации управления народов Сибири привлекала внимание исследователей различных идейных течений. Интерес правящих кругов к Сибири, практические задачи по организации управления краем породили официальное направление в литературе. Представители этого направления вышли в основном из среды чиновников, связанных с Сибирью, Н. Щукин, например, и Л. Львов ревизовали государственные селения, Ю. Гагемейстер служил в Сибирском комитете.

В обширной компиляции Ю. Гагемейстера содержатся сведения о хозяйстве и управлении народов края. В статьях Н. Щукина дано описание хозяйства и быта бурятского населения. Работа Л. Львова представляет собой статистико-экономическое обозрение основных занятий (сельское хозяйство, промыслы, торговля), податей и повинностей сельского населения Забайкальского края. В работах упоминаются некоторые законодательные акты правительства в отношении коренного населения региона

без попытки их анализа. Работы представителей официального направления носят обзорно-описательный характер<sup>22</sup>.

Значительный интерес представляют замечания декабристов. Сибирь привлекала их внимание еще до восстания на Сенатской площади в связи с выработкой общеполитической программы. В «Русской правде» П. И. Пестеля прозвучал призыв об улучшении положения этих народов. Указывая на бедственное положение аборигенов Сибири, программа Пестеля предусматривала создание таких условий, при которых коренное население могло бы стать способным решать проблемы освоения края. Важнейшую задачу он видел в переходе кочевых и бродячих племен к оседлости. Целью «Русской правды» в отношении сибирских народов было «просвещение, образование, смягчение нравов и благоденствие»<sup>23</sup>. Впоследствии эти положения прозвучали в сочинениях почти всех ссыльных декабристов<sup>24</sup>. Дворянские революционеры были одними из первых, кто попытался критически осмыслить результаты реформ М. М. Сперанского в Сибири.

Революционная ситуация 1859—1861 гг. и последовавшая за ней отмена крепостного права поставили перед русской общественной мыслью вопрос о соотношении революции и реформ. В этих условиях возрождается интерес к личности и делам М. М. Сперанского. Вокруг его имени развернулась полемика, поводом к которой послужила вышедшая в 1861 г. книга М. А. Корфа<sup>25</sup> — видного чиновника николаевской России.

Внешняя сторона ревизии и реформ Сперанского в Сибири описана Корфом достаточно обстоятельно. Однако идейно-политическая направленность книги имела ярко выраженный монархический характер. Самодержавие характеризуется автором как главная движущая сила в России, которой только и может принадлежать инициатива законодательных актов и преобразований. Идеи Корфа перекликались с теориями либерального лагеря, в частности с «теорией» закрепощения и раскрепощения К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, и отражали наметившуюся уже тогда тенденцию к сближению дворянской и буржуазной историографий.

Представители революционно-демократического лагеря противопоставили Корфу свою точку зрения. Н. Г. Чернышевский в статье-рецензии «Русский реформатор» поднял проблему соот-

---

<sup>22</sup> См.: Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854, ч. 1—3; Львов Л. Обозрение Забайкальского края. — Рус. вестн., 1842, № 7—10; Шукин Н. С. Быт крестьян Восточной Сибири. — ЖМВД, 1859, ч. 34, кн. 2; Он же. Исследование о народах, обитающих в Сибири. — Там же, 1850, ч. 66, кн. 5.

<sup>23</sup> Восстание декабристов. Документы. М., 1958, т. 7, с. 145—146.

<sup>24</sup> См.: Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962.

<sup>25</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. В 2-х т. СПб., 1861.

ношения революции и реформ. Он подчеркивал, что Сперанский «совершенно забыл о характере и размере сил, какие были нужны для задуманных им преобразований, поэтому он не сумел исполнить ровно ничего и оказался «мечтателем»<sup>26</sup>. Для сравнения приведем еще высказывания А. И. Герцена, хотя они прямо и не связаны с книгой Корфа. «Чиновничество царит в северо-восточных губерниях и в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно... Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, кто как крадет — поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых... Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым»<sup>27</sup>.

Буржуазные реформы 60-х гг. практически не коснулись Сибири, которая продолжала жить по законам 1822 г. В связи с этим перед прогрессивными кругами общественности стал вопрос об оценке преобразований Сперанского как в историческом, так и в публицистическом аспектах. Ответом явился капитальный труд В. И. Вагина, изданный в 1872 г.<sup>28</sup>

Работа В. И. Вагина основана на изучении обширного круга источников, большую часть которых он впервые ввел в научный оборот. С фактической стороны книга до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири.

В предисловии Вагин скромно оценил свою работу как материалы для истории и притом «далеко не полные». Однако «Исторические сведения...» нельзя рассматривать только как материал для будущей истории. Это одно из самых крупных явлений в дореволюционной историографии вопроса.

Угол зрения В. И. Вагина отличается от подхода Корфа. Вагин увидел многие слабые стороны законодательных актов 1822 г. В целом высоко оценивая деятельность Сперанского и особенно выделяя «Устав об управлении инородцев», он указывал, в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности.

Родоначальником демократического направления в историографии Сибири явился А. П. Щапов. Для характеристики рассматриваемого сюжета несомненную ценность представляет его труд «Сибирское общество до Сперанского», в котором историк-демократ нарисовал яркую картину жизни Сибири того периода.

<sup>26</sup> Чернышевский Н. Г. Собр. соч., т. 7, с. 811.

<sup>27</sup> Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969, с. 219.

<sup>28</sup> Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872.

А. П. Щапов подробно рассматривает популярный впоследствии сюжет «борьбы партий» в Сибири — противоборства местной администрации и купечества. Историк указывал, что они боролись за «преимущественное право эксплуатировать народ». Щапов подчеркивал эксплуататорскую сущность буржуазии: «Капиталистическое буржуазное сословие по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших рабочих и промышленных сословий, составляющих источник обогащения, предмет эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»<sup>29</sup>. Щапову была чужда идеализация сибирского чиновничества, однако он полагал, что из чиновника может, хотя и редко, выйти филантроп и просветитель Сперанский, своекорыстная же буржуазия в состоянии только угнетать народ.

Исследователь дал положительную оценку законодательным актам 1822 г., но вместе с тем высказал сожаление, что введя «новые лучшие административные учреждения в Сибири», Сперанский даже не намечал социально-экономической реформы.

Демократические традиции А. П. Щапова были продолжены в работах представителя раннего демократического областничества Н. М. Ядринцева, который первый попытался вскрыть сущность так называемого «инородческого вопроса» в его историческом развитии. Систему управления Сибирью до Сперанского Ядринцев характеризует следующим образом: «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а представление независимой власти чиновникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»<sup>30</sup>. По мнению Ядринцева, на первом этапе колонизации сибирских пространств «главной целью завоевателей» явилось «ослабление инородческого элемента и уменьшение его». Затем возникла задача «усмирения инородцев». Тогда «выступало только два вопроса: о подчинении и опеке». Развивая свой тезис, историк указывает, что по мере вовлечения Сибири в систему общерусских государственных связей на почве мирной жизни стали складываться иные отношения русского и аборигенного населения. Перед правительством стала задача вовлечения коренных жителей в «число равноправных подданных». Сущность «инородческого вопроса» в современной ему Сибири Н. М. Ядринцев видел в предотвращении вымирания «инородцев», экономическом обеспечении их существования, административно-политическом устройстве, в духовном развитии и просвещении<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Щапов А. П. Собр. соч., СПб., 1908, т. 3, с. 670.

<sup>30</sup> Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882, с. 342.

<sup>31</sup> Там же, с. 87.

Рассматривая правительственную позицию в «инородческом вопросе», Н. М. Ядринцев констатирует, что этот вопрос никак не решается. Наоборот, он приходит к выводу о «вымирании» и «уменьшении», а также «постоянном обеднении» многих сибирских племен.

При оценке нововведений Сперанского Ядринцев опирался на 50-летний опыт их практического применения. «Мы не ошибемся, если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже вовсе не были приведены в исполнение». Относительно степных дум, как высшей ступени «инородческого» управления по Уставу 1822 г., Н. М. Ядринцев замечает, что на практике они подчинялись земским судам и считались чем-то вроде волостных управлений. «Вмешательство земской полиции в деле инородцев, устраняемой Сперанским, осталось прежним». Инородческий устав был, по мнению Ядринцева, «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу», однако «он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям»<sup>32</sup>. Н. М. Ядринцев не был склонен возложить за это ответственность на М. М. Сперанского и в этой связи он замечал: было бы невозможно, если бы «положение дел вдруг изменилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому»<sup>33</sup>. Политику правительства в отношении аборигенов Ядринцев оценивал с позиций раннего демократического областничества. Поэтому он писал, что «разрешение этих вопросов находится в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще больше зависит от умственного развития самого русского населения Сибири».

Воззрения Н. М. Ядринцева в той или иной мере разделяли и другие представители областничества<sup>34</sup>. Характеризуя взгляды областников, необходимо отметить, что они, резко осуждая эксплуататорскую политику правительства, произвол его агентов — чиновников и купцов-ростовщиков, не всегда учитывали положительные стороны присоединения Сибири к России. Они отождествляли политику эксплуататорских элементов с действиями русских вообще. Между тем русское население, прибывшее в Сибирь и оседавшее здесь, не было однородным, единым по своему социальному составу. Большинство русского населения составили крестьяне-земледельцы, рабочие, ремесленники. Они нашли пути сближения с народами Сибири и по мере своих сил оказывали

<sup>32</sup> Ядринцев Н. М. Указ. соч., с. 108.

<sup>33</sup> Там же, с. 351.

<sup>34</sup> См.: Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973, с. 220—253.

благотворное влияние на их развитие. Сближение осуществлялось на основе общности социальных и хозяйственно-бытовых интересов.

Взгляды Н. М. Ядринцева и С. С. Шашкова оказали определенное влияние на С. Прутченко, труд которого «Сибирские окраины» увидел свет в 1899 г. Вместе с тем на автора этой книги воздействовали и идеи «государственно-юридической школы». Это определило как сильные, так и слабые стороны исследования. Там, где речь идет о конкретном анализе правовых актов и других документов, Прутченко делает ценные наблюдения, тонко подмечает связи и преемственность между старыми и новыми учреждениями. Что же касается общего представления об эволюции управления Сибирью, в том числе и реформ Сперанского, то в этом вопросе ощущается эклектический подход<sup>35</sup>. В целом работа сохраняет значение полезного пособия, однако, в теоретическом отношении она дает мало нового. После С. Прутченко историки права почти не обращались к сюжету. Так, вопрос об особенностях управления Сибирью почти не нашел отражения в работах по русскому государственному праву, изданных в начале XX в.

Подводя итог изучения вопроса в дооктябрьский период, следует отметить, что он привлек внимание представителей различных идейных течений. Хотя тема историко-правового положения народов Сибири не являлась предметом специального изучения, досоветскими сибиреведами были высказаны важные замечания о некоторых сторонах правительственного курса в Сибири. Внимание исследователей сосредоточивалось главным образом на изучении законодательных актов 1822 г. и как следствие этого — организации управления аборигенным населением.

Тема сибирских реформ 1822 г. входит в историческую литературу в связи с личностью Сперанского и трактуется М. Корфом и другими авторами в биографическом плане. Сибирь выступает только полем для реформаторских усилий Сперанского, а сам он изображается как агент «воли монаршей». Труд В. И. Вагина превращает вопрос о законах 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Этот вопрос углубляется и развивается Н. М. Ядринцевым. Деятельность Сперанского в Сибири, в том числе и законы 1822 г., оцениваются областнической мыслью с точки зрения нужд и потребностей края, интересов его демократических слоев. Апологетика реформ и правовых актов самодержавия сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между словом и делом, целями преобразований и их конечными результатами. Критика преобразований М. М. Сперанского в Сибири увязывается с программой областни-

---

<sup>35</sup> Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. СПб., 1899.

чества и выступает как одно из ее исторических обоснований. Вопросы организации управления народами Сибири в пореформенный период в досоветской историографии практически не рассматривались.

По мере упрочения связей между Сибирью и Россией происходит втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Этот процесс сопровождался не только существенными изменениями в социально-экономическом укладе, культурной и духовной жизни народов Сибири, но изменением их правового положения, выразившегося в расширении круга податных обязанностей, новом административном устройстве и т. д. Внешним изменением правового статуса народов Сибири явился целый ряд законодательных актов, принятых правительством на протяжении столетия и регламентирующих основные стороны жизни аборигенов. Подчеркивая особенность развития права в классовом обществе, К. Маркс указывал, что люди, составляющие господствующий класс, организуют свою силу в виде государства и испытывают потребность «придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса»<sup>36</sup>. В связи с этим укажем и на другое, чрезвычайно важное замечание К. Маркса о том, что «...правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты не из самих себя, не из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»<sup>37</sup>. Отсюда вытекает, что при анализе правительственного законодательства в отношении народов Сибири, равно как и русского населения, следует прежде всего уяснить себе уровень социально-экономического развития и экономическую структуру общества. Недооценка этого методологического принципа может привести к неверной оценке памятников законодательства. В последние годы советское сибиреведение обогатилось рядом монографических исследований, имеющих принципиально важное значение для анализа уровня социально-экономического развития региона в целом. Эти исследования обобщающего характера<sup>38</sup> создают ту необходимую основу, без которой невозможно создание объективной и полной картины основных направлений политики самодержавия в Сибири

---

<sup>36</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 322.

<sup>37</sup> Там же, т. 13, с. 6.

<sup>38</sup> См.: С к л я р о в Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.; С т е п ы н и н В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.; А с а л х а н о в И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX—начала XX вв. Новосибирск, 1975. 265 с.; Т ю к а в к и н В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 470 с.; Г о р ю ш к и н Л. М. Аграрные отношения Сибири периода империализма (1990—1917). Новосибирск, 1976. 331 с.

и деятельности его политических институтов, органов управления в частности.

На протяжении первого десятилетия развития советской исторической науки основными формами изучения и освещения прошлого были не монографические исследования, а публицистические и полемические работы. Это был «необходимый и неизбежный этап становления молодой науки»<sup>39</sup>. Не является исключением и советское сибиреведение, в котором первый этап становления марксистского направления связан с именем С. В. Бахрушина. Известно, что в марксистской историографии 20-х гг., посвященной дореволюционной России, ведущее положение занимало еще не марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, а представления о «торговом капитализме», как всесильном «управителе» исторического прогресса. Не случайно исследователи отмечают, что новое мировоззрение, связанное в первую очередь с усвоением ленинского теоретического наследия с «трудом внедрялось ... в умы историков старшего поколения, даже в первые два десятилетия советского периода, в том числе в сознание такого прогрессивно мыслящего ученого, как С. В. Бахрушин». В связи с рассматриваемой проблемой обращает на себя внимание оценка С. В. Бахрушиным «Устава об управлении инородцев» 1822 г., который «остаётся важным памятником», свидетельствующим не только о добросовестной попытке урегулировать жизнь туземного населения Сибири и его отношение с русскими, но и стремление «охранить» экономическое благосостояние и самобытный строй туземцев<sup>40</sup>. Это замечание историка некоторые современные исследователи склонны рассматривать как дополнительное доказательство отсутствия в сибирском законодательстве Сперанского какой-либо буржуазной направленности и преобладания консервативных начал<sup>41</sup>. Думается, однако, что это не совсем так. Представляется, что тезис о самобытности должен был, по мнению С. В. Бахрушина, подчеркнуть не отрицательные, а именно положительные идеи законодательства 1822 г. Известно, что именно С. В. Бахрушину принадлежит тезис о «легкости» перехода народов Сибири от одного владельца к другому. В данном случае историк не вскрывает прогрессивного значения вхождения народов Сибири в состав России. Заблуждение это в значительной степени объясняется состоянием развития в конце 20-х гг. советской исторической науки, которая подчас трактовала вхождение народов в состав России «весьма односторонне, только как следствие колониальной политики царизма и его экспансии», а прогрессивная сто-

<sup>39</sup> Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981, с. 157.

<sup>40</sup> Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. — Сов. север, 1929, № 1, с. 87—89, 91—92.

<sup>41</sup> См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1975, с. 253—255.

рона объединения в едином государстве затушевывалась<sup>42</sup>. Именно поэтому для С. В. Бахрушина характерно определенное гиперболирование значения тех идей Устава, которые стремились сохранить «самобытный строй жизни туземцев»<sup>43</sup>.

В то же время С. В. Бахрушин первый в советской историографии показал противоречивость Устава 1822 г., отметил переплетение в нем прогрессивных и консервативных начал. Подчеркивая колониальную направленность внутренней политики царизма, исследователь замечал, что «русское правительство хотело властвовать над туземцами посредством родовых князей и старшин», а законодательство 1822 г. сохраняло привилегии туземной родовой знати различных племен. С. В. Бахрушин, правда, не смог в полной мере уяснить смысл замечания В. И. Ленина о реформах, как «побочном результате» классовой борьбы, которые проводятся дворянско-бюрократическим государством с целью «ослабить, притупить эту борьбу»<sup>44</sup>, тем не менее он отмечал, что эксплуатация и рабегж аборигенов продолжались и после введения Устава Сперанского. Такой подход исследователя к оценке одного из крупнейших памятников законодательства — актов царизма в отношении народов Сибири оказался плодотворным и воспринят современной наукой.

В 20-е гг. методологические ошибки, явившиеся следствием недостаточного овладения марксистско-ленинской теорией, были свойственны и ряду других исследователей Сибири и России в целом. В духе уже упоминавшейся теории «торгового капитализма» рассматривала сибирские реформы 1822 г. Е. Я. Драбкина. По ее мнению, Сперанский попытался «превратить Сибирь из арены первоначального накопления в обычную колонию буржуазного типа». Исследователь не сочла нужным привести какое-либо фактическое обоснование тезиса о буржуазной направленности реформ Сперанского, тем не менее отмечает, что «реформы Сперанского не могли изменить основного содержания русской политики в Сибири, ибо оно вытекало из самой природы Российского торгового капитализма»<sup>45</sup>.

В 30—50-х гг. завершается переход большинства старых исследователей на позиции марксистско-ленинской методологии. В этот период отечественная историография обогатилась крупными исследованиями по основным проблемам социально-экономической истории, без чего невозможно было создание целостной марксистско-ленинской концепции истории России. Что же касается Сибири, то особенно весомый вклад в изучение ее прошлого внес В. И. Шун-

<sup>42</sup> Сахаров А. М. Указ. соч., с. 161.

<sup>43</sup> Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 85—86.

<sup>44</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 263.

<sup>45</sup> Драбкина Е. Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930, с. 62—63.

ков, труды которого, как отмечалось в литературе, «не только положили начало научному изучению истории сибирского крестьянства, но и позволили по-новому оценить результаты русской колонизации Сибири в области промышленности, торговли»<sup>46</sup>.

Значительный вклад в изучение истории народов Сибири внес Ф. А. Кудрявцев<sup>47</sup>. Наряду с изучением общих закономерностей и особенностей социально-экономического развития народов Сибири, Ф. А. Кудрявцев охарактеризовал и некоторые направления политики самодержавия в отношении этих народов. Так, например, оценивая преобразования Сперанского, он отмечал, что отдельные мероприятия против злоупотребления царских сатрапов «частично временно разряжали атмосферу административного произвола... но не затрагивали самой системы управления», которая определялась «классовым характером крепостнического государства»<sup>48</sup>. В то же время исследователь обращает внимание и на новые элементы, содержащиеся в Уставе. К ним Кудрявцев относит введение самоуправления и некоторых выборных должностей «инородческих родоначальников». Положительно оценивает и наметившуюся тенденцию к ограничению административного произвола чиновничества, упорядочивание взимания податей и др.

Более скромно оценивается инородческий Устав А. И. Мурзиной. Хотя она и выделяет этот памятник из всего сибирского законодательства М. М. Сперанского, тем не менее считает, что Устав 1822 г. не внес существенных изменений во внутреннюю жизнь народов Сибири, а «скорее стремился сохранить самобытный строй народов Севера»<sup>49</sup>. Таким образом, в общей оценке этого законодательного памятника А. И. Мурзина оказалась близка к С. В. Бахрушину.

Иная трактовка основных положений Устава 1822 г. содержится в исследованиях Л. И. Светличной и В. Г. Карцова, которые видят в сибирском законодательстве 1822 г. попытку правительства реформировать хозяйственную и административную жизнь населения зауральского края в «буржуазном направлении». По их мнению, перед страной и тогда стояли задачи буржуазных преобразований и авторы реформы так или иначе содействовали социально-экономическому развитию Сибири<sup>50</sup>.

<sup>46</sup> Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI—начало XX в.). Новосибирск, 1984, с. 84.

<sup>47</sup> Кузнецов И. И. Крупный ученый и талантливый педагог. — В кн.: Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1975, вып. 3, с. 9; Тармаханов Е. Е., Егуннов Н. П. Профессор Ф. А. Кудрявцев как первый марксистский исследователь истории бурятского народа. — Там же, с. 18—31.

<sup>48</sup> Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940, с. 19.

<sup>49</sup> Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири. — Учен. зап. ЛГУ, № 115, вып. 1, 1950, с. 105.

<sup>50</sup> См.: Дамешек Л. М. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова. — В кн.: Памяти декабристов. Иркутск, 1975, с. 23—25.

Тезис Л. И. Светличной и В. Г. Карцова о буржуазной направленности Устава 1822 г. оспаривается Н. А. Миненко — автором одной из первых работ советских историков, в которой предпринята попытка рассмотреть в совокупности некоторые направления правительственной политики в отношении коренного населения Сибири. Подробный анализ всех положений этого интересного и хорошо документированного исследования не входит в нашу задачу. Укажем только, что «душу Устава» Н. А. Миненко видит в продолжении «старой политики консервации», отрицая наличие в законе 1822 г. об «иногородцах» каких-либо буржуазных черт<sup>51</sup>. Думается, однако, что утверждение это не бесспорно.

Работой, специально посвященной вопросам изучения правового положения народов Сибири в XVII—начале XIX в., является монография М. М. Федорова. Он подробно рассматривает предшествующие Уставу 1822 г. законодательные акты царизма. В этом несомненное достоинство исследования. Однако вольно или невольно автор уклонился от освещения ряда спорных вопросов, поставленных еще досоветскими исследователями<sup>52</sup>. Рассматривая проекты Устава, М. М. Федоров ничего не говорит о степени соответствия первоначального варианта, составленного Г. С. Батеньковым, и окончательной редакции, получившей форму закона. Ссылка на исследование В. Г. Карцова в данном случае представляется недостаточной. К тому же некоторые положения монографии М. М. Федорова представляются нам не только необоснованными, но и ошибочными. Например, утверждение, что после присоединения к России «вся земля Восточной Сибири объявлялась собственностью царя», или же земли, населенные аборигенами, объявлялись «собственностью российского монарха»<sup>53</sup>, противоречит общепринятой в советском сибиреведении точке зрения о принадлежности сибирских земель феодальному государству, а не его монарху<sup>54</sup>. Думается, что не следует отождествлять интересы государственного казначейства и коронного ведомства.

Что же касается вопроса о судьбах Устава 1822 г. в пореформенной Сибири, то сюжет этот до сего времени не являлся предметом специального монографического изучения. Основным законодательным актом царизма в отношении управления народами пореформенной Сибири, упоминающимся исследователями, является Временное положение о крестьянских начальниках 1898 г.<sup>55</sup>, отме-

<sup>51</sup> Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь..., с. 255.

<sup>52</sup> Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири в XVII—первой половине XIX века. Якутск, 1978. 206 с.

<sup>53</sup> Федоров М. М. Правовое положение народов..., с. 10.

<sup>54</sup> Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. с. 362; История Сибири, т. 2, с. 63, 110.

<sup>55</sup> См.: Дамешек Л. М. Временное положение о крестьянских начальниках 1898 г. и народы Сибири. — В кн.: Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982, с. 40—50.

нившее ряд важных положений «инородческого» устава. Вопросы организации управления и правового положения народов Сибири в этот период, как правило, рассматриваются попутно в связи с освещением других проблем сибирской истории.

Оценивая значение Временного положения, П. Т. Хаптаев замечает, что с его помощью правительство пыталось упрочить бюрократические порядки, т. е. передать местную власть в улусах из рук тайшей и зайсанов в руки крестьянских начальников<sup>56</sup>. Такая трактовка закона, отчасти и справедливая, на самом деле обедняет его внутреннее содержание. П. Т. Хаптаев не учитывает те социально-экономические и политические изменения, которые проходили в пореформенной Сибири и России в целом. В этом смысле представляется более объективной оценка закона 1898 г., данная В. И. Дуловым, который не только указал на усиление административного гнета над крестьянами и коренным населением в результате введения этого закона, но и первый обратил внимание на связь его с законом 12 июня 1889 г. о земских начальниках Европейской России<sup>57</sup>. Однако конкретной характеристики крестьянских начальников, как одного из институтов власти самодержавия в Сибири, исследователь не дал. Вызывает также сомнение тезис В. И. Дулова об исключительно дворянском социальном происхождении крестьянских начальников Сибири, для которых служба в этом отдаленном крае была своего рода наказанием за «должностные преступления» в Европейской России<sup>58</sup>. Фактического же обоснования этого положения автор не приводит.

На материалах Енисейской губернии закон 1898 г. рассматривал В. А. Степынин. Он отчасти проанализировал историю разработки и содержание закона, уделив значительное внимание его реализации, и первый обратил внимание на то обстоятельство, что наряду с крестьянским управлением, крестьянским начальникам поручалось и заведование аборигенами<sup>59</sup>. Однако тезис этот не получил у В. А. Степынина дальнейшего развития.

В этом плане бесспорный интерес представляет исследование Н. П. Егунова, выполненное на материалах Бурятии. Рассматривая причины отмены Устава 1822 г. и введения института крестьянских начальников, он, как и В. И. Дулов, обращает внимание на связь этих мероприятий с историей крестьянского законодательства в России после отмены крепостного права. По его мнению, основная при-

<sup>56</sup> Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964, с. 87.

<sup>57</sup> Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956, с. 76.

<sup>58</sup> Дулов В. И. Указ. соч., с. 76.

<sup>59</sup> Степынин В. А. Крестьянские начальники Енисейской губернии. — Учен. зап. Красноярск. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 1, т. 9, с. 135.

чина административной реформы заключалась в стремлении правительства к усилению «военно-колониального аппарата власти» в условиях подготовки аграрных преобразований<sup>60</sup>. Исследователь, правда, отказался от расшифровки понятия сибирского аппарата власти как «военно-колониального». Однако нельзя не признать обоснованным утверждение Н. П. Егунова о том, что закон 1898 г. значительно расширил пределы власти администрации над русским и коренным населением края. Временное положение о крестьянских начальниках, по его мнению, расширяло «территорию вотчино-полицейской власти дворян над крестьянами». Развивая эту мысль, Н. П. Егунов далее указывает, что в результате введения закона сибирские крестьяне, не знавшие над собой власти помещика, «оказались в непосредственном подчинении у дворян, экспортируемых из Европейской России»<sup>61</sup>. Представляется, что это упрощенное толкование существа закона. К тому же тезис об исключительно дворянском социальном происхождении крестьянских начальников Н. П. Егунов фактическим материалом не подтверждает.

Коллективной работой советских историков, посвященной исследованию рассматриваемого сюжета, является «История Сибири». Нам уже приходилось высказываться на предмет освещения отдельной проблемы в рамках обобщающего труда<sup>62</sup>. Поэтому отметим лишь, что в методологическом отношении авторы «Истории Сибири» стоят на четких позициях, отмечая, что административная реформа конца XIX в. была направлена не только на усиление «административно-полицейской власти над народами Сибири», но и «по-своему отражала развитие капиталистических и разложение патриархально-феодалных отношений» у народов Сибири. Реформа «санкционировала упадок родовых отношений» у аборигенов<sup>63</sup>.

Вопросам управления крестьянским населением пореформенной Сибири в 1861—1905 гг. посвящена кандидатская диссертация В. Н. Никулина. В первой главе диссертации автор характеризует общий политический курс самодержавия и законодательство об управлении крестьянами, во второй главе, рассматривая закон 1898 г., В. Н. Никулин отмечает, что «по сравнению с земскими начальниками административные права крестьянских начальников были значительно расширены»<sup>64</sup>. Вывод В. Н. Никулина опровергает

<sup>60</sup> Егунов Н. П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье. — Учен. зап. Бур. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова. Вып. 25. Ист.-филол. сер./Улан-Удэ, 1962, с. 135.

<sup>61</sup> Там же, с. 129.

<sup>62</sup> См.: Дамешек Л. М., Кузнецов А. С. Сибирская реформа 1822 г. — В кн.: Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973, вып. 3, с. 139—140.

<sup>63</sup> История Сибири, т. 3, с. 107.

<sup>64</sup> Никулин В. Н. Управление крестьянами Сибири в 1861—1905 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979, с. 12.

утверждение В. И. Дулова, Н. П. Егунова и других исследователей об исключительно дворянском происхождении этих представителей власти. По подсчетам В. Н. Никулина 47% чиновников были из разночинцев<sup>65</sup>. Исследование В. Н. Никулина посвящено изучению вопросов организации управления русского крестьянства. Однако отдельные его положения и оценки могут быть использованы и при изучении управления коренного населения Сибири.

Рассматривая вопрос об исторических судьбах «инородческого» Устава 1822 г. и организации управления аборигенами в пореформенный период, нельзя пройти мимо исследования В. А. Демидова, в одной из глав которого рассматриваются особенности национального вопроса в Сибири. Анализируя в общих чертах (подробный анализ не входил в задачу автора) организацию управления и административное устройство народов края, В. А. Демидов отмечает, что «в результате правительственных актов система управления у алтайцев, бурят, хакасов и некоторых других коренных народностей Сибири, построенная согласно уставу Сперанского, была ликвидирована и заменена копией русского волостного управления». Значение этой административной реформы автор видит в том, что она, «своеобразно отразив развитие капиталистических и разложение патриархальных отношений, санкционировала упадок родового строя»<sup>66</sup>. В общественно-историческом смысле, указывает В. А. Демидов, проведенные административные преобразования у народов Сибири в конце XIX—начале XX в. были явлением прогрессивным. В то же время историк отметил и обратную сторону преобразований, определяющуюся политикой антагонистического государства, в силу чего реформы, наряду с прогрессивными элементами, были направлены «на усиление административно-полицейской власти в национальных районах»<sup>67</sup>. Такой подход к оценке административных преобразований конца XIX—начала XX в. представляется плодотворным и заслуживает внимания исследователей.

Некоторые вопросы истории разработки закона 1898 г. рассматриваются в книге А. Т. Топчего. Вывод автора о том, что закон «продолжал и укреплял крепостнические традиции, насаждаемые правительством в области надстройки»<sup>68</sup>, представляется категоричным. Следует учитывать, что эта административная реформа по своему отражала развитие капиталистических отношений в сибирской деревне и разложение патриархально-родовых отношений у аборигенов.

<sup>65</sup> Никулин В. Н. Управление крестьянами. Административная община.— В кн.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 118—127.

<sup>66</sup> Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917—1923). 2-е изд., доп. Новосибирск, 1983, с. 47.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899). Томск, 1979, с. 252.

Советские исследователи достигли определенных успехов в изучении вопросов организации управления административного устройства и правового положения народов Сибири XIX—начала XX в. Ряд вопросов темы нашел достаточно полное освещение в литературе. Это относится, главным образом, к истории разработки Устава 1822 г., анализу ряда его положений и некоторым другим проблемам. Значительно меньше изучен рассматриваемый сюжет применительно к пореформенной Сибири. Слабо прослеживается связь между аграрными и административными преобразованиями у народов Сибири. В литературе практически отсутствуют сведения о социальном составе крестьянских и инородческих начальников, о введении этого института власти в действие. Остается невыясненным вопрос о разработке в высших правительственных сферах в начале XX в. новых законопроектов по управлению аборигенами Сибири и связи их с общими направлениями внутренней политики самодержавия. Поэтому думается, что потребность в монографической разработке указанных вопросов назрела. Изучение их будет иметь известное значение не только для сибирской истории, но и для понимания внутренней политики царизма в общероссийском масштабе.

Выбор круга источников по теме определялся стремлением представить управление народами Сибири на протяжении рассматриваемого периода прежде всего как управление определенным сословием, с присущим ему правовым статусом и особенностями, проследить эволюцию органов управления аборигенами в зависимости от изменения уровня социально-экономического развития народов через призму внутренней политики самодержавного государства в целом. При этом мы руководствовались ленинскими указаниями на то, что высшая и конечная цель этой политики заключалась в том, чтобы «отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок»<sup>69</sup>.

Такая постановка задач исследования повлекла за собой необходимость особенно тщательного изучения системы нормативных актов правительства, юридически закрепляющих сословное положение сибирских аборигенов. Наиболее полно нормативные акты отложились в «Полном собрании законов Российской империи». Всего нами выявлено около 60 различных законодательных актов самодержавия, регламентирующих правовое положение народов Сибири на протяжении рассматриваемого периода. Наиболее крупными из них являются «Устав об управлении инородцев» 1822 г., указы и инструкции второй ясачной комиссии, и ревизии сенатора И. Н. Толстого, указы об административном устройстве и ясачном сборе 60—70-х гг., а также комплекс законов, связанных с проведением поземельного устройства, административных и финансовых преобразований в Сибири в 90-х гг.

<sup>69</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

Ценность собрания законов как источника заключается прежде всего в том, что оно позволяет проследить изменение правового положения и административного устройства аборигенов на протяжении всего рассматриваемого периода. Если издаваемые периодически, главным образом, для практических нужд местной бюрократии различные сборники и своды узаконений представляют лишь тематическую подборку законодательных актов правительства<sup>70</sup>, то собрания законов позволяют значительно полнее проследить эволюцию юридических норм самодержавия в отношении народов Сибири за счет включения в него широкого круга документов, отражающих иерархию нормативных актов-манифестов, регламентов, рескриптов, инструкций и т. д.<sup>71</sup>

Необходимость единообразного применения правовых актов на местах, потребность в ускорении текущего делопроизводства повлекли за собой ведомственную систематизацию законодательства. Бюрократический аппарат Сибири ощущал необходимость соответствующего издания. Отсутствие его порождало медлительность, неуверенность в действиях должностных лиц, вопиющие злоупотребления. Примером такой деятельности являются неоднократно издаваемые в конце прошлого столетия «Сборники главнейших официальных документов...»<sup>72</sup>, которые содержат текущие инструкции, приказы, повеления, еще не вошедшие в собрание законов, но требующие от чинов местной администрации оперативного разрешения.

Изучение этого комплекса источников позволяет заключить, что учет и использование нормативных актов для решения поставленных задач, безусловно, необходимо. Следует, однако, иметь в виду, что сами законы подчас не позволяют выявить причины их происхождения, характер обсуждения законопроектов в высших правительственных инстанциях. Они фиксируют лишь конечный результат этой деятельности и не выявляют различные тенденции в правительственной политике. Некоторые законы неточно отражают фактическое положение вещей. В силу царившей в системе царского делопроизводства бюрократии и волокиты правовые акты разрабатывались длительное время и опубликование их уже не отвечало требованиям времени. Некоторые законы или их отдельные положения никогда не были претворены в жизнь. В силу указанных обстоятельств необходима проверка и дополнение нормативных источников другими, в первую очередь архивными материалами. В этом плане большое значение имеют документы деятельности высших органов, отложив-

---

<sup>70</sup> См., напр.: Сборник узаконений об устройстве крестьян и инородцев в губерниях Сибири. СПб., 1899.

<sup>71</sup> ПСЗ-1, т. 37, № 28706; ПСЗ-2, т. 2, № 1199; ПСЗ-3, т. 38, № 29125, 29126; т. 18, № 15503.

<sup>72</sup> Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск. 1883, вып. 1, т. 6; 1884, вып. 1, т. 1.

шиеся в фондах Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. Поскольку в исторической и историко-юридической литературе уже предпринимались попытки анализа архивных материалов, характеризующих организацию управления народами Сибири в первой половине XIX в.<sup>73</sup>, мы не будем специально касаться этого вопроса, а остановимся на анализе источников, характеризующих состояние и организацию управления народами Сибири во второй половине прошлого, начале нынешнего столетия, как проблеме, наименее изученной в литературе.

Рассматриваемый комплекс источников включает в себя ряд законопроектов центральной и местной администрации, объяснительные записки к ним, «особые мнения» отдельных чиновников и т. д.

Названные материалы отложились, главным образом, в фондах министерства внутренних дел, поскольку на руководство именно этого ведомства Государственный совет возложил обязанности по пересмотру «всего законодательства об инородцах, касающегося прав состояния, землепользования и суда»<sup>74</sup>. Среди названных материалов прежде всего выделяется проект о преобразовании управления оседлыми и кочевыми народами Сибири, составленный по прямому указанию министра И. Л. Горемыкина, делопроизводителем земского отдела министерства, надворным советником И. И. Крафтом в 1899 г.<sup>75</sup> Проект Крафта интересен прежде всего потому, что он определял судьбы народов Сибири на новом этапе исторического развития — упадке родовых и развития капиталистических отношений. Следует также учитывать, что по замыслу министерства новый законопроект должен был в случае его утверждения прийти на смену известному закону от 2 июня 1898 г. о крестьянских и «инородческих» начальниках<sup>76</sup>, который даже в окончательной редакции назывался Временным положением<sup>77</sup>. Очевидно, санкционируя такое название окончательной редакции закона, правительство заранее предполагало разработку общего законодательства об аборигенах. Подтверждением этому является проект Крафта, состоящий из 78 основных статей и ряда специальных приложений (32 статьи). Проект Крафта — это своего рода свод основных правовых норм хозяйственной и административной жизни аборигенов, предполагавшихся ко введению. В проекте отсутствуют статьи, регламентирующие вопросы семейной, духовной, культурной жизни народов

---

<sup>73</sup> См.: Д а м е ш е к Л. М. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова, с. 21—46; Ф е д о р о в М. М. Указ. соч., с. 178—186.

<sup>74</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896, л. 173.

<sup>75</sup> Там же, 1898, л. 189—197. Полное название проекта было следующим: «Правила об управлении в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках».

<sup>76</sup> См.: Д а м е ш е к Л. М. Временное положение о крестьянских начальниках и народы Сибири, с. 40—49.

<sup>77</sup> ПСЗ-3, т. 18, № 15503.

Сибири. Можно с достаточной степенью достоверности предполагать, что эта сторона жизни и быта народов Сибири автора законопроекта не интересовала. Зато вопросы административного устройства, управления и суда разработаны с особой тщательностью — им посвящено 57 статей проекта, не считая приложений, 10 статей касаются вопросов поземельного устройства народов Сибири, 7 — сбора податей и повинностей. Ко времени появления проекта Крафта основные направления политики царизма в отношении народов Сибири стабилизировались. В них отчетливо прослеживается тенденция полного подчинения аборигенного населения действию общероссийского законодательства и обрусения «инородцев». Призыв к политическому господству русской государственности, русских учреждений и, наконец, русской народности, прозвучавший со страниц «Загробных заметок» бывшего министра финансов и председателя Кабинета министров Н. Х. Бунге<sup>78</sup>, находил самое непосредственное воплощение в национальной политике царизма, в том числе и в Сибири. В связи с этим известное значение приобретает оценка Крафтом предшествующих этапов правительственной политики в отношении аборигенов с позиции исторической дистанции. Эти замечания, высказанные автором в специальной пояснительной записке<sup>79</sup>, представляют бесспорный интерес для изучения взглядов высшей бюрократии на задачи правительственной политики в отношении коренного населения в целом и в вопросах организации управления, в частности. В особую часть документа можно выделить обоснование Крафтом необходимости преобразований. Для чиновника министерства внутренних дел, как и для самого правительства, не подлежало сомнению, «что положение об управлении инородцами в сибирских губерниях нуждается в радикальном изменении»<sup>80</sup>. Смысл этих перемен правительство прежде всего видело в «приближении общественного устройства и управления оседлых и кочевых инородцев» к управлению, тождественному с крестьянским, подчинении аборигенов «ведению крестьянских установлений»<sup>81</sup>.

По широте рассматриваемых вопросов, степени регламентации основных видов хозяйственной деятельности и быта народов Сибири проект Крафта, бесспорно, уступал «Уставу об управлении инородцев» 1822 г.<sup>82</sup> Тем не менее думается, что он является важным документом, характеризующим правительственный подход к вопросам организации управления народов Сибири на рубеже XIX и XX вв. и заслуживает внимания.

<sup>78</sup> Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 4, с. 17. О «Загробных заметках» Н. Х. Бунге см. в кн.: Кризис самодержавия в России (1895—1917). Л., 1984, с. 27.

<sup>79</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896, л. 184—188.

<sup>80</sup> Там же, л. 188.

<sup>81</sup> Там же.

<sup>82</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126.

В анализируемый комплекс источников по истории организации управления народами края входят и материалы обсуждения проекта Крафта в губерниях и областях Сибири. Выяснение мнений лиц, непосредственно обслуживающих нужды аборигенов, особенно губернской администрации и крестьянских начальников, представляется нам необходимым для более полного воссоздания подлинной картины состояния управления народами региона. Выяснение подхода губернской администрации к рассматриваемой проблеме необходимо еще и потому, что в «пореформенных условиях произвола губернаторов, особенно в конце века достигших огромных размеров»<sup>83</sup>, роль и значение системы надзора и контроля со стороны чиновничества за подведомственным населением особенно возросли. Хорошо известно, какую убийственную характеристику дал В. И. Ленин внутренней политике царизма конца XIX в., охарактеризовав ее как «разнузданную, невероятно бессмысленную и зверскую реакцию»<sup>84</sup>.

Исходя из ленинских методологических положений, следует рассматривать и законопроекты сибирской губернской администрации по управлению аборигенами, появившиеся на свет в конце XIX—начале XX в. Объектом внимания членов губернских комиссий было подведомственное коренное население. Источником сведений о нем являлись материалы губернского делопроизводства, свидетельства крестьянских и «инородческих начальников», личные наблюдения. Это обстоятельство, а также общность стоявшей перед ними задачи в значительной степени предопределили единую методику разработки законопроектов. Важность этого обстоятельства очевидна, если иметь в виду возможность сопоставления предложений сибирского чиновничества различных по природно-климатическим условиям, численности народонаселения и другим характеристикам губерний. Являясь побочным результатом обострения классовой борьбы, проекты были призваны упрочить устой самодержавия в сибирских губерниях и тем самым вливались в общие направления правительственной политики. Имея в виду именно это обстоятельство, В. И. Ленин в 1911 г. еще раз обращал внимание на то, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»<sup>85</sup>.

Информативная нагрузка анализируемых материалов достаточно широка. Кроме критических замечаний, высказанных в адрес законопроекта Крафта, они содержат проекты реорганизации управления аборигенами Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской губерний, разработанные сибирской администрацией в период с 1899

<sup>83</sup> Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 213.

<sup>84</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.

<sup>85</sup> Там же, т. 20, с. 172.

по 1903 г., т. е. непосредственно перед первой русской революцией. Важной составной частью этой группы источников являются «особые мнения» ряда чиновников, не согласившихся с проектами губернских комиссий и представивших собственные предложения<sup>86</sup>. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что пути и методы приспособления старого аппарата управления аборигенами к новым историческим условиям вызывали определенные столкновения в рядах реформаторов. В конечном итоге это сказывалось на общеполитическом курсе самодержавия в Сибири. В то же время заметим, что выяснение полноты, а также возможности сопоставления законопроектов центральной и местной администрации открывает путь к более эффективному использованию этой группы источников для характеристики ряда важных направлений политики царизма в Зауральском крае накануне 1905 г., когда, по характеристике В. И. Ленина, колоссальная страна со 130-миллионным населением вступила в революцию и «таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»<sup>87</sup>.

Важным комплексом документов, характеризующим отношение коренного населения к проводимым и планируемым преобразованиям, являются приговоры сельских и инородческих обществ. Этот тип источника, по характеристике Б. Г. Литвака, «является одним из старых и самых распространенных документов, непосредственно отражающих жизнь и чаяния крестьянства»<sup>88</sup>. Названный комплекс материалов интересен прежде всего тем, что охватывает значительный период — с 60-х гг. XIX в. до начала нашего столетия. Исследователям известны некоторые из этих материалов. Их, например, в качестве иллюстраций, использовали Н. П. Егунов и И. А. Асалханов<sup>89</sup> при анализе аграрной политики самодержавия в Сибири, однако специального и полного обследования этой группы источников не было предпринято.

История появления первых приговоров вкратце такова. В 1864 г. в Тобольском и Тюменском округах Тобольской губернии, по инициативе генерал-губернатора А. Дюгамеля, начинается упразднение ряда «инородческих» волостей и причисление аборигенов к русским волостям. Необходимость этих мероприятий местное чиновничество пыталось обосновать ссылками на потребность упорядочивания сбора податей с аборигенов и поощрения их к «занятию сель-

<sup>86</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896, л. 58—69, 240—241; д. 15, ч. 3, 1896, л. 14 и др.

<sup>87</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

<sup>88</sup> Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979, с. 260—261.

<sup>89</sup> Егунов Н. П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ, 1970, с. 103; Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири..., с. 44—75.

ским хозяйством». Однако первоначальный опыт такого рода действий оказался неудачным. У искусственно соединенных в общие волостные правления крестьян и аборигенов нередко происходили споры, выливающиеся подчас во «взаимный антагонизм». В конечном итоге русские крестьяне стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние в свою очередь отказывались от переселения и причисления к русским волостям<sup>90</sup>. Так появились первые пореформенные приговоры «инородческих» обществ, количество которых возрастает по мере активизации землеустроительной политики, проведения административных и налоговых реформ.

Близким по содержанию и причинам происхождения к приговорам являются жалобы и прошения коренных жителей. Большая часть этой группы документов в хронологическом отношении относится к концу XIX— началу XX в. и связана с протестами коренного населения против насаждаемых «сверху» преобразований. В советской исторической литературе уже имеются серьезные попытки выработки методики источниковедческого анализа этого типа документов<sup>91</sup>. Не возражая против основных положений выводов Б. Г. Литвака, применительно к нашей теме отметим следующее. По сведениям товарища министра внутренних дел Лыкошина, в 1913 г. жалобы на насильственное перечисление в категорию оседлых землевладельцев и введения волостного управления по крестьянскому образцу в Иркутской губернии подали жители шести ведомств, или 25% от числа переисчисленных, в Томское губернское правление поступило 57 жалоб, в Тобольское — 31, в Енисейское — 2. Несмотря на столь внушительное количество жалоб, цифры эти следует признать неполными. По-видимому, часть жалоб вообще не сохранилась или же отложилась в других архивных фондах, так как жалобы подавались не только на имя губернаторов, но и другим лицам: министрам, отдельным сенаторам и т. д.<sup>92</sup> Анализ содержания жалоб, ознакомления с позициями сторон при их рассмотрении позволяет заключить, что жалобы и прошения, безусловно, были одной из форм проявления пассивного протеста народов Сибири против реформы. Известны случаи повторных жалоб, но и они, как правило, заканчивались безрезультатно для просителей. Для большинства жалоб характерно подчеркивание сословной «низости» просителей, выделение своих верноподданнических чувств. Это же отмечает и Б. Г. Литвак в жалобах русского крестьянства<sup>93</sup>. Тексты многих жалоб содержат ссылки на статьи законов, что свидетельствует о знакомстве аборигенов с законодательством. Возможно и здесь дело

<sup>90</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896, л. 2—2 об.

<sup>91</sup> Литвак Б. Г. Очерки источниковедения..., с. 267—283.

<sup>92</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, 1908, л. 424—426 об. Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 255, с. 65, 73—75 и др.

<sup>93</sup> Литвак Б. Г. Очерки источниковедения..., с. 282.

не обошлось без помощи ловких канцеляристов, о которых упоминает Б. Г. Литвак<sup>94</sup>, однако прямых подтверждений участия их в составлении жалоб мы не имеем. Зато есть свидетельства другого рода — в составлении жалоб принимали участие некоторые политические ссыльные и так называемые опытные и «развитые инородцы», т. е. грамотные<sup>95</sup>.

Рассматривая вопрос о достоверности жалоб аборигенов, отметим, что вряд ли можно говорить об абсолютной точности и правдивости этих документов. Данное замечание, по нашему мнению, следует отнести к приговорам «инородческих» обществ. Выступая, как правило, инициативным документом, открывающим делопроизводство<sup>96</sup>, жалобы и приговоры преследовали определенные в большинстве своем четко обозначенные цели: сохранение старой системы управления, основанной на поразрядном делении коренного населения. Обстоятельство это, естественно, сказывалось на аргументации жалобщиков и просителей. Стремление добиться желаемого исхода дела, недоброжелательное отношение к новым законам порождали искажение реальных обстоятельств в смысле преувеличения бедственного положения аборигенов. Коренные жители, перечисляемые из кочевых в разряд оседлых, облагались податями и повинностями наравне с русским крестьянством. Совокупные податные платежи последних во много раз (3—5) превышали размеры повинностей аборигенов, состоящих из уплаты ясака, отбывания земских и местных внутренних повинностей<sup>97</sup>. Понятно поэтому, что отмеченное выше искажение сведений о благосостоянии аборигенов могло происходить только в сторону его уменьшения. Не следует сбрасывать со счета и несовершенную методику сбора сведений, когда в качестве информаторов для составителей жалоб и приговоров выступали не документы официального делопроизводства, а сами аборигены. Поэтому думается, что рассмотренные жалобы и приговоры не могут быть отнесены к категории источников с абсолютно достоверной и точной информацией.

Составной частью комплекса источников, характеризующих состояние и организацию управления народами Сибири в пореформенный период, являются материалы губернских комиссий, созданных для обсуждения вопроса о возможности причисления аборигенов к русским волостям. Материалы охватывают довольно продолжительный отрезок времени — с начала 60-х и 90-х гг. В документах комиссий отложились материалы только по Западной Сибири, т. е. Tobольской и Томской губерниям. В Восточной Сибири комиссии не создавались и вопрос о полном подчинении аборигенов общерос-

<sup>94</sup> Литвак Б. Г. Очерки источниковедения..., с. 282.

<sup>95</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 71, 1913, л. 25 об., 29 об., 75.

<sup>96</sup> Литвак Б. Г. Очерки источниковедения..., с. 281.

<sup>97</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 296.

сийскому законодательству рассматривался лишь теоретически, главным образом, в отчетах генерал-губернатора по управлению краем<sup>98</sup>, в проекте управляющего сбором ясака Полонского<sup>99</sup> и некоторых других документах<sup>100</sup>. Практические действия местной администрации в этом плане ограничились тем, что в 1886—1890 гг. «было произведено преобразование общественного управления бурят, живущих в пределах Иркутской губернии»<sup>101</sup>, ликвидированы степные думы, а вместо них созданы мелкие, но зато более «гибкие» административные единицы — инородные управы. Материалы этой реформы отложились в фондах Иркутского губернского правления<sup>102</sup>. Касаясь материалов комиссий Западной Сибири, отметим, что несомненную ценность этого комплекса источников представляют документы делопроизводства по рассмотрению практических мероприятий местной администрации по созданию единых органов управления русским и коренным населением. Для характеристики взглядов сибирского чиновничества на задачи организации управления и административного устройства аборигенов важны конкретные предложения лиц, которые в силу своих должностных обязанностей были связаны с коренным населением. Жизнь народов Сибири была объектом их повседневного внимания, а передаточное звено, нередко приводившее к искажению первичной информации, в данном случае отсутствовало. Среди материалов обращают на себя внимание сведения о быте и развитии хозяйства коренных жителей, некоторые статистические материалы. Дублирующихся сведений в материалах комиссии немного. Объясняется это тем, что итоговые предложения губернских комиссий составлялись с учетом мнений окружных начальников, которые в свою очередь стремились отбросить все ненужные и мелочные сведения. Думается, что эта группа документов заслуживает доверия.

Большое значение для характеристики подхода высших чинов царской бюрократии к проблемам «инородческого» населения Сибири имеют материалы Государственного совета и Сената, относящиеся к концу XIX—началу XX в., т. е. ко времени активизации руссификаторской политики самодержавия и попыток очередных реформаторских потуг в Сибири. Среди них безусловную ценность представляют материалы делопроизводства комиссий и совещаний, специально занимающихся рассмотрением сибирских вопросов: об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири, об устройстве суда по делам «инородцев» (1896 г.), о «видах на житель-

<sup>98</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 67, д. 238; оп. 69, д. 389; д. 322; оп. 223, д. 61, 131, 199, 200. Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 131.

<sup>99</sup> ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 912, л. 3—114.

<sup>100</sup> ЦГВИА, ф. 1468, оп. 1, д. 98; ф. 1, оп. 1, т. 43, д. 74263 «а».

<sup>101</sup> История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954, т. 1, с. 290.

<sup>102</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 11312; оп. 6, д. 116 и др.

ство» для аборигенов (1897 г.), о привлечении коренных жителей к отбыванию воинской повинности и др. Журналы совещаний, протоколы заседаний, предложения отдельных сановников, отзывы министерств и ведомств дают возможность проследить ход выработки законопроектов в отношении Сибири и ее населения, определить подход правительства к этим вопросам. По своему происхождению и содержанию эта часть сведений не вызывает сомнений. Что же касается содержащихся в анализируемых документах некоторых сведений фактического характера, то они, как правило, заимствованы из отчетов губернаторов по управлению «вверенными» губерниями, материалов местных комиссий.

Кроме того, были использованы материалы ЦГВИА СССР, относящиеся к попыткам царского правительства привлечь сибирских аборигенов к отбыванию воинской повинности. Они представляют собой проекты обсуждения данного вопроса в различных правительственных инстанциях, показывают отношение аборигенов к ним, дают представление о характере применения труда коренных жителей, мобилизованных на тыловые работы в годы первой мировой войны.

Использованные в монографии документы ЦГАОР относятся, главным образом, к периоду деятельности буржуазного временного правительства, характеризуют его национальную политику, отношение к вопросам реформы местного управления и т. д. По происхождению большинство их связано с деятельностью министерства внутренних дел, земледелия, канцелярии временного правительства.

Были использованы и материалы личных фондов В. К. Плеве, В. А. Арцимовича и других государственных и политических деятелей России XIX—начала XX в.

Таковы основные группы архивных материалов центральных хранилищ, освещающие вопросы административного устройства и управления народами Сибири во второй половине XIX—начале XX в. По своему происхождению и содержанию они являются ценным и необходимым дополнением нормативных актов самодержавия, и, думается, в совокупности с ними дают возможность воссоздать подлинную картину состояния управления народами Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода. Этому же способствуют и многочисленные материалы фондов сибирских хранилищ. Среди них документы фондов Главного управления Восточной Сибири и Иркутского губернского правления (ГАИО, ф. 24, 32), Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия, освещающие ход административной реформы в Забайкалье (ГАЧО, ф. 20), и документы Центрального государственного архива Бурятской АССР (Верхнеудинского съезда крестьянских начальников — ф. 79, а также материалы степных дум и инородных управ).

Богаты архивные хранилища и Западной Сибири. Среди них, в частности, выделяется Тобольский филиал Государственного ар-

хива Тюменской области, в фондах которого (Тобольский губернский совет по крестьянским делам — ф. 332) хранится большое количество материалов по интересующей нас теме.

Думается, что комплексное изучение нормативных актов, архивных источников, а также публицистики и периодической печати различных направлений («Губернские ведомости», «Амур», «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь» и др.) создает достаточно надежную базу для объективного рассмотрения поставленных вопросов.

---

# **ГЛАВА I**

## **РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДАМИ СИБИРИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

### **§ 1. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДАМИ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

Со времени присоединения Сибири к русскому государству одной из важнейших задач правительства явилась организация местного управления в соответствии с нуждами и потребностями феодального государства.

Во взглядах на вновь присоединенные племена правительство руководствовалось в основном финансовыми соображениями, что и предопределило его подход к вопросам управления жителями края. Организация местного управления строилась с учетом социально-экономической отсталости сибирских племен и невозможности полного подчинения их русскому законодательству.

В первой половине XVIII в. руководящим актом, в котором излагались правовые основы управления ясачными народами, была «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С. Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г.<sup>1</sup> Хотя инструкция предназначалась для управления только пограничными племенами, исследователи отмечают, что на нее ссылаются в своих общественных приговорах и другие народы<sup>2</sup>. Это свидетельствует о более широком распространении действия инструкции.

В соответствии с инструкцией из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела». Суд и расправа

---

<sup>1</sup> Сычевский И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М., 1875, с. 32—36.

<sup>2</sup> См.: Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940, с. 130; История Сибири, т. 2, с. 310.

в «малых делах» — воровство, драки и т. п. — по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Ясак следовало собирать натурой или деньгами. Обязанности по сбору ясачной подати возлагались на родоначальников. Ясачные плательщики закреплялись за определенным родом. «Перебежки» из одного рода в другой запрещались<sup>3</sup>.

Документом, характеризующим управление и суд народностями Сибири во второй половине XVIII в., является инструкция Сената, данная «за высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора<sup>4</sup>. Основные положения этого документа соответствуют инструкции Рагузинского: «Ближайшее» управление по улусам и стойбищам вверялось родоначальникам «иноверцев», им же предоставлялась расправа в «делах тяжбленных и маловажноуголовных». Сбор ясака осуществлялся родоначальниками в натуральной и денежной форме. Ясачные народы закреплялись за определенным родом как основной административной и хозяйственной единицей.

Обе инструкции предписывали с «начальниками верноподданных обходиться приятельски». Так правительство стремилось заручиться поддержкой родоплеменной знати, которая являлась проводником политики самодержавия.

Попытки сохранить род как основную административную и хозяйственную единицу определялись политическими и финансовыми интересами царизма.

Инструкции разрешали уплачивать ясак не только пушниной, но и деньгами, что указывало, с одной стороны, на сокращение значения пушного промысла у коренных жителей, с другой — на развитие товарно-денежных отношений<sup>5</sup>.

Обе инструкции формально ограничивали вмешательство русской администрации во внутриродовые дела народов Сибири, однако, впоследствии Сибирский комитет на основании ревизии М. М. Сперанского отмечал, что на практике «все управление инородцами перешло большею частию в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»<sup>6</sup>.

Инструкция 1763 г. не только подтвердила основные положения инструкции Рагузинского, но была наиболее полным законодательным актом правительства в отношении народов Сибири до принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». Она определяла порядок сбора ясака, регламентировала вопросы торговли с аборигенами, ограничивала въезд в «иноверческие» кочевья и улусы торговых

<sup>3</sup> Сычевский. Историческая записка о китайской границе..., с. 32.

<sup>4</sup> Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, ч. 1, с. 251—264.

<sup>5</sup> См.: Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. М., 1970, с. 60.

<sup>6</sup> Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899, с. 175.

людей одним разом в год во время сугланов и ярмарок, «когда комиссары для сбора ясака тамо находиться будут»<sup>7</sup>. Однако торговать с ясачными не разрешалось до тех пор, «пока они всей положенной ясашной суммы комиссарам не заплатят»<sup>8</sup>. Ограничением свободной торговли с аборигенами правительство стремилось обеспечить максимальный сбор ясака пушниной. Однако М. М. Сперанский отмечал, что «из дел не видно, чтобы правило сие когда-либо строго было наблюдаемо»<sup>9</sup>.

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Представляет интерес «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Трескина, яркого поборника консервативно-охранительной системы.

По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности оставалось за губернской администрацией. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления»<sup>10</sup>. Трескин предписывал «постановить непременно правилом», чтобы назначение «иноверческих» родоначальников было наследственным: «малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие к его назначению»<sup>11</sup>. В этом случае полагалось избрать опекуна, который обязывался «иметь попечение в образовании малолетнего так», чтобы по достижении совершеннолетия он мог приступить к управлению. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Положение предусматривало отстранение от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности, худое правление своим родом»<sup>12</sup>.

В целом положение отражало интересы потомственной родовой знати, которая являлась опорой самодержавия и вместе с царизмом угнетала родовых улусников.

Свое положение родоначальники нередко использовали для внеэкономической эксплуатации налогоплательщиков. Наиболее типичной формой злоупотреблений являлись различные незаконные сборы. В 1776 г. поверенные ясачных Кульменского рода жаловались в Балаганское воеводское казначейство, что их родовой

<sup>7</sup> Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, с. 258.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения, с. 7—8.

<sup>10</sup> ЦГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 282; ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 24.

<sup>11</sup> ЦГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 282 об.

<sup>12</sup> Там же.

шуленга Шадар Челодаев сверх положенной на их род «ясашной суммы пяти сот сорока рублей собрал излишнего в первых два года в каждом году по пятнадцати рублей, но объявил... своим родовым, что сумма ясашная на роду нашем состоит пятьсот пятьдесят рублей»<sup>13</sup>.

Нередки были случаи прямого надругательства над личностью. В 1803 г. ясачный Василий Чемесов жаловался шуленге «Олзоеву роду» Балаганского ведомства Амехену Далдаеву на избиение жены его старшиной Распопиным. Распоясавшийся старшина, будучи в «хмельном образе», избил беременную женщину «бесчеловечно имеющейся для дверей запоркою» до такой степени, что она «имеющегося в утробе ее младенца выкинула, отчего последовал... тогда чрезвычайный обморок»<sup>14</sup>.

Огромных размеров злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли в период пребывания в должности сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля (1806—1819)<sup>15</sup>. Беспорядки в управлении, сокращение поступления в казну денежных и натуральных налогов, жалобы на злоупотребления чиновников, волнения среди коренного населения — все это заставило правительство обратить внимание на Сибирь. Положение И. Б. Пестеля, управляющего огромным краем из Петербурга, пошатнулось Правительство Александра I, заявлявшее прежде, что оно в «усердии Пестеля никогда не сомневалось», перестало верить его объяснениям по поводу многочисленных жалоб. Комитет министров признал необходимым сместить Пестеля и назначить в Сибирь нового генерал-губернатора, которому и поручить произвести ревизию и об «открывшемся донести государю».

В марте 1819 г. последовал именной рескрипт М. М. Сперанскому о назначении его сибирским генерал-губернатором. Сперанскому предписывалось «сделать осмотр сибирских губерний», обличить лиц, «предающихся злоупотреблениям», предать «кого нужно, законному суждению».

Ревизия М. М. Сперанского вскрыла вопиющие картины злоупотреблений и произвола сибирской администрации и иноверческих «начальников». В отчете в Сибирский комитет Сперанский указывал, что общим предметом следственных дел «было лихоимство во всех его видах»<sup>16</sup>.

Результаты ревизии Сперанского хорошо известны<sup>17</sup>. В злоупотреблениях по расходу общественных сумм, в притеснении родо-

<sup>13</sup> ГАИО, ф. 534, оп. 11, д. 1, л. 133.

<sup>14</sup> Там же, д. 5, л. 66.

<sup>15</sup> См.: Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири. — В кн.: П р у т ч е н к о С. Сибирские окраины. Приложения.

<sup>16</sup> П р у т ч е н к о С. Сибирские окраины. Приложения, с. 24.

<sup>17</sup> См.: К о р ф М. Указ. соч.; В а г и н В. Указ. соч.; Я д р и н ц е в Н. М. Указ. соч.; История Сибири, т. 2 и др.

вичей и в других преступлениях было выявлено 680 человек, в том числе 250 тайшей, зайсанов, лам и «других инородческих начальников»<sup>18</sup>.

«Первую причину» беспорядков и злоупотреблений Сперанский видел в «образе управления краю сему свойственным»<sup>19</sup>, а также в отсутствии общественного мнения, носителем которого, по Сперанскому, является дворянство. Побочные причины ревизор сводил к недостатку «уставов» для отдельных мест Сибири. «Где нет законов, там всем управляет личная власть», — писал он<sup>20</sup>. В силу классовой ограниченности Сперанский не мог понять, что злоупотребления «сибирских сатрапов» порождались самим существованием бюрократического государства и были одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к Сибири и ее населению.

Отправляя Сперанского в Сибирь, Александр I предписывал ему наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»<sup>21</sup>.

## § 2. УСТАВ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ 1822 ГОДА

Для рассмотрения отчета М. М. Сперанского по обозрению Сибири указом от 21 июня 1821 г. был образован «особый комитет» под названием Сибирского<sup>22</sup>. По указу царя в Комитете следовало сосредоточить все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В состав его вошли крупнейшие государственные сановники: Аракчеев, Гурьев, Голицын, Кочубей, Компенгаузен и Сперанский. Делопроизводителем был назначен Батеньков<sup>23</sup>.

На заседании Комитета 3 ноября 1821 г. был составлен план работы и конкретизированы обязанности нового органа по управлению Сибирью.

В марте 1822 г. Сибирский комитет рассмотрел проект «Устава об управлении инородцев». Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи.

Аборигены играли заметную роль в экономике Сибири, а налоговые поступления с них, особенно пушнина, составляли важную статью кабинетских доходов. Это вынуждало правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири.

<sup>18</sup> Прутченко С. Указ соч., с. 21.

<sup>19</sup> Там же, с. 23.

<sup>20</sup> Там же, с. 24.

<sup>21</sup> Корф М. Указ. соч., т. 2, с. 175—176.

<sup>22</sup> ПСЗ-1, т. 37, № 28706.

<sup>23</sup> Там же.

Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения — экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об «инородцах» «не объемлет многих необходимых потребностей», отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов Комитета, сводились к следующему: по составу управления — отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частию в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям», отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития; по хозяйству — существующее законодательство не учитывало изменений в хозяйстве народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX в., запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения; по суду — обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных «о смысле и силе их правил», право это не всегда соответствовало нормам человеческой гуманности<sup>24</sup>. Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы: 1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие экономическим потребностям каждого племени и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой»<sup>25</sup>. «Устав об управлении инородцев» был подтвержден Александром I 22 июня 1822 г.

Для характеристики экономической политики царизма важны разделы Устава, посвященные хозяйственной жизни коренных народов.

В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов Устава к различным группам сибирских народов по уровню

<sup>24</sup> Прутенко С. Указ. соч., с. 176.

<sup>25</sup> Там же.

их хозяйственного развития. При определении степени экономического развития основным критерием явился вид хозяйственной деятельности, составляющий «главный способ их пропитания»<sup>26</sup>, а не эпизодические доходы.

К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля<sup>27</sup>. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех «правах и обязанностях». «Они управляются на основе общих узаконений и учреждений», — говорилось в Уставе<sup>28</sup>. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности<sup>29</sup>.

Уставом за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятинную пропорцию, Устав требовал наделения землей за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанной нормы<sup>30</sup>.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полuosедлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители Устава сохранили для них самостоятельность в управлении и суде.

Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли»<sup>31</sup>. Правило «давности», т. е. первоначального заселения применялось не только к оседлым, но и к кочевым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам»<sup>32</sup>. В отношении прав бродячих аборигенов в Уставе говорилось, что на них распространяются «правила, для кочующих постановленные». Допускалось лишь несколько незначительных исключений из этих «правил», обусловленных образом жизни народов<sup>33</sup>.

---

<sup>26</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 11.

<sup>27</sup> Там же, § 1.

<sup>28</sup> Там же, § 13.

<sup>29</sup> Там же, § 19.

<sup>30</sup> Там же, § 20.

<sup>31</sup> Там же, § 1, 26.

<sup>32</sup> Там же, § 1.

<sup>33</sup> Там же, § 61.

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых «инородцев» по мере успехов их в хозяйственном развитии. «Позволяется кочующим,— говорилось в Уставе,— если которые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городовые жители и записываться в гильдии»<sup>34</sup>. Перечисление из одного разряда в другой приурочивалось к очередной ревизии. Вместе с тем в Уставе особое внимание уделялось тому, чтобы внушить аборигенам, что они «без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие»<sup>35</sup>.

Перевод «инородцев» в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением. Мысль об уравнивании в правах русского и коренного населения была внесена в Устав Г. С. Батеньковым. Будущий декабрист неоднократно говорил о необходимости «вторичного» присоединения Сибири к России. Говоря так, он имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены к приобщению коренных народов Сибири к более высокой русской культуре<sup>36</sup>.

Приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает Устав Сперанского от законодательства западно-европейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации.

Правительственную позицию в отношении хозяйственного развития народов Сибири авторы Устава формулируют, исходя из стремления обеспечить большую доходность и устойчивость «инородческих» племен. Поэтому Устав предусматривал наделение земель аборигенов всех разрядов. Хотя данная мера и определялась фискальными интересами казны, однако, имела и положительное значение.

Определенные преимущества давались аборигенам Уставом и в отношении воинской повинности. В то время как на западе в колониальных странах формировались целые туземные армии (зуавы

<sup>34</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 57.

<sup>35</sup> Там же, § 25.

<sup>36</sup> Ш а т р о в а Г. П. К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня.— Учен. зап. ТГУ, Томск, 1958, вып. 24, с. 66.

в Африке, сипаи в Индии), народы Сибири освобождались от рекрутчины.

Вторая часть Устава посвящена организации управления народами Сибири. Характерной особенностью является не просто стремление авторов Устава реформировать управление, а построить его «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения края <sup>37</sup>.

Устав предусматривал создание ратуш и словесных судов для «торговых» аборигенов и специальных волостей для земледельцев. Состав и обязанности членов волостного правления ничем не отличались от волостного правления русских поселян <sup>38</sup>.

Органы родового управления строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири. Крестьянская община, как форма организации русского населения, также была предметом тщательной опеки царизма. Сохранение родовой общины как основной территориально-административной единицы не только облегчало эксплуатацию родовичей и общинников, но создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них. Это направление правительственной политики было традиционным. Поэтому не правы те исследователи, которые считают, что мероприятия Сперанского в области административного устройства бродячих и кочевых жителей объективно должны были «ослабить их родовое устройство» <sup>39</sup>. В этом плане совершенно справедливо указание Н. А. Миненко на то, что Устав был составлен применительно к родовому строю, «причем к такому, который представлял собой в первой половине XIX в. для большинства народов уже пройденный этап» <sup>40</sup>.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев Устав отдавал предпочтение хозяйственным связям. Разрешался уход обедневших родовичей внаем к русским крестьянам. В этом случае «инородцы» причислялись к разряду оседлых. Впоследствии объективные потребности хозяйственного развития заставили правительство все-таки вступить на путь искусственного разрушения рода, когда в 1853 г. последовало разрешение о перечислении «инородцев» из одного рода в другой <sup>41</sup>. Крестьянская же община еще долго сохраняла свое значение.

<sup>37</sup> Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.). — Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957, с. 65.

<sup>38</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 81, 86, 88, 90.

<sup>39</sup> Цит. по: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в., с. 255.

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> ПСЗ-1, т. 33, отд. 1, № 33244.

Административное устройство кочевых народов было разработано особенно подробно, ибо они составляли большую часть коренного населения. Реформаторы разделили управление кочевыми жителями на три ступени: а) родовое управление — низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода; б) инородная управа — средняя, для нескольких стойбищ и улусов; в) степная дума — высшая, для всего племени <sup>42</sup>.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников «из почетных и лучших родовичей». Дела управления решались словесно.

Несколько стойбищ или улусов подчинялись инородной управе, в составе головы, двух выборных и письмоводителя <sup>43</sup>. «Многие роды», соединенные в одну «общую зависимость» (племя, ведомство), подчинялись степной думе, состоящей из «главного родоначальника», избранных заседателей и голов. Степная дума была подотчетна и подчинялась «во всем» окружным управлениям, т. е. царской администрации. Несмотря на стремление Сперанского придать видимость самоуправления «инородцев», Устав жестко регламентировал действия «инородческой» администрации. Предоставление слишком широких прав органам управления аборигенов внушало тревогу правительству. Поэтому третья часть анализируемого документа посвящена «Наказу управлениями инородцев».

Хозяйственная деятельность органов управления прежде всего касалась сбора ясака. На органы управления возлагались обязанности по раскладке на общество налогов и податей, исправлению натуральных повинностей, сбору недоимок. Кроме того, в обязанности родового управления вменялось «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья скота. Они же должны были подавать сведения о «народоисчислении». Инородным управлениям предоставлялось право заключать торговые контракты. Иными словами, хозяйственная компетентность органов управления аборигенами была довольно широкой.

Более ограниченными были полицейские и судебные функции. На родовое управление возлагался надзор за «спокойствием... вверенных ему людей». В этом правительство видело «важнейшую обязанность родового управления» <sup>44</sup>. Действия родового управления находились под контролем инородной управы. «Власть инородной управы состоит в надзоре за родовым управлением», — гласил Устав. Таким образом, и среди «инородческого» управления царизм стремился насадить бюрократический принцип надзора одних органов над другими.

Судебные функции органов управления состояли в разборе не-

<sup>42</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 193, 114.

<sup>43</sup> Там же, § 104.

<sup>44</sup> Там же, § 173.

значительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Суд и расправа должны были производиться на основе норм обычного права, кодификация которого предусматривалась Уставом. Политические и «криминальные» дела подлежали разбору царскими чиновниками.

Устав сохранял почетные звания среди кочевников: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все должностные лица «инородческого» управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» — генерал-губернатором<sup>45</sup>. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника<sup>46</sup>. Сохраняя таким образом патриархально-феодалыные отношения, Устав в ряде случаев отходил от них, давая определенную свободу выборному началу. В «инородческом» управлении родоначальники сосредоточивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Следует, правда, оговориться, что сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица. Но и в узаконенном виде эта часть Устава была прогрессивна, прямо отменяя архаичное положение Трескина «О выборе иноверческих начальников и правах их»<sup>47</sup>. Впоследствии Вторым сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «...в должности, замещаемые по выборам, сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»<sup>48</sup>. Причиной отстранения от исполнения должностных обязанностей считались: уголовное преступление, доказанное судом злоупотребление властью, ходатайство подведомственных родовичей, наем для отработки долгов<sup>49</sup>. Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие злоупотребления родовой аристократии, нередко переходящие в уголовные преступления. По-

<sup>45</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 147, 148.

<sup>46</sup> Там же, § 152.

<sup>47</sup> ЦГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 45, л. 282.

<sup>48</sup> ПСЗ-2, т. 28, отд. 1, № 27320; ЦГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 63, л. 40 об.

<sup>49</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 155; ПСЗ-2, т. 20, отд. 1, № 18908.

этому не случайно Устав предусматривал отстранение от исправления должностных обязанностей за злоупотребление властью. Однако благие намерения реформаторов не принесли ожидаемых результатов.

В 1837—1838 гг. Сибирский комитет рассматривал записку генерал-майора Альдегонда и Мусина-Пушкина «О состоянии Сибири» за 1835 г. Характеризуя состояние жителей, Мусин-Пушкин отмечал, что лихоимство «инородческих» старшин не прекращается. По его мнению, злоупотребления «старшин их (коренных жителей.— Л. Д.) не может быть иначе ограничено, как уничтожением наследственности старшинских должностей». Автор записки наивно полагает, что «тогда аристократия должна буде... преобразиться в крестьянскую демократию»<sup>50</sup>. Сибирский комитет отметил, что подобные «сведения» уже рассматривались в свое время, а потому решил довести об этих замечаниях до сведения царя и этим ограничиться<sup>51</sup>.

Чрезвычайно важным представляется анализ тех статей Устава, которые относились к вопросам экономической политики. Как уже отмечалось, среди исследователей нет единой точки зрения по этому вопросу.

Прежде всего думается, что в оценке одного из основных положений Устава — принципа свободной торговли — исследователи проявляют излишнюю категоричность. Л. И. Светличная, указывая на наличие в «Сибири первой четверти XIX в. тенденции к капиталистическому развитию», считает, что «буржуазные начала более определенно поощрялись Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов»<sup>52</sup>. Н. А. Миненко, наоборот, полагает, что «хотя объективно это положение (свободная частная торговля в ясачных волостях и селениях.— Л. Д.) Устава носит характер, предписываемый ему предшественниками, направлено оно было к консервации развития народов»<sup>53</sup>. Единственное положительное значение этого принципа Н. А. Миненко видит в том, что разрешение свободной частной торговли в селениях ясачных уничтожало всевозможные злоупотребления в данной области уездных чиновников. Если безоговорочно согласиться с этой оценкой, то тогда будет трудно уяснить значение другой важной идеи Устава — переводение ясачного сбора на денежную основу. Между тем Н. А. Миненко признает, что «натуральный ясак в связи с растущей товаризацией хозяйства аборигенов постепенно уступал место денежному». Н. А. Миненко также констатирует, что процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие<sup>54</sup>. Поэтому

<sup>50</sup> ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 71, л. 17.

<sup>51</sup> Там же, л. 206 об.

<sup>52</sup> Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев»..., с. 5, 66.

<sup>53</sup> Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь, с. 254.

<sup>54</sup> Там же, с. 261.

думается, что Н. А. Миненко недооценивает те робкие буржуазные тенденции, которые содержались в Уставе и выражались прежде всего в провозглашении идеи свободной торговли и переведении сбора ясака на денежную основу. В конечном итоге Н. А. Миненко сама признает, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали, в конечном счете, крах политики консервации»<sup>55</sup>. Это утверждение, по нашему мнению, является вполне справедливым. Устав разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но в русских городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением<sup>56</sup>. В интересах расширения и укрепления торговых связей аборигенов с жителями близлежащих русских поселков разрешались отлучки коренных жителей в соседние города и селения.

В то же время отметим, что некоторые рецидивы запретительной торговли встречались и впоследствии.

В 1831 г. в положении «О свободной торговле...» Сибирский комитет отмечал, что хотя все «меры» по управлению аборигенами в Уставе 1822 г. «с ясностью определены», ныне опять свободная торговля с коренными жителями Сибири подвергается преследованию «под предлогами, ничем на деле не доказанными». Поэтому Комитет счел необходимым «строго предписать» начальникам Восточной Сибири, чтобы все меры к ограничению свободной торговли с «инородцами» были отменены. Местной администрации было сделано строгое внушение на предмет отступления от правил, высшей властью установленных.

Как видим, экономическая политика царизма прежде всего определялась финансовыми интересами самодержавия и связанного с ним общественного строя. Правительство признавало, что в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с коренного населения края без успешного развития торговли было невозможно. Поэтому в Уставе 1822 г. делалась попытка, не меняя патриархально-феодалской основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначались в первой четверти XIX в.

Стремясь повысить платежеспособность аборигенов, в чем особенно было заинтересовано царское правительство, Сперанский пытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение народов Сибири. Четвертая часть Устава целиком посвящена «порядку сбора податей и повинностей с инородцев».

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, упадок удельного веса пушного промысла в хозяйстве народов Сиби-

<sup>55</sup> Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь, с. 303.

<sup>56</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 48.

ри, с одной стороны, и стремясь обеспечить максимальное поступление в казну налоговых платежей — с другой, Сперанский ввел принципиальное новшество в систему ясачного сбора, который теперь переводился на денежную основу. Тем самым делалась попытка оградить «инородцев» от злоупотреблений чиновников, столь обычных при приеме ясака пушниной. В Уставе подчеркивалось, что отныне «сбор вещами обращается в денежную сумму вообще свободною распродажею на ярмарках. Цена вещей, завися, как обыкновенно, от пропорции между требованиями на покупку и предложениями на продажу, всякое влияние местного начальства делает излишним и бесполезным»<sup>57</sup>. В другой статье отмечалось, что «казенные комиссары на ярмарках никакими льготами не пользуются»<sup>58</sup>.

Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при оценке делилась на два сорта — обыкновенную и дорогую<sup>59</sup>. Ясачный сбор следовало сдавать деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, авторы Устава оговаривались, что «никакой новый по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»<sup>60</sup>.

Приравнивая кочевых жителей к крестьянскому сословию в гражданских правах, Устав сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», — гласил Устав. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление, что относилось авторами Устава к «внутренним повинностям кочующих»<sup>61</sup>.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основе общественных приговоров, а на земские повинности — на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуровые книги, хранившиеся в земском суде.

В интересах фиска, специальная глава Устава (11) была посвящена взысканию недоимок, но и тут авторы стремились по возможности ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать не иначе «как на ярмарках и сугланах»<sup>62</sup>. Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами,

<sup>57</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 317.

<sup>58</sup> Там же, § 319.

<sup>59</sup> Там же, § 330.

<sup>60</sup> Там же, § 300.

<sup>61</sup> Там же, § 357.

<sup>62</sup> Там же, § 358.

как «настоятельное убеждение, задержание старосты, его сына или ближайшего родственника. Не исключался также и временный «арест» части пушнины, предназначенной к продаже»<sup>63</sup>.

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию»<sup>64</sup>. Некрещенные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их законам и обрядам»<sup>65</sup>. Вместе с тем Устав подчинял «иноверческое духовенство ...местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не наделял никакими преимуществами крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г. последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру»<sup>66</sup>. Устав предоставлял ясачным право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

### § 3. ВОПРОС О КОДИФИКАЦИИ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Кодификация норм обычного права сибирских народов в два законодательных памятника — «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири» явилась следствием введения «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

До присоединения Сибири к русскому государству коренные жители края не знали письменных знаков. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. Эти обычаи, явившиеся плодом развития общественных отношений, с течением времени приняли нормы права и могут быть, по мнению исследователей, охарактеризованы как обычное право<sup>67</sup>.

Памятники обычного права народов Сибири тогдашняя терминология называет сборниками степных законов. У коренного насе-

<sup>63</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 288.

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Там же, § 286.

<sup>66</sup> ПСЗ-2, т. 7, № 5847.

<sup>67</sup> См.: Ц и б и к о в Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970, с. 3.

ления Сибири существовало несколько таких сводов<sup>68</sup>, которые являются ценным источником для изучения общественно-политического и экономического развития.

Как уже отмечалось, в 1728 г. инструкцией Рагузинского из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела». Суд и расправа в «малых делах» — воровство, драки и т. д. — по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Аналогичные предложения содержались и в инструкции секунд-майору Щербачеву (1763 г.). Самодержавие не решалось подвергнуть полной регламентации внутриродовые отношения, а стремились создать видимость самоуправления народами края. Такая позиция правительства объясняется тем, что жесткая регламентация всех сторон жизни народов Сибири могла оттолкнуть вновь присоединенные племена от русского государства. Опасаясь ухода некоторых сопредельных с Монголией племен за границу, правительственные указы предписывали «служилым людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинить»<sup>69</sup>.

Правительство было вынуждено учитывать отсталость присоединенных племен. Власти признавали невозможность на первых порах полного подчинения народов Сибири русскому законодательству. Известную роль в этом отношении играло стремление правящих кругов сохранить патриархально-феодалные отношения у народов края, базирующиеся на имущественном и социальном неравенстве.

С другой стороны, царизм прилагал усилия к скорейшей ассимиляции сибирских народов с русским населением, чему в немалой степени способствовало развитие земледелия, распространение христианства и введенная Уставом 1822 г. порозрядная система.

В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского за 1822—1823 гг. отмечается, что началом введения в действие «Устава об управлении инородцев» явилось распоряжение местной администрации о переводе документа на языки местных народов. Затем администрация приступила к сбору сведений об аборигенах, чтобы на основании собранных данных разделить их на разряды. Следовало собрать полные и подробные сведения о законах и обычаях всех категорий коренного населения, так как предполагалось санкционировать обычно-правовую систему и использовать ее в управлении. Для этой цели в Иркутске и Красноярске были учреждены особые временные комитеты, которые состояли из чиновников губернских правлений и возглавлялись гражданскими губернаторами И. Б. Цейдлером и А. П. Степаковым. Сбор сведений следовало осуществлять в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В обязанности собирателей-чиновников — членов губерн-

<sup>68</sup> Рабцевич В. В. Записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII — первой половины XIX в. как историографический источник. — В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1982, с. 31—34.

<sup>69</sup> Ядринцев Н. М. Сибирь как колония, с. 106.

ских комитетов «входила не простая фиксация данных по программе а составление общих для всех описываемых народов справочников», т. е. задачи редактирования<sup>70</sup>.

В роли информаторов о нормах права обычно выступали представители родовой знати. В Енисейской губернии это были «почетнейшие старейшины в виде депутатов четырех главных инородческих родоначалей». В Иркутской губернии информаторами являлись главные тайши родовых управлений, их помощники, шуленги, старшины и другие «почетные инородцы». В Хоринском и Селенгинском ведомствах Верхнеудинского округа в составлении проекта свода законов приняло участие 154 депутата. В Якутской области необходимые сведения предоставили князцы Мишалкин, Королев, Ракулов и др.<sup>71</sup>

По полноте сведений о нормах обычного права в Восточной Сибири выделяется свод норм аборигенов, населяющих Иркутскую губернию. В первоначальной редакции он насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы<sup>72</sup>. Проект Якутского областного комитета состоял из 153 параграфов, Енисейского — из 74<sup>73</sup>.

По указанию генерал-губернатора Лавинского, проекты сводов были направлены в Иркутский губернский комитет для окончательного редактирования. При составлении проектов сводов члены губернских комитетов пришли к заключению, что обычаи коренного населения Енисейской губернии мало чем отличаются от законов Иркутских аборигенов, поэтому было решено составить общий свод обычного права народов Восточной Сибири.

При рассмотрении сводов степных законов Советом главного управления в августе 1824 г. был внесен ряд поправок и предложений, после чего генерал-губернатор А. С. Лавинский «не нашел никакого препятствия к утверждению их» и проект был направлен в Сибирский комитет<sup>74</sup>.

К рассмотрению поступивших проектов Сибирский комитет приступил весной 1825 г. Однако работа продвигалась медленно. Тогда ввиду сложности было решено образовать специальную комиссию, которой поручалось изучить два проекта, состоящие из нескольких сот статей, сравнить их с подлинными показаниями аборигенов, определить, насколько они соответствуют Уставу 1822 г. В конечном итоге комиссии следовало представить в Сибирский комитет заключение о дальнейшей судьбе проектов. Объем работы, как видим, был достаточно велик. Поэтому комиссия смогла завершить ее только к концу 1827 г.

---

<sup>70</sup> Рабцевич В. В. Указ. соч., с. 32.

<sup>71</sup> ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 36 «г», 1838 г., л. 60—64.

<sup>72</sup> Там же, л. 66 об.

<sup>73</sup> Там же, д. 36 «в», 1838, г., л. 48.

<sup>74</sup> Там же, ф. 1264, оп. 1, д. 280, л. 1-1 об.

Из «Записки о степных законах народов Восточной Сибири» видно, что сразу же после начала работы комиссии возникли некоторые трудности, предопределившие дальнейший характер ее работы<sup>75</sup>. При сравнении проектов с показаниями «инородческих» депутатов оказалось, что они значительно разнятся между собой. Проекты сводов представляли, по утверждению комиссии, «изложение, местными начальствами уже измененное»<sup>76</sup>. Поэтому члены комиссии решили составить новый проект свода законов, «приняв в ближайшее соображение подлинные показания инородцев». В ходе работы выяснилось, что составление такого проекта займет много времени, поэтому было решено отказаться от составления нового проекта, а только исправить старый. Однако управляющий делами Сибирского комитета Величко не согласился с членами комиссии. Он настаивал не на исправлении старого, а на составлении нового проекта. Стремясь мотивировать свое решение, Величко утверждал, что в основу обсуждаемых проектов сибирская администрация положила свое собственное мнение, а «показания инородцев или вовсе устранила, или приняла как вспомогательное в работе пособие»<sup>77</sup>.

В марте 1828 г. Сибирский комитет вынес решение по спорному вопросу. Величко поручалось составить новый проект свода степных законов «на началах более удовлетворительных». К 1831 г. были составлены шесть частей проекта и, по предложению Величко, отправлены в Иркутск на заключение известного «знатока быта инородцев губернского переводчика монголо-бурятского языка Игумнова».

К 1836 г. было завершено составление второго проекта свода законов, а в следующем году с «высочайшего разрешения» 50 экземпляров проекта было напечатано. В этой редакции проект включал 540 параграфов, которые состояли из самого текста, ссылок на источники и примечаний, объясняющих значение некоторых слов и терминов.

В июле 1837 г. 20 экземпляров проекта было направлено генерал-губернатору Восточной Сибири С. М. Броневскому для обсуждения в губернских и областных советах. Итоговое обсуждение проекта в Совете главного управления Восточной Сибири состоялось в ноябре 1837 г. Многочисленные замечания участников обсуждения касались, главным образом, семейно-бытовой стороны жизни аборигенов, а также вопроса о географии проектируемых преобразований. Знакомство с журналом заседания Совета главного управления позволяет заключить, что местная администрация предпола-

---

<sup>75</sup> ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 280, л. 139—151.

<sup>76</sup> Там же, л. 143.

<sup>77</sup> Там же, л. 144—144 об.

гала распространить действие сводов степных законов на абсолютное большинство коренного населения края.

Между тем пока в Сибири в течение полутора лет шло обсуждение проекта свода степных законов, 9 января 1838 г. последовал именной указ о закрытии Сибирского комитета <sup>78</sup>. Считая, что основная его цель — «введение учреждения и Уставов 1822 г. в полное действие» — уже достигнута, Николай I предписал закрыть Комитет, а архив передать в канцелярию Комитета министров. Незавершенные проекты и различные предложения следовало передать в Государственный совет. Так закончил свое существование Первый сибирский комитет.

Проект свода степных законов с предложениями и поправками губернских и областных правлений попал во II отделение императорской канцелярии к М. М. Сперанскому, который незадолго до своей смерти передал его бывшему управляющему делами Сибирского комитета Величко. Последний после закрытия Комитета был откомандирован ко II отделению императорской канцелярии и назначен членом Совета министерства внутренних дел. Величко вместе с вице-директором второго департамента министерства государственных имуществ Ильичевским проект свода был дополнен и исправлен.

Оба чиновника настаивали на внесении в проект свода положения, подтверждающего вотчинные права казны на земли, занимаемые аборигенами <sup>79</sup>. Однако министр внутренних дел Д. Н. Блудов придерживался иного мнения. Он утверждал, что анализ аграрного законодательства непременно должен был привести к заключению, что «высшее правительство всегда старалось в отношении к сибирским инородцам, особенно в Восточной Сибири... кочующим, устранить всякий, даже и малейший повод к сомнению, насчет неприкосновенности их прав на землю, как древнюю их собственность» <sup>80</sup>. Мероприятия правительства своей важнейшей целью имели «предупредить неприязненные разглашения, которые легко могли особенно в столь отдаленном от центра управления крае произвести тревогу в умах и иметь неблагоприятные последствия прежде, нежели Высшее правительство успеет принять надлежащие достаточные к пресечению их меры» <sup>81</sup>. Руководствуясь этими соображениями, Д. Н. Блудов предлагал «ныне не вводить в Степное уложение никаких особенных положительных постановлений о вотчинном праве казны на земли, занимаемые инородцами», тем более, «что и без всякого о том упоминания на основании общих законов империи самодержавная власть ...всегда имеет полное право располагать

<sup>78</sup> ПСЗ-2 т. 13, отд. 1, № 10867.

<sup>79</sup> ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 36 «б», 1838, г., л. 144.

<sup>80</sup> Там же, л. 112.

<sup>81</sup> Там же, л. 149.

не только землями сибирских инородцев, но всеми и всякими имуществами своих подданных», и ни «у кого никогда не может быть сомнения в праве, на коем сибирские инородцы, по существующим узаконениям владеют землями»<sup>82</sup>.

Министр государственных имуществ П. Д. Киселев согласился с предложением Блудова. Он предлагал лишь «в предупреждение сомнений о правах казны» внести в проект некоторые редакционные изменения и примечания. В целом же проект свода Киселевым был одобрен.

В начале лета 1841 г. Д. Н. Блудов с «высочайшего» благословения направил проект свода государственному секретарю М. А. Корфу для обсуждения в Государственном совете. Департамент законов высоко оценил представленный проект. В резолюции из журнала департамента от 22 сентября 1841 г. отмечается, что «дело ...совершено вообще с особым тщанием и в отношении как полноты свода, так и самой его системы представляет весьма удовлетворительные результаты»<sup>83</sup>. Однако ввиду «важности поставленного вопроса» департамент счел необходимым прежде вынесения окончательного заключения о проекте получить о нем отзыв министра юстиции<sup>84</sup>.

Вопреки ожиданиям, отзыв В. Н. Панина, занимавшего тогда этот пост, был резко отрицательным. Указав, что проект не только не соответствует своему первоначальному назначению, но и содержит в себе «важные от первоначальных предначертаний правительства отступления», В. Н. Панин высказался против его окончательного утверждения<sup>85</sup>.

В проекте 1841 г. подстатейные ссылки на сборники обычаев народов Сибири были заменены статьями Общего свода законов, от чего число параграфов увеличилось до 802. Однако сами редакторы указывали, что «особого различия между обоими изданиями нет, различия касаются только формы»<sup>86</sup>. К проекту отдельным томом придавались пояснительные примечания.

Приступая к составлению проекта свода степных законов, правительство надеялось с его помощью упорядочить и регламентировать юридически обычаи и быт народов Сибири. Однако проект 1836 г. и тем более 1841 г. не отвечал этим требованиям. По характеристике А. Нольде, они являлись «справочной книгой для кочевых инородцев»<sup>87</sup>. В проект 1841 г. из 802 статей только 379 основывались на «истинных» показаниях «инородческих депутатов», 131

<sup>82</sup> ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 36 «б», 1838 г., л. 149—150, 155.

<sup>83</sup> Там же, ф. 1149, оп. 3, д. 57, л. 3.

<sup>84</sup> Там же, л. 3 об.

<sup>85</sup> ЦГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 63, л. 39.

<sup>86</sup> Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». — В кн.: С. Ф. Платонову — ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 512.

<sup>87</sup> Там же, с. 517.

статья содержала «дополнительные и переходные правила», а 294 статьи были заимствованы из Общего свода законов. Естественно, что такой проект не мог быть утвержден и его пришлось отправить на доработку.

В 1844 г. проект свода степных законов, по предложению II отделения императорской канцелярии, вновь рассматривался в Государственном совете. При этом обнаружились две противоположные точки зрения. В. Н. Панин полагал, что «нет достаточного удостоверения в точности материалов, положенных в основу упомянутого свода»<sup>88</sup>. Совершенно иную позицию занял начальник II отделения императорской канцелярии М. А. Балугьянский. Возражая Панину, он доказывал, что «по настоящему предмету изыскания были сделаны весьма тщательно и с крайнею осторожностью». При этом Балугьянский обращал внимание на то, что достоверность всех актов, положенных в основу проекта, подтверждается родоначальниками и губернской администрацией. Защищая проект, Балугьянский указывал, что новые изыскания по этому вопросу ничего не дадут.

При таком значительном разногласии между высокопоставленными чиновниками, судьбу проекта решило побочное обстоятельство. В то время готовилось к изданию новое уголовное уложение. А так как значительную часть проекта свода степных законов (175 статей) составляли постановления о взысканиях и наказаниях, то департамент законов, опасаясь, что статьи эти придется переделывать в духе нового узаконения, не принял окончательного решения без отзыва министра юстиции. Подобная позиция департамента позволяет судить об истинном отношении самодержавия к составляемому проекту свода степных законов. Введением такого свода царизм стремился создать видимость самоуправления, исходящего из норм обычного права народов Сибири, отфильтровывая из него все то, что, по мнению правительства, не только противоречило официальным узаконениям, но и могло помешать эксплуатации коренного населения.

В начале 1847 г. заместитель управляющего II отделением императорской канцелярии М. А. Корф представил «Записку о своде степных законов инородцев Восточной Сибири»<sup>89</sup>. В ней автор не только довольно обстоятельно изложил историю попыток кодификации степных законов, но, что особенно ценно, высказал свое оригинальное суждение по рассматриваемой проблеме, нашедшее полную поддержку правительства. М. А. Корф, в отличие от своих предшественников, к составлению проекта свода степных законов попытался подойти с учетом хозяйственных и культурно-бытовых особенностей тех народов Сибири, для которых он предназначался. Подобный под-

<sup>88</sup> ЦГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 68, л. 2 об.; ф. 1261, оп. 1, д. 36 «б», 1838 г., отд. 1, л. 258—312.

<sup>89</sup> Там же, ф. 1149, оп. 3, д. 68, л. 3—3 об.

ход, надо полагать, не являлся случайным. Из биографии М. М. Сперанского, написанной М. А. Корфом, можно заключить, что уже в то время будущий придворный историограф приступил к сбору сведений, необходимых для жизнеописания «русского реформатора»<sup>90</sup>. Корф подробно ознакомился с сибирским периодом деятельности Сперанского и впоследствии посвятил этому сюжету в своей книге целую главу<sup>91</sup>. Очевидно, именно это обстоятельство и предопределило попытку проблемной постановки вопроса при рассмотрении проекта свода степных законов.

Рассматривая проект, Корф наметил три вопроса, от разрешения которых зависела его судьба, а именно: соответствует ли проект «целям правительства», удовлетворителен ли он, а если нет, то можно ли составить лучший, и есть ли вообще необходимость в письменной фиксации обычаев коренного населения Сибири<sup>92</sup>.

Ответы Корфа на первые два вопроса не отличаются оригинальностью суждений. По его мнению, «проект не соответствует целям своего назначения» и введение его может «только повредить успеху предпринимаемых правительством усилий к устройству Сибири»<sup>93</sup>. Относительно второго вопроса замечает, что сведения, положенные в основу проекта, «не заключают в себе ничего довольно полного, положительного и достоверного», чтобы основывать на них свод законов<sup>94</sup>.

Оригинальность суждений Корфа проявляется при ответе на третий вопрос. Выражая сомнение в целесообразности введения свода степных законов, Корф указывает на существенные различия в уровне хозяйственного и культурного развития различных кочевых племен. При механическом объединении в свод степных законов норм обычного права различных кочевых народов, по мнению Корфа, «все те неудобства, которые возникают от степных законов, вряд ли устранятся». В данном случае Корф был, несомненно, прав. Последние работы советских исследователей доказывают, что обычное право народов Сибири, в частности, бурят, отличалось партикуляризмом, который обуславливался территориальной обособленностью племен, экономической и культурной разобщенностью народов<sup>95</sup>. Издание свода степных законов, по мнению Корфа, могло быть полезно до введения Сибирского учреждения 1822 г. Теперь же, когда «самими учреждениями сделано уже весьма многое и в отношении к инородцам», необходимость такого рода отпала<sup>96</sup>.

<sup>90</sup> Корф М. А. Жизнь графа Сперанского, т. 1, с. 2.

<sup>91</sup> Там же, т. 2, с. 164—260.

<sup>92</sup> ЦГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 68, л. 9—10.

<sup>93</sup> Там же.

<sup>94</sup> Там же, л. 10 об.

<sup>95</sup> Цибиков Б. Д. Указ. соч., с. 4.

<sup>96</sup> ЦГИА, ф. 1149, оп. 3, д. 68, л. 16 об.

Действительно, законодательное оформление норм обычного права в том виде, как это предусматривалось правительством, могло послужить лишь консервации патриархально-феодалных отношений в то время, когда правительство своими указаниями вступило на путь их разрушения.

К концу первой половины XIX в. народы Сибири сделали заметный шаг вперед в социально-экономическом и культурном развитии. Наметившаяся еще в начале века тенденция к сближению русского и коренных народов значительно окрепла. Население региона все сильнее вовлекалось в орбиту общегосударственных связей и отношений. Род как административно-хозяйственная единица распался. В этих условиях полное подчинение народов Сибири российскому законодательству могло иметь прогрессивное значение. В середине XIX в. обычное право народов Сибири уже не отражало действительного положения вещей, оно являлось пройденным этапом для большинства народов Сибири, поэтому и отпала необходимость превращать своды в действующие законы и включать в «Свод Российской империи»<sup>97</sup>.

Министр юстиции не только полностью согласился с мнением Корфа, но и добавил от себя, что если издавать свод, то придется делать это для каждой из областей Восточной Сибири. При этом вследствие неграмотности большинства аборигенов усилилось бы влияние лам, чего царское правительство допустить не хотело. Поэтому Государственный совет решил через министра юстиции запросить мнение генерал-губернатора Восточной Сибири о целесообразности введения степных законов. Ответ Н. Н. Муравьева гласил следующее: «...введение степных законов ныне было бы не полезно, а вредно, ибо при действии общих русских законов, к которым инородцы более и более стали обращаться, прежние обычаи и предания инородцев слабеют, исчезают и обо многом они сами уже имеют лишь одни темные и сбивчивые сведения, что едва ли в скором времени не представится необходимым распространить на них действие законов общих»<sup>98</sup>. Так закончились попытки правительства законодательно оформить нормы обычного права народов Сибири.

В итоге отметим, что к концу второй четверти XIX в. отчетливо прослеживается стремление правительства подчинить народы Сибири действию общероссийского законодательства. Подобная тенденция в политике обуславливалась классовыми интересами царизма и являлась одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к коренным народам края. Однако объективно это направление политики царского правительства способствовало сближению русского и коренных народов Сибири, что имело прогрессивное значение.

<sup>97</sup> Светличная Л. И. Указ. соч., с. 71.

<sup>98</sup> ЦГИА, ф. 1265, оп. 2, д. 63, л. 38 об.

## ГЛАВА II УПРАВЛЕНИЕ НАРОДАМИ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

### § 1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О РЕФОРМЕ УПРАВЛЕНИЯ АБОРИГЕНАМИ 60—80-х ГОДОВ XIX ВЕКА. ПОПЫТКИ ПЕРЕСМОТРА УСТАВА 1822 года

Вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами в первые пореформенные десятилетия неоднократно обсуждался в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Это было связано с предпринимаемыми самодержавием попытками распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. и полностью подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. Однако отсутствие у правительства четкой программы реализации намеченных целей порождало не только значительное число, но и противоречивость поступавших предложений. Это обстоятельство своим следствием имело непоследовательность правительственной политики в отношении сибирских аборигенов, что было прямым порождением общего внутриправительственного курса, который Ф. Энгельс охарактеризовал как систему нерешительности и противоречий. Это была политика, «меняющаяся с часу на час», делающая очевидной для каждого внутреннюю слабость, недостаток воли и проницательности царского правительства<sup>1</sup>.

В общих чертах сибирская программа царизма была сформулирована Вторым сибирским комитетом еще до Крымской войны, когда общее соотношение сил в стране не внушало тревогу правительству<sup>2</sup>.

Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям<sup>3</sup>. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений»<sup>4</sup>. Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип незыблемости «главных оснований Сибирского учреждения 1822 г.». Выражая пожелания мелочных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало незыблемость прав Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предположения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях».

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 145.

<sup>2</sup> См.: Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. — В кн.: Очерки истории Сибири. Иркутск, 1971, вып. 2, с. 3—26.

<sup>3</sup> ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., д. 135, 1852 г., л. 84.

<sup>4</sup> Там же, л. 85.

Свою задачу члены вновь созданного Сибирского комитета видели в том, чтобы «сообразить в подробности: какими именно средствами можно было устроить ясачный сбор с сибирских инородцев таким образом, чтобы этот сбор, не стесняя инородцев, не препятствовал обращению их к оседлости и не уменьшал доходов Кабинета»<sup>5</sup>.

Таким образом, национальная программа Второго сибирского комитета вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций. Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, правительство не предполагало возможности серьезных реформ в скором будущем<sup>6</sup>.

Позиции сибирского чиновничества принципиально не отличались от вышеизложенной программы. Так, например, тобольский гражданский губернатор В. А. Арцимович признавал необходимость лучшего «образования ...управления» аборигенами, но не предлагал ничего конкретного. Его программа в этом вопросе предусматривала сбор сведений об управлении коренными жителями в «прошедшие времена» и разработку на этой основе мероприятий, способных привести к полезным, с точки зрения Арцимовича, и менее ошибочным результатам<sup>7</sup>. Вывод о принципиальном единстве подходов центральной и местной администрации к решению «инородческого вопроса» подтверждается и при знакомстве с предложениями, исходившими от других представителей сибирской губернской администрации<sup>8</sup>.

Вступление России на путь капитализма оказало сильнейшее влияние и на развитие восточных окраин империи. Значительно усложнились задачи административных, полицейских и судебных учреждений, которые в новых условиях должны были «обеспечить проведение колонизаторской политики царизма и эксплуататорских классов, охрану их интересов, взыскание податей и выполнение повинностей, ведать каторгой и ссылкой, казенными заводами, производить закупки для казны»<sup>9</sup>. Если положение 19 февраля 1861 г., по справедливому замечанию В. Г. Чернухи, явилось «выражением долгосрочной программы русского правительства в крестьянском вопросе», то последующее законодательство 60—70-х гг. было его дальнейшей конкретизацией и попытками решения текущих задач<sup>10</sup>. В этом плане обращает на себя внимание постановление Государственного совета от 18 января 1866 г. о распространении на области и губернии, управляемые по особому положению, основ реформы

<sup>5</sup> ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., д. 135, 1852 г., л. 51—51 об.

<sup>6</sup> Кузнецов А. С. Указ. соч., с. 21.

<sup>7</sup> ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 34, л. 1 об.

<sup>8</sup> ЦГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 141, л. 1—14.

<sup>9</sup> История Сибири, т. 3, с. 77.

<sup>10</sup> Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е гг. XIX в.). Л., 1972, с. 5.

19 февраля 1861 г.<sup>11</sup> Сообщая об этом сибирским генерал-губернаторам А. Дюгамелю и М. С. Корсакову, министр государственных имуществ А. А. Зеленый предписал им представить свои соображения по вопросу о том, в какой степени решение может быть применимо к государственным крестьянам в Сибири<sup>12</sup>. Таким образом, правительство впервые заявило о своем намерении распространить реформу 19 февраля 1861 г. на Сибирь и ее население.

Дальнейшее развитие программы правительства в отношении коренного населения Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом, и стремлением к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в частности. Предполагалось, что ревизия «инородческого» устава должна преследовать ясно выраженные руссификаторские цели. Начиная с 40-х и особенно 50-х гг. прошлого столетия в высших правительственных сферах все чаще начинают раздаваться голоса о необходимости полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству. Еще в 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев высказался в пользу распространения на коренных жителей края «действия законов общих»<sup>13</sup>. Более подробно этот вопрос изложил тобольский губернатор В. А. Арцимович в «Описании сибирского края». Рассматривая Сибирь не только как место ссылки и наказания преступников, но прежде всего, как неотъемлемую и одну из важнейших частей России, он предлагал провести ряд мероприятий «не только в видах устройства края, но и в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения» русского населения в крае<sup>14</sup>. Не случайно поэтому Арцимович ратовал за «коренную» реформу управления аборигенами на руссификаторских началах<sup>15</sup>.

С проблемой унификации управления русского крестьянского и коренного населения местная администрация вплотную столкнулась в середине 50-х гг., когда в губерниях Западной Сибири начинается организация так называемых образцовых волостей с целью введения в крае в полном объеме положений реформы государственных имуществ П. Д. Киселева<sup>16</sup>. К образцовым относились волости, в которых после окончания реформы проводилось межевание земель<sup>17</sup>. Вводимое с высочайшего соизволения это новшество пресле-

<sup>11</sup> Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883, вып. 1, т. 6, с. 1; ЦГИА, ф. 385, оп. 11, д. 6739, ч. 1, л. 13.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же, ф. 1265, оп. 2, д. 63, л. 39 об.

<sup>14</sup> ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 50, л. 2 об.-3.

<sup>15</sup> Там же, д. 34, л. 1 об.

<sup>16</sup> См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., т. 1, 1946.

<sup>17</sup> Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899). Томск, 1979, с. 132.

довало цель улучшения положения государственных имуществ путем введения у коренных жителей волостных и сельских правлений и развития «в них предметов сельского устройства»<sup>18</sup>.

В октябре 1853 г. Совет главного управления Западной Сибири признал необходимым ввести образцовое управление «для опыта в нескольких волостях оседлых инородцев». Начиная со следующего, 1854 г., на эти волости следовало распространить «весь порядок волостного и сельского управления». Для достижения «единообразия и стройности управления» в отдаленных селах образцовых волостей предполагалось ввести должность сельского старшины, его помощника и десятника, «смотря по числу душ в селении».

Должностным лицам в образцовых волостях следовало заниматься сбором податей, исправлением натуральных повинностей, наблюдением «за тишиной и порядком». Иными словами, служебные обязанности должностных лиц в инородческих образцовых волостях практически не отличались от функций должностных лиц крестьянского самоуправления. Это означало, что с введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должна была произойти если и не унификация, то, по крайней мере, значительное сближение форм крестьянского и «инородческого» самоуправления. Одним из первых образцовое правление было введено в Вагайской волости Тобольского уезда, Кашегальской волости Тюменского уезда, Бухарской волости Тарского уезда и некоторых других местах<sup>19</sup>. Следует отметить, что в Западной Сибири эта форма организации управления оседлыми аборигенами довольно скоро получила известное распространение. К концу 50-х гг. в Тобольской губернии было образовано 28 образцовых волостей, в Томской губернии — 15<sup>20</sup>.

Начавшаяся Крымская война и последовавшие за ней подготовка и отмена крепостного права отодвинули Сибирь в круг государственных интересов на второй план. Такое положение сохранялось до 1866 г., когда в связи с проведением в жизнь реформы 19 февраля 1861 г. Государственный совет принял решение о распространении на Сибирь положений об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской России<sup>21</sup>. Для реализации этого постановления и разработки конкретных планов и рекомендаций преобразования в начале 1873 г. при министерстве государственных имуществ была образована специальная комиссия под председательством директора департамента общих дел, барона Медема<sup>22</sup>. В состав комиссии вошли по два чиновника от министерств государственных имуществ и внутренних дел и один от министерства

<sup>18</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 20.

<sup>19</sup> Там же, л. 19—20.

<sup>20</sup> ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 34, л. 1 об.

<sup>21</sup> ЦГИА, ф. 385, оп. 11, д. 6739, ч. 1, л. 13.

<sup>22</sup> Там же, д. 6739, ч. 2, л. 8.

финансов. В будущей реформе управления аборигенами члены комиссии, кроме известных фискальных соображений, преследовали чисто политические цели в виде «приравнивания» коренного населения Сибири к русскому крестьянству. Однако свою первейшую задачу они видели в разработке прежде всего проектов поземельного устройства, считая, что затем удобнее будет судить о тех мерах, которые должны быть приняты в отношении их (сибирских поселян.— Л. Д.) административного устройства <sup>23</sup>.

Создается впечатление, что в первые пореформенные десятилетия правительство умышленно не занималось вопросами организации управления народов Сибири, ставя их решение в прямую зависимость от способов поземельного устройства аборигенов. Действительно, этот период не знает какого-либо крупного законодательства в области управления народами Сибири, поэтому отдельные исследователи попросту упускали этот этап, переходя от Устава 1822 г. к административным преобразованиям 80—90-х гг. <sup>24</sup>

Однако уже при первом обращении к документальным материалам легко обнаружить постоянные колебания и сомнения правительства в правильности основных положений Устава М. М. Сперанского. Когда в декабре 1851 г. великий князь Константин Павлович попросил генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева «ближе» познакомить его с сибирским учреждением 1822 г., которое, по его словам, долго «почиталось... превосходным», то Муравьев отвечал ему, что сибирские преобразования Сперанского пользовались наибольшей известностью при жизни самого автора, а в действительности оказались слишком «замысловатыми» и в «применении к делу... небезукоризненными». Основной недостаток этих преобразований Муравьев видел в том, что «они умножили инстанции и чрезвычайно распространили канцелярскую переписку чиновников» <sup>25</sup>. Подобные тенденции резко усиливаются после поражения царизма в Крымской войне, когда государственная казна испытывала острый недостаток налоговых поступлений. В условиях неудовлетворительного состояния сельского хозяйства, массового разорения крестьян, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации, когда на первый план выдвинулся фактор экономический, самодержавие вновь обратилось к Сибири, к ее коренным народам как потенциальным поставщикам ценного «мягкого золота». Однако уже в середине 60-х гг. царское правительство убедилось в банкротстве своих планов. В 1867 г. императорский Кабинет с горечью констатировал, что за

<sup>23</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 47, д. 456, л. 3 об.

<sup>24</sup> История Сибири, т. 3, с. 106—107.

<sup>25</sup> ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 12, 14; РО ГБЛ, ф. 452, к. 86, д. 11, л. 46—48.

последние 12 лет ясачные поступления натурой не увеличились<sup>26</sup>. Тогда в правительственных кругах возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Автором этого проекта был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский<sup>27</sup>.

Подобная картина наблюдается и в Западной Сибири. В апреле 1864 г., по предложению генерал-губернатора А. Дюгамеля, Комитет министров принял решение об упразднении Эскалбинской инородной волости и о присоединении 11 входящих в ее состав юрт оседлых «инородцев» к русским волостям Тобольского и Тюменского округов<sup>28</sup>. На основании этого решения казенная палата приписала к Кугаевской волости 84 ревизских души оседлых жителей бывшей Эскалбинской волости. Указом Тобольской казенной палаты от 11 сентября 1865 г. к Саморской волости были причислены 72 жителя Темяческой инородной волости<sup>29</sup>.

В 1867 г. из Верхне-Демьянской инородной волости к русским поселянам Демьяновской волости было приписано свыше 100 душ аборигенов, юрты которых были разбросаны от волостного центра на расстоянии от 25 до 400 верст.

Ходатайство о разрешении приписки аборигенов к русским волостям местная администрация стремилась подкрепить ссылками на необходимость «упорядочивания сбора подлежащих с них податей и приучению инородцев к занятию сельским хозяйством». Однако первоначальный опыт такого рода действий оказался весьма неудачным. По признанию тобольского губернатора, эта мера не принесла ожидаемых результатов, податные сборы с аборигенов отнюдь не увеличились. Более того, у «искусственно», по признанию самого губернатора, соединенных в одно волостное правление крестьян и аборигенов происходили различные споры, нередко выливавшиеся во «взаимный антагонизм». Это усугублялось тем, что волостные правления, как правило, находились в руках русских поселян и ни в чем не хотели уступать аборигенам. В конечном итоге волостные сходы стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние, в свою очередь, отказывались от причисления к русским волостям<sup>30</sup>.

В условиях национально-колониальной политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках единых административных единиц не могло принести свободы коренному населению. Формы и методы процесса «не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодалным характером господствующего в стране царского

<sup>26</sup> ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 912, л. 639—641 об.

<sup>27</sup> См.: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX— начале XX века. Иркутск, 1983, с. 75—99.

<sup>28</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 2.

<sup>29</sup> Там же, л. 16 об.

<sup>30</sup> Там же, л. 2 об.

режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя»<sup>31</sup>. Тем не менее в 1871 г. тобольский губернатор А. С. Сологубов вновь возбудил вопрос о причислении оседлых «инородцев» губернии к русским волостям. На этот раз речь шла о причислении всех оседлых аборигенов без исключения. При этом предполагалось подчинить аборигенов «волостным и сельским начальникам из русских государственных крестьян». Необходимость подобной меры, по мнению губернатора, вызывалась тем обстоятельством, что русские крестьяне, будучи энергичнее и культурнее коренных жителей, смогут принять более действенные меры к успешному сбору с аборигенов податных платежей и сумеют принести в сознание аборигенов убеждение о необходимости занятий сельским хозяйством, «от которого инородцы уклонялись»<sup>32</sup>. Тарский, Тюменский, Ялуторовский окружные исправники признали не только пользу, но необходимость этой меры, прежде всего для того, чтобы «заставить инородцев быть исправными плательщиками податей и повинностей, заняться усерднее хозяйством»<sup>33</sup>.

Местные власти неоднократно жаловались на то, что многие коренные жители губернии земледелием практически не занимаются, а сдают землю в аренду русским крестьянам «за самую ничтожную плату». Естественно, что при таком ведении хозяйства недоимки на аборигенах постоянно увеличивались. Поэтому-то исправники вышеназванных трех округов столь энергично поддержали предложение гражданского губернатора, считая, что эти меры приведут к «улучшению» податных сборов с аборигенов.

Кроме того, предполагаемые ко введению мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать «успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров, постановлению волостных сходов». Это было тем более важно, что «инородческие» начальники, не зная подчас русского языка, были «не в состоянии объяснить требования закона»<sup>34</sup>. Как видим, в обоснование будущих преобразований в качестве основных выдвигались фискальные и административные соображения. Вопрос о соответствии уровня податного обложения действительной платежеспособности аборигенов даже не ставился, сами преобразования прогнозировались без всякого участия аборигенов.

Спустя два года, аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Однако причины, породившие его, были иными.

Губернская администрация не жаловалась на низкую платежеспособность коренных жителей. Наоборот, губернатор подчеркивал

<sup>31</sup> История СССР с древних времен до наших дней. М., 1967, т. 4, с. 360. (

<sup>32</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 2 об.

<sup>33</sup> Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 3925, 1877 г., л. 221 об.

<sup>34</sup> Там же, ф. 385, оп. 11, д. 6776, л. 4—4 об.

«прочность их (коренных жителей.— Л. Д.) оседлости» и материального благополучия. Он отмечал, что оседло проживающее коренное население в настоящее время практически совершенно обрусело, большинство аборигенов приняло православие, а «их речь, облик и обычаи утратили свои особенности и нередко можно ошибиться по их внешнему виду и домашней обстановке принадлежат ли они, к инородцам или к русским». Все это коренное население пользуется землей наравне с крестьянами и нередко в дачах последних, а между тем размеры податных платежей аборигенов значительно ниже по сравнению с русскими крестьянами. Кроме того, коренные жители были «совершенно избавлены от рекрутства». Такое привилегированное положение оседлых аборигенов при равномерном пользовании земельными угодьями с русскими крестьянами представляло, по глубокому убеждению губернатора, «полную несправедливость». Однако, как выясняется далее, губернатора волновали и другие заботы. Оказывается, при незначительности коренных жителей в инородных управах им самим было тяжело содержать органы собственного управления. В силу указанных причин необходимость причисления оседлых аборигенов к русским волостям еще более усиливалась<sup>35</sup>.

В сущности позиции тобольского и томского губернаторов совпадали. Они признавали за благо причислить оседло проживающих аборигенов к русским волостям, а расходились лишь в обоснованиях подобных предложений. Если тобольский губернатор «мечтал» об улучшении благосостояния аборигенов, то его томский коллега боролся за восстановление «справедливости» по отношению к русскому крестьянству.

Советские историки давно доказали, что подобное попечение на практике являлось одной из форм реализации национально-колониальной политики царизма, проводимой «прежде всего в интересах русского дворянства»<sup>36</sup>. Новые проекты сибирской администрации вливались в общий тон правительственной политики и являлись прелюдией того откровенно реакционного курса, который устанавливается в 80—90-х гг. прошлого столетия и связывается с именами К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого и др.<sup>37</sup>

На основании решения губернских советов генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков в 1876 г. обратился в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве крестьян и аборигенов Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. В отношении землепользования предлагалось оставить копен...

<sup>35</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 221.

<sup>36</sup> История СССР с древнейших времен..., т. 4, с. 361.

<sup>37</sup> См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, 442 с.

жителей в прежних «границах и правах». При выборах должностных лиц волостного управления Казнаков предлагал уравнивать крестьян с аборигенами, оговорив при этом преимущество крещенных «инородцев» перед «язычниками»<sup>38</sup>. Это предложение противоречило Уставу 1822 г., но отдавало дань исторической традиции, предоставлявшей крещеным коренным жителям различные льготы и преимущества<sup>39</sup>.

В ноябре 1877 г. П. А. Валуев внес на рассмотрение в Комитет министров предложение Казнакова<sup>40</sup>. Обсуждая его, члены Комитета министров отметили, что предлагаемые меры должны непременно коснуться существенных сторон быта аборигенов и «присвоенных им льгот и преимуществ». Особую настороженность участников обсуждения вызвало то обстоятельство, что проектируемые меры носили временный характер, в то время как, по их убеждению, всякое в этом смысле мероприятие должно было иметь «значение определенное».

Рассматриваемый вопрос ввиду его важности требовал «особой осторожности», а в предложении Казнакова члены Комитета министров увидели элемент неуверенности. Этого было достаточно, чтобы вынести решение о необходимости дополнить представление генерал-губернатора новыми статистическими сведениями, с учетом которых можно было определить значение предлагаемых Казнаковым мер<sup>41</sup>. Осуществление решения, связанное со значительными трудностями, должно было охладить реформаторский пыл генерал-губернатора.

Однако в следующем, 1878 г., он приказал тобольской губернской администрации собрать все необходимые сведения о коренных жителях. Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных об аборигенах сведений местная администрация приступила лишь через 10 лет.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы специальные окружные комиссии, которым поручалось всестороннее обследование коренного населения с целью решения вопроса о возможности и целесообразности присоединения оседлых аборигенов к русским волостям<sup>42</sup>.

Программа деятельности комиссий была достаточно обширна. Им надлежало выяснить такой сложный вопрос, как количество и качество земли, находившейся в пользовании каждого работника у крестьян и коренных жителей, изучить быт и дать сравнительную

<sup>38</sup> ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3925, 1877 г., л. 222 об. — 223.

<sup>39</sup> Д а м е ш е к Л. М. Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. — В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976, с. 39—46.

<sup>40</sup> ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 79, л. 14.

<sup>41</sup> Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 4044, 1879, г., ж. ст. 473.

<sup>42</sup> Там же, 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 5.

характеристику образа жизни «в трудовом и экономическом» отношении аборигенов и русских крестьян, способы отбывания натуральных повинностей и др. Конечная цель работы комиссий заключалась в том, чтобы решить вопрос о «возможности, полезности и необходимости присоединения инородческих обществ к русским волостям с подчинением их местным по крестьянским делам учреждениям»<sup>43</sup>.

Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна комиссия — Туринская — безоговорочно признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным<sup>44</sup>. Остальные высказались гораздо более осторожно.

Так, например, Тюменская окружная комиссия «ввиду разности вероисповедания, языка, обычаев, обоюдного нерасположения друг к другу русских и инородцев» причисление аборигенов к русским волостям признала «положительно невозможным»<sup>45</sup>.

Против проектируемых нововведений, по существу, выступала и Тобольская окружная комиссия, члены которой ссылались, с одной стороны, на нежелательность такого причисления, высказанное на инородческих сходах, и на различия в традициях общественной жизни русских крестьян и коренных жителей — с другой. Комиссия не считала возможным присоединение коренных жителей к русским волостям еще и потому, «что нравы и обычаи инородцев были отличны от русских», которые подчас пренебрежительно относились к коренным жителям, считая «их по религии недостойными соприкосновения».

Лишь три волостных схода этого округа — Демьянский, Карачинский и Самаровский высказались за присоединение к ним аборигенов, «имея в виду, что инородческие земли пойдут в раздел с русскими и не придется платить за аренду». Остальные волостные сходы русских деревень высказались против объединения с аборигенами<sup>46</sup>.

Основываясь на этих сведениях, Тобольская окружная комиссия в целом высказалась против присоединения аборигенов к русским волостям. Распространение на коренных жителей общего положения о крестьянах она также не считала возможным ввиду «крайней неразвитости инородцев».

Иначе смотрели на дело члены комиссии Ялуторовского округа, представившие довольно обстоятельное заключение. Они полагали, что присоединение аборигенов к русским волостям будет не только не выгодно, но и повлечет много злоупотреблений и неудобств по части землепользования. Неизбежность последних члены комиссии видели прежде всего в том, что населенные аборигенами земли

<sup>43</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 5 об

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Там же, л. 5 об.—6.

<sup>46</sup> Там же, л. 9—9 об

должны были остаться в их пользовании и после присоединения к русским волостям.

Выступая против объединения русских и аборигенов в рамках единых административных органов, комиссия в то же время высказалась в пользу организации самоуправления народов Сибири на основаниях Общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей, по мнению членов комиссии, должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве аборигенов. Только в этом случае, отмечается в решении комиссии, «устранится возможность того, что один пользуется многим, а другой малым, в то время как тот и другой несут повинности одинаково»<sup>47</sup>.

Представила свое заключение и комиссия Тарского округа. Ее члены отметили, что несмотря на успехи цивилизации, аборигены медленно теряют свои национальные особенности и медленно приобщаются к православию<sup>48</sup>. Причины подобных явлений комиссия видела прежде всего в исторических традициях, а также «топографических и климатических особенностях заселенных инородцами местностей». Комиссия не сочла возможным высказаться в пользу присоединения коренных жителей к русским волостям еще и потому, что эта мера не могла привести к более успешному взиманию с аборигенов податей и повинностей. В журнале заседания комиссии отмечалось, что присоединение аборигенов к русским волостям могло только затруднить деятельность волостных старшин по исполнению своих обязанностей и «вероятный выигрыш по успешному взысканию с инородцев податей был бы проигрышем во взыскании податей с русского населения». Всякое улучшение, сделанное старшиной среди аборигенов, было бы совершено за счет и во вред русским. Развивая этот тезис, члены комиссии доказывали, что предлагаемые мероприятия неизбежно носили бы искусственный характер. Все это заставило комиссию высказаться, «безусловно», против присоединения аборигенов к русским волостям.

Комиссия не сочла также возможным распространить на коренных жителей положение 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные материалы, отмечала комиссия, являются основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов<sup>49</sup>.

Однако заключения комиссий не были приняты во внимание членами губернского совета, которые постановили ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседло

<sup>47</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 6 об.

<sup>48</sup> Там же, ф. 1291, оп. 81, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 7.

<sup>49</sup> Там же, л. 8 об.

проживающих аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона 1 марта 1883 г., вводившим в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам<sup>50</sup>.

Между тем подобные же представления поступали в правительство и от чиновников Восточной Сибири. Иркутский губернатор К. Н. Шалашников в 1873 г. обращал внимание правительства на необходимость подчинения аборигенов действию общих законов. По его мнению, сохранение особых положений для управления аборигенами стало уже «не только бесполезным, но даже вредным»<sup>51</sup>. В 1876 г. барон Фредерикс, назначенный к тому времени генерал-губернатором Восточной Сибири, предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнив права и обязанности их с крестьянами»<sup>52</sup>. Еще более категоричным в этом вопросе оказался приемник Фредерикса на посту генерал-губернатора — Анучин. В отчете по управлению краем за 1880—1881 гг он резко выступил против сохранения «каких-либо положений «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав это «анахронизмом, требующим окончательной отмены»<sup>53</sup>.

Военный губернатор Забайкальской области также считал необходимым распространить на коренное население положение о государственных крестьянах Европейской России<sup>54</sup>.

На необходимость изменения управления коренным населением региона указывал Приамурский генерал-губернатор Корф<sup>55</sup>.

Однако все эти проекты и предложения так и не были осуществлены. К числу реализованных правительством программ относятся лишь реформа местного управления аборигенами в Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Согласно реформе степные думы у бурят Иркутской губернии были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы — инородные управы<sup>56</sup>, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями.

В итоге отметим, что в 70—80-х гг. как само правительство, так и сибирская администрация признали необходимым изменить организацию управления народами региона. В правительственных кругах наблюдается стремление к подчинению аборигенов русскому законодательству. Эта тенденция находилась в неразрывной связи с общим реакционным внутриполитическим курсом самодержавия, обрекавшим нерусские народы на бесправное положение в составе

<sup>50</sup> ПСЗ-3, т. 3, № 1412.

<sup>51</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 67, д. 238, л. 11 об. — 12.

<sup>52</sup> Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 4044, 1879 г., ж. ст. 473.

<sup>53</sup> Сборник главнейших официальных документов..., вып. 1, т. 1, с. 122.

<sup>54</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 70, д. 447, л. 5.

<sup>55</sup> Там же, ф. 1291, оп. 53, д. 14, 1886 г., л. 1—3.

<sup>56</sup> История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1956, т. 1, с. 290.

империи. Формы национального угнетения были разнообразны. Они распространялись как на самые отсталые народы, так и на сравнительно развитое население <sup>57</sup>.

## **§ 2. ЗАКОН 1898 ГОДА О КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ И НАРОДЫ СИБИРИ**

Исследование политики царизма в Сибири может быть осуществимо только в неразрывной связи с историей внутренней политики самодержавия в целом, оказывающей исключительное влияние на все аспекты и проявления на окраинах империи внутривнутриполитического курса царского самодержавия. Вынужденное пойти на преобразование в 60-е гг. самодержавие с самого начала предпринимало попытки ограничить последствия реформы, а сам царь довольно скоро усомнился в «пользе и своевременности того, что было совершено» <sup>58</sup>. К. Маркс, будучи современником этих событий, в работе «Европейское рабочее движение в 1877 г.» отмечал, что русское «правительство при всем своем стремлении возвратиться к необузданному деспотизму царствования Николая, все же пыталось сохранить, перед лицом Европы, видимость либерализма». Следствием этого явилась «система колебаний и нерешительности: сегодня делают уступки, завтра берут их обратно» <sup>59</sup>.

После убийства народовольцами Александра II и вступления на российский престол его сына Александра III, в стране на долгие годы устанавливается период политической реакции. Характеризуя национальную политику царизма, Б. Н. Чичерин отмечал, что в этот период началась «злая травля всех подвластных народностей, которые обвинялись в стремлении к сепаратизму», причем всякое проявление независимости предавалось анафеме <sup>60</sup>. В общественной сфере поворот вправо выразился в дальнейшем усилении и расширении и без того фактического всевластия бюрократии <sup>61</sup>.

Начало эпохи контрреформ в истории Сибири охарактеризовалось пристальным вниманием и возрастанием законодательной инициативы правительства. Аграрные, административные и финансовые преобразования в Сибири 80—90-х гг. прошлого столетия следует связывать с контрреформами с той, однако, разницей, что контрреформы были призваны ограничить последствия реформ 60-х гг., имевших буржуазную направленность, а сибирские ре-

<sup>57</sup> Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 69.

<sup>58</sup> Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909, т. 3, с. 253.

<sup>59</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 145.

<sup>60</sup> Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901, с. 130.

<sup>61</sup> Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг. М., 1979, с. 254.

формы, несмотря на наличие в них реакционных начал, были все же их продолжением <sup>62</sup>.

Среди причин, приведших к возрождению правительственного интереса к Сибири, на первое место следует поставить экономический и политический факторы. Несмотря на незыблемость основ самодержавия, провозглашенных в манифесте 29 апреля 1881 г., и переход к откровенно реакционному курсу, правительство, справившись с кризисом, было тем не менее вынуждено провести ряд мероприятий по крестьянскому вопросу <sup>63</sup>. Законом от 29 декабря 1881 г. были ликвидированы временнообязанные отношения <sup>64</sup>, с 1883 г. открыл операции крестьянский банк, предприняты некоторые меры по организации переселения малоземельных крестьян в другие районы. Однако эти мероприятия царизма не могли решить одну из основных проблем, стоявших перед русской деревней — ликвидировать крестьянское малоземелье. Именно резкое обострение аграрного вопроса в Европейской России, происходившее на фоне постоянно усиливавшегося революционно-освободительного движения во главе с рабочим классом, заставило самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и предпринять ряд конкретных мер по освоению «свободных» земель. Не случайно исследователи отмечают, что начавшееся в конце XIX в. землеустройство было вызвано, «с одной стороны, серьезными сдвигами в экономике сибирской деревни, с другой — общими экономическими и политическими задачами правительства» <sup>65</sup>.

Проведение аграрных реформ повлекло за собой необходимость изменения общественного и административного устройства сибирского крестьянства, в том числе и коренного населения. Проведение реформы местного управления крестьянским и коренным населением края ставилось самодержавием в прямую зависимость от времени осуществления аграрных преобразований, ибо разработка вопроса о структуре и полномочиях управленческого аппарата находилась в непосредственной связи с социально-экономическим положением деревни и развитием революционно-освободительного движения в стране. Несмотря на отмену крепостного права, в России 80-е и 90-е гг. прошли под знаком усиления власти дворян над крестьянами. Важную роль в этом сыграл закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. <sup>66</sup>

---

<sup>62</sup> Топчий А. Т. Аграрная революция Сибири в свете ленинских идей. — В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981, вып. 1, с. 122.

<sup>63</sup> ПСЗ-3, т. 1, № 575.

<sup>64</sup> См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России (1881—1904). М., 1980, с. 35—173.

<sup>65</sup> Сухотина Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX—начале XX в. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1965, вып. 2, с. 62.

<sup>66</sup> ПСЗ-3, т. 9, № 6196.

Введение института земских начальников увеличило правительственную опеку над крестьянами, усилило роль местного дворянства в губерниях и способствовало «тем самым консервации феодально-крепостнических пережитков»<sup>67</sup>. Однако положение о земских начальниках не распространялось на Сибирь и ряд других областей и губерний империи, где помещичье землевладение либо отсутствовало, либо представляемое дворянство было нерусской национальности.

Между тем рост капиталистических отношений в хозяйстве народов края, усиление имущественной дифференциации и классовой борьбы заставляло местную администрацию постоянно напоминать правительству о необходимости ускорить разработку реформы управления аборигенами: Одним из главных направлений представления сибирской администрации на этот счет, сыгравшем, несомненно, важную роль в разработке принципиальных основ будущей реформы, явилось требование ликвидации сословных привилегий аборигенов по сравнению с крестьянами и подчинение коренных жителей действию законодательства о крестьянах.

В отчетах и записках гражданских губернаторов и генерал-губернаторов с начала 80-х гг. все отчетливее высказывается мысль о нежелательности сохранения особого управления аборигенами. Особенно завидным постоянством на этот счет отличался иркутский губернатор С. И. Носович, который в период 4-летнего пребывания в этой должности напоминал министерству внутренних дел, что для дальнейшего развития губернии необходимо «уничтожение особенностей отжившего свое значение положения» и слияние их «с обще-крестьянским управлением»<sup>68</sup>. Наконец, местные власти прямо требовали привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности. По мнению иркутского генерал-губернатора Селиванова, привлечение аборигенов к несению воинской службы должно было явиться той действенной мерой, которая неминуемо приведет коренных жителей к скорейшему приобщению к русской государственности и культуре<sup>69</sup>.

Несомненно, что подобные ходатайства способствовали повороту правительственного курса в сторону насильственной руссификации народов Сибири, унификации их управления с русским крестьянским населением. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль была выражена Иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в отчете по управлению Восточной Сибирью за 1887—1889 гг. Основные направления будущих преобразований были изложены А. П. Игнатьевым в специальном документе «Программа деятельности генерал-губер-

<sup>67</sup> Зайончковский П. А. Российское самодержавие..., с. 401.

<sup>68</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 6, 1883 г., л. 44.

<sup>69</sup> Там же, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 11 об.

натора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»<sup>70</sup>

Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая в то же время никаких конкретных предложений и отдавая вопрос о разработке реформы на откуп самому правительству, то проект А. П. Игнатьева содержал на этот счет конкретную программу действий. Конечную цель проекта автор без всяких обиняков сформулировал кратко и ясно, как обрусение «инородцев»<sup>71</sup>. Реальному достижению этих задач должно было способствовать подчинение аборигенов, равно как и русских крестьян, власти земских начальников, институт которых был введен в Европейской России в 1889 г.<sup>72</sup>. Действие этого закона, как уже указывалось, на Сибирь не распространялось. Поэтому Игнатьев считал, что осуществление этой меры будет важным и «самым практическим» шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге, и обрусению. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»<sup>73</sup>.

Необходимое направление реформы управления сельского населения Сибири было найдено. Министрам внутренних дел и государственных имуществ поручалось разработать соответствующий проект с учетом местных особенностей. Ставшее традиционным упоминание «местных обстоятельств» в данном случае не являлось пустой формальностью. Аппарат управления губерниями империи к тому времени стал настолько громоздким и сложным, что, по отзыву статс-секретаря Каханова, представлял из себя «смешение уцелевших остатков учреждений Великой Екатерины и трудно исчисляемого ряда различных установлений»<sup>74</sup>. Не случайно в начале XX в. при министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия, занимавшаяся вопросами устранения «недостатков современного положения губернского управления»<sup>75</sup>.

В 1892 г. И. Н. Дурново, ставший к тому времени министром внутренних дел, потребовал от иркутского генерал-губернатора и гражданских губернаторов Тобольской и Томской губерний представить заключения по вопросу реорганизации управления вверенного им «попечению» края. Генерал-лейтенант А. Д. Горемыкин

<sup>70</sup> Библиотека ЦГИА. Печатные записки, № 131.

<sup>71</sup> ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 73, л. 9.

<sup>72</sup> Местные крестьянские учреждения (исторический очерк их образования и норм деятельности). СПб., 1912, ч. 3, с. 125.

<sup>73</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 200, 1892 г., л. 12 об.

<sup>74</sup> Там же, ф. 1149, оп. 12, д. 54, 1895 г., л. 173.

<sup>75</sup> Там же, ф. 1284, оп. 194, д. 150 «а», 1903 г. Автор приносит благодарность Б. В. Ананьичу, сообщившему ему о существовании этих проектов.

не заставил себя долго ждать. Уже в конце мая того же года он направил в министерство свой проект<sup>76</sup>, в котором предлагал не только распространить на Сибирь закон о земских начальниках 12 июня 1889 г., но и поручить им «попечение над инородческим населением на тех же основаниях как и в отношении крестьян».

По мнению Горемыкина, обычаи, на которых должно было основываться управление коренными жителями, в настоящее время исчезли или заменились произволом родоначальников. Генерал-губернатора трудно заподозрить в намерении сгустить краски, однако, и он вынужден был признать, что злоупотребления «инородческих» начальников столь велики, что они держат «подведомственное им население почти в рабстве». Горемыкин констатировал, что надзор за деятельностью органов самоуправления аборигенов со стороны полицейских управлений и земских заседателей существует только номинально и пользы не приносит. Единственный выход из создавшегося положения, считает Горемыкин, заключается в том, чтобы не только подчинить управление коренными жителями контролю земских начальников на тех же основаниях, как и крестьян, но и предоставить земским начальникам право наказывать должностных лиц «инородческого» управления. Являясь, очевидно, горячим поклонником этого принципа, Горемыкин в особом отношении на имя Дурново от 3 июня 1896 г. настаивает на отмене одного из основных положений устава 1822 г., согласно которому кочевники «с умножением у них хлебопашества не могут быть... вопреки их желанию перечисляемы в оседлые»<sup>77</sup>.

Представили свои соображения тобольский и томский гражданские губернаторы. Они указывали, что коренные жители этих губерний, за исключением некоторых отдаленных местностей, в большинстве случаев живут оседло среди русского населения, от которого почти не отличаются. Тем не менее управление ими основывается на принципах, которые «по закону установлены собственно для кочевых инородцев». Положение это, по мнению губернаторов, не отвечало потребностям прежде всего самих аборигенов. Томский губернатор Г. А. Тобизён подчеркивал, что если в 1822 г. еще и существовали какие-то особенности быта аборигенов, позволяющие иметь основания для «создания особых для сибирских инородцев учреждений», то теперь они совершенно утрачены<sup>78</sup>. Вот почему он, как и прочие начальники губерний, считал необходимым распространить на аборигенов нормы «общественного управления, установленные в законе для крестьян». Он призывал правительство решиться на это как можно скорее. Если в 1876 г., указывал губернатор, имелись достаточно веские основания для обсуждения этого вопроса, то в настоящее

<sup>76</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 3, л. 162, 173 об.

<sup>77</sup> Там же, ф. 573, оп. 3, д. 5, л. 173 об.

<sup>78</sup> Там же, ф. 391, оп. 1, д. 65, л. 134 «а».

время, т. е. 20 лет спустя, положительное разрешение его представляется «крайне неотложным»<sup>79</sup>. Тобольский губернатор предлагал присоединить селения аборигенов к русским волостям или же образовать из «инородческих управ особые волости» с подчинением всего управления аборигенами ведению земских начальников<sup>80</sup>.

Важной составной частью разработки законопроекта чинами сибирской администрации явилось обсуждение вопроса о количестве будущих чиновников, их содержании и т. д. Местное чиновничество, заранее предполагая расширить компетенцию вновь вводимого института власти по сравнению с земскими начальниками, настаивало на учреждении возможно большего числа штатных единиц. При этом сибирская администрация, как и министр внутренних дел И. Н. Дурново, руководствовалась убеждением, что «близость власти к населению... имеет еще более важное значение для правильной постановки надзора и попечения о делах сельских обывателей». По мнению местной администрации, количество вновь вводимых чинов по губерниям должно было распределиться следующим образом: в Тобольской — 68, Томской — 52, Енисейской и Иркутской — 32. Столь значительное увеличение численности чиновников должно было сопровождаться существенным ростом денежных затрат на их содержание. Поэтому даже министерство внутренних дел, признавая утверждение предлагаемого сибирскими властями штатного расписания «весьма желательным», на деле понимало его неосуществимость. И. Н. Дурново предлагал в восьми уездах Тобольской губернии учредить 42 должности вновь вводимых чиновников, в семи уездах Томской — 36, в Енисейской и Иркутской — 26 чиновников. Денежные оклады вновь вводимых чиновников предлагалось определить в губерниях Западной Сибири — по 1500 руб., в Енисейской — 1600 руб., в Иркутской — 1700 руб. в год. Однако и в таком урезанном объеме общие расходы на проведение реформы предполагались весьма значительные. По подсчетам министерства внутренних дел они должны были составить 455 200 руб. Необходимые денежные средства инициаторы реформы надеялись получить из фондов государственного казначейства<sup>81</sup>. Однако это предложение встретило решительное противодействие в лице министра финансов С. Ю. Витте. В специальной записке в министерство внутренних дел он указывал на бедственное положение с финансами внутри империи и на значительные в последнее время из государственного казначейства расходы на Сибирь.

Дополнительные ассигнования почти в полмиллиона рублей, необходимые для проведения реформы, вызывали недовольство министра финансов. Выход из создавшегося положения С. Ю. Витте

<sup>79</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 3, д. 5, л. 173 об.

<sup>80</sup> Там же, ф. 391, оп. 1, д. 65, л. 136.

<sup>81</sup> Там же, ф. 468, оп. 23, д. 2790, л. 45—47.

видел в переложении этих расходов на счет земских сборов по Сибири. Предложение это не являлось чем-то необычным, характерным именно для Витте. Скорее, наоборот, оно отражало правительственную позицию в вопросе колонизации Сибири, когда царизм всю тяжесть по освоению огромного зауральского края стремился переложить на плечи трудового населения. Не случайно даже местные власти признавали, что «земское обложение в Сибири... достигло уже значительной степени напряжения»<sup>82</sup>

Несогласие С. Ю. Витте со сроками и, главным образом, с необходимостью дополнительных денежных затрат, вызвало негативную реакцию И. Н. Дурново. Министр внутренних дел вынужден был специально обратить внимание Витте на необходимость «безотлагательного введения» в Сибири положения о земских начальниках «в полном объеме». Свою настойчивость в этом вопросе он считал вполне обоснованной, так как в условиях нарастающего революционно-демократического движения в стране, и в Сибири в частности, увеличения потока переселенцев и числа ссыльных в крае, расширения полномочий и прав полицейского аппарата по отношению к сельскому населению, должно было поставить его под постоянный надзор правительства и тем самым предотвратить возможность крестьянских волнений в крае.

В создавшейся ситуации министерство финансов было вынуждено пойти на уступки. В письме на имя Дурново в целях сокращения расходов на реформу Витте предложил «не устанавливать ныне же для органов правительственной власти новых прав по заведению инородцами», а ограничиться реформой русского крестьянского населения. Эти доводы Витте Дурново признал «едва ли правильными» и с большой категоричностью заявил, что новые чиновники «будут с большим усердием и добросовестностью» относиться к своим обязанностям по заведению аборигенами, чем это делалось доныне<sup>83</sup>.

Окончательный штат вновь вводимых чиновников предлагалось распределить по губерниям следующим образом: в Tobольской — 36, Томской — 29, Енисейской и Иркутской — 21<sup>84</sup>. Таким образом, не подлежит сомнению, что инициатива преобразований находилась в руках министерства внутренних дел, которое контролировало и направляло ход разработки реформы не только для аборигенов, но и сибирского крестьянства в целом.

В высших правительственных сферах все отчетливее проявляется тенденция к сближению и даже унификации системы местного управления русского и коренного населения. В основе этих тенденций лежало стремление самодержавия к усилению опеки и надзора

<sup>82</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 14, д. 187, л. 12—12 об.

<sup>83</sup> Там же, ф. 468, оп. 23, д. 2790, л. 95 об.—96, 100.

<sup>84</sup> Там же, ф. 573, оп. 14, д. 18712, л. 39—40.

за подведомственным населением, с одной стороны, и политика решительной руссификации и угнетения национальностей — с другой. Эти направления правительственного курса всячески поощрялись и оправдывались местной администрацией. Не случайно в отчете по управлению краем за 1898 г. иркутский генерал-губернатор Горемыкин не без гордости отмечал, что «изданные в последнее время правительственные распоряжения последовательно вводят инородцев в общую систему управления и несения государственных повинностей»<sup>85</sup>.

Говоря о борьбе в верхах царской бюрократии в связи с введением института крестьянских начальников, не следует, очевидно, принимать ссылки Витте на тяжелое материальное положение в стране за чистую монету. Следует, несомненно, учитывать конфликт Витте в эти годы в министерством внутренних дел и резко отрицательное его отношение к институту земских начальников, послуживших прообразом крестьянских начальников Сибири<sup>86</sup>.

В итоге отметим, что в принципе позиции центральной и местной администрации в вопросах о судьбах «инородческого» управления совпадали. Они признавали за благо распространение на аборигенов закона о земских начальниках 1889 г. Некоторые расхождения, не имеющие, впрочем, принципиального характера, касались вопроса о том, как эту меру осуществить.

Рассматривая предложения сибирских губернских властей относительно реформы управления аборигенами, новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, однофамилец иркутского генерал-губернатора, отметил, что этот вопрос, связанный с пересмотром всего действующего законодательства об аборигенах, представляется слишком сложным для того, чтобы «законодательное разрешение его могло последовать попутно». Поэтому министр не считал возможным приступить к его рассмотрению «без предварительной и весьма подробной разработки». В то же время Горемыкин признавал необходимость принятия «некоторых мер, способных значительно улучшить существующее инородческое управление»<sup>87</sup>.

Руководствуясь этим положением, Горемыкин, во-первых, высказывался в пользу значительного расширения функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири. На земских начальников министр предлагал возложить «обязанность надзора

<sup>85</sup> ЦГИА, ф. 586, оп. 1, д. 228, л. 15 об.

<sup>86</sup> Кризис самодержавия в России (1895—1917). Л.: 1984, с. 58—61; В и т т е С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 514; 1924, т. 3, с. 243—245. Характерно, что даже К. П. Победоносцев не сочувствовал идее введения института земских начальников. В письме Витте от 26 марта 1898 г. он отмечал, что учреждение института земских начальников было вызвано стремлением правительства «обуздать народ посредством дворян...» Однако из этого ничего хорошего не вышло, так как правительство забыло, что «дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию» (Переписка Витте и Победоносцева (1895—1905). — Красный архив. М.; Л., 1928, т. 5 (30), с. 101).

<sup>87</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 3, д. 5, л. 124, 173—174.

за действием родовых управлений и инородных управ». Планировалось также поручить земским начальникам «попечение о нуждах инородцев в тех пределах, в каких обязанности эти донные принадлежали чинам полиции». Во-вторых, программа Горемыкина предусматривала наделение земских начальников судебными функциями.

Проведение этих преобразований должно было, по замыслу Горемыкина, устранить «наиболее вопиющие недостатки в их (коренных жителей.— Л. Д.) управлении» и хоть отчасти удовлетворить «ходатайства местных властей». Более широкие преобразования казались министру преждевременными. Проектируемая реформа, по замыслу ее автора, не должна была распространяться на всю Сибирь. Не предполагалось введение реформы в тех районах, «в которых, благодаря их отдаленности и малочисленности населения, и преимущественно инородческого, донные не было введено общественное крестьянское управление»<sup>88</sup>. В Тобольской губернии это были Березовский и Сургутский округа, в Томской — Нарымский край, в Енисейской — Туруханский край. Таким образом, предложения Горемыкина предусматривали полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации. Проект полностью соответствовал реакционному законодательству 80—90-х гг. и должен был способствовать усилению административно-полицейской опеки над сельским населением Сибири и органами его самоуправления. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках»<sup>89</sup>.

Крестьянскими начальниками, согласно ст. 8 закона, могли быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Однако отсутствие образования не являлось препятствием к занятию должности крестьянского начальника. Закон предусматривал возможность назначения на эту должность лиц, хотя и не имеющих специального (высшего или среднего) образования, но выдержавших «соответствующее испытание». В законе также подчеркивалось, что «неимение чина, соответствующего классу должности крестьянского начальника, не служит для лиц, указанных в настоящей статье, препятствием к занятию настоящей должности». Запрещалось назначать на должность крестьянских начальников лиц, состоящих под следствием или судом, «исключенных из службы», несостоятельных должников и т. д. Кандидатуры крестьянских начальников должны были утверждаться в Тобольской и Томской губерниях министром внутренних дел, в губерниях Иркутской и Енисейской — генерал-губернатором.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк, что в целом соответствовало проекту. Прежде всего им поручался

<sup>88</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 3, д. 5124, л. 173—174.

<sup>89</sup> Там же, л. 175.

«надзор за всеми установлениями» крестьянского и «иностранческого» управления. Крестьянским начальникам поручалось наблюдение за состоянием мирских капиталов сельского населения. Важной обязанностью новых чиновников являлся контроль за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей.

Исключительно широкими были права крестьянских начальников относительно коренного населения. Статья 35 закона гласила: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение, лежащих на полиции, согласно положения о иностранцах, обязанности по общему наблюдению за иностранческим управлением и попечению о нуждах иностранцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел иностранцев, подведомственных их родовым управлениям»<sup>90</sup>.

Таким образом, эта статья закона предоставляла крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. В то же время, отметим, что права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. Крестьянские начальники получили право утверждать повестку дня для волостных сходов (ст. 16), им поручалось рассмотрение приговоров волостных и сельских сходов. На практике это означало, что любое решение волостного или сельского схода должно было санкционироваться крестьянским начальником.

Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах аборигенов. В ст. 36 указывалось, что «на крестьянских начальников возлагается разбор превышающих подсудность волостных судов споров на сумму не свыше двух тысяч рублей: 1) по найму на сельскохозяйственные работы... 2) по отдаче в наем земли». Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато серьезными последствиями. В этом случае он имел право подвергнуть лиц «подведомственных крестьянскому или иностранческому управлению... без формального производства аресту не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей» (ст. 40).

Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий сельского управления. В законе указывалось, что «крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб... принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и иностранческого управления, а также непосредственно усмотренных им самим... проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». В случае

<sup>90</sup> ПСЗ-3, т. 18, № 15503.

более серьезных преступлений крестьянским начальникам предоставлялось право отстранять лиц крестьянского и «иностранческого» управления от должности и даже входить в уездный съезд крестьянских начальников с представлением о «совершенном увольнении должностных лиц от службы или придании их суду» (ст. 42) <sup>91</sup>.

В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников, состоящий из председателя — одного из крестьянских начальников уезда — секретаря и канцелярии. Съезды являлись второй апелляционной инстанцией рассмотрения приговоров, вынесенных крестьянскими начальниками.

Таково основное содержание закона 8 июня 1898 г., вводившего в Сибири институт крестьянских и иностранческих начальников. В целом он отразил определенные изменения в характере социально-экономического развития народов края, связанные прежде всего с развитием капиталистических и разложением патриархально-феодалных отношений <sup>92</sup>. Не следует, однако, забывать, что административные преобразования были направлены в первую очередь на усиление полицейской опеки над народами Сибири и их скорейшую руссификацию. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в капиталистическую эпоху, сохраняла в то же время ясно видимые феодальные черты.

### **§ 3. ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ «ВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ О КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ»**

Реализация «Временного положения...» началась с составления штатного расписания, подбора кандидатур крестьянских и иностранческих начальников и разделения уездов на участки. Первые реальные действия в этом направлении были предприняты местной администрацией в конце 1898 — начале 1899 г., что в целом соответствовало установкам министерства внутренних дел, полагавшим, что реформу следует проводить в период сокращения потока переселенцев. Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. По красноречивому признанию министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, это был лишь первичный вариант, составленный без учета «могущих потребоваться по сему предмету изменений» <sup>93</sup>.

Министерство не исключало возможность увеличения числа крестьянских и иностранческих начальников в Сибири. Об этом же свидетельствуют многочисленные ходатайства местной губернской администрации. Так, например, иркутский генерал-губернатор Пантелеев уже в 1900 г. обращал внимание министра внутренних дел

<sup>91</sup> ПСЗ-3, т. 18, № 15503.

<sup>92</sup> Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, с. 47.

<sup>93</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 14, д. 18712, л. 20 об.

на то обстоятельство, что в связи с планируемым полным подчинением аборигенов ведению крестьянских учреждений необходимо увеличить число крестьянских начальников<sup>94</sup>. Ходатайства такого рода поступали и от преемников Пантелеева на посту генерал-губернатора<sup>95</sup>.

С этой же целью обращался к правительству томской губерна-тор, считавший, что число крестьянских начальников в губернии явно недостаточно<sup>96</sup>. Думается, что отмеченные факты достаточно убедительно свидетельствуют в пользу тезиса о том, что в Сибири, в условиях отсутствия помещиков и дворянства, самодержавие стремилось поставить хозяйственно-бытовую и общественную жизнь сельского населения под жесткий контроль правительственного аппарата. Данный аспект правительственной политики полностью попадает под определение В. И. Ленина о том, что самодержавие есть «крепостная зависимость народа от чиновников»<sup>97</sup>. Этим же целям отвечало стремление правительства и местной администрации распространить закон 1898 г. на те районы Сибири, где первоначально не предполагалось введение «Временного положения». Не случайно на заседании Государственного совета 16 мая 1898 г. порядок местного управления народами Сибири, обоснованный на принципах Устава 1822 г., был охарактеризован как «выдающееся несовершенство узаконений об инородцах». По мнению А. Н. Куломзина, принципы Устава теперь совершенно не соответствовали хозяйственным и бытовым условиям жизни аборигенов<sup>98</sup>. В апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был распространен на Забайкальскую область, в шести уездах которой учреждалось 19 должностей вновь вводимых чиновников<sup>99</sup>. В представлении министерства финансов в Государственный совет подчеркивалось, что мера эта тем более необходима ввиду работ «по преобразованию административного устройства, управления и суда инородческого населения» Сибири<sup>100</sup>.

С определением числа крестьянских начальников и их съездов неразрывно связан вопрос о разделении уездов на участки. Формально их количество должно было соответствовать числу крестьянских начальников уезда. Однако в силу того обстоятельства, что отдельные должности этих чиновников по ряду обстоятельств оставались вакантными довольно длительное время, число крестьянских начальников было меньше числа участков. Неодинаковы были и

<sup>94</sup> ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 228, л. 23 об.

<sup>95</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 222, 1909 г., л. 220.

<sup>96</sup> Там же, л. 218.

<sup>97</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 137.

<sup>98</sup> ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 161, л. 190—191.

<sup>99</sup> Там же, ф. 1149, оп. 30, д. 62, 1901 г., л. 1—3; Егуннов Н. П. К вопросу о введении института..., с. 133.

<sup>100</sup> ЦГИА, ф. 573, оп. 3, д. 5270, л. 2.

размеры участков. Так, например, в Забайкальской области на один участок приходилось немногим более 21 тыс. жителей, в Иркутской губернии — примерно 18 тыс., в Енисейской — около 20 тыс.<sup>101</sup>

Огромные размеры Сибири и сравнительно небольшое число крестьянских начальников обусловили большие размеры участков. Количество участков внутри уездов и губерний за редким исключением оставалось неизменным до 1917 г., но внутреннее изменение границ самих участков, образование в них новых волостей и ведомств было делом обычным. Например, в Иркутской губернии в 1917 г. только четыре участка из 21 включали в себя те же волости и ведомства, что и при образовании участков в 1912 г. Изучение «Памятных книжек» сибирских губерний позволяет заключить, что наибольшее изменение границы крестьянских участков претерпели в 1901—1903 и 1907—1912 гг. Очевидно, это было связано не только с притоком переселенцев, приведшему к значительному увеличению народонаселения, но и со стремлением высшего эшелона сибирской бюрократии найти наиболее эффективные способы удержания населения под контролем чиновничества.

Одной из наиболее важных сторон деятельности сибирской администрации по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатов на должности крестьянских начальников. В интересах быстрее проведения реформы их подбор начался еще до утверждения законопроекта. Однако поиск кандидатов на новые должности был связан с известными трудностями. В Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение, а прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или специальное образование. Между тем закон отдавал предпочтение, во-первых, дворянам, а во-вторых, лицам, имеющим высшее или среднее образование. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы.

Не случайно местная администрация резко выступала против соблюдения требования образовательного ценза крестьянских начальников, считая предусмотренное законом среднее образование «лишним требованием»<sup>102</sup>.

Если в Томской и Тобольской губерниях ко времени проведения реформы правительство все же смогло подобрать необходимые кандидатуры, то, например, в Енисейской губернии в 1900 г. штат крестьянских начальников был укомплектован только на 90%. Подобное положение наблюдалось и в других губерниях Восточной Сибири. По сведениям министерства внутренних дел в 1901 г. в

<sup>101</sup> Егуннов Н. П. К вопросу о введении института..., с. 133; ЦГИА, ф. 573, оп. 3, д. 5270, л. 3—5.

<sup>102</sup> Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 2825. Отчет Енисейского гражданского губернатора за 1907 г., с. 7.

Забайкальской области оставались незанятыми 11% мест крестьянских начальников, в Иркутской губернии в 1909 г. — 5% <sup>103</sup>.

Несмотря на стремление царизма при подборе вновь вводимых чиновников строго следовать сословному принципу и назначать крестьянских начальников исключительно из дворян, этого не получилось. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35,5% чиновников было из разночинцев <sup>104</sup>. В то же время в 10 губерниях Европейской России: Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Новгородской, Полтавской, Самарской, Тульской, Херсонской в 1903 г. 93% земских начальников были выходцами из дворянского сословия <sup>105</sup>. В Сибири, в отличие от Европейской России, на должности крестьянских начальников нередко попадали люди с довольно пестрыми биографиями отнюдь не дворянского происхождения. Не удалось правительству обеспечить и приоритет при назначении на новые должности лицам, имеющим соответствующее образование: только 32% крестьянских начальников имели высшее образование. Зато православными были почти все — около 91% <sup>106</sup>.

Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В начале XX в. в Енисейской губернии 68% крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, в Иркутской губернии — 65%, в Забайкальской области — 96% <sup>107</sup>. Несомненно, что царское правительство желало видеть на новых должностях исключительно дворян, но оно было просто не в состоянии найти такое число дворян для сибирских губерний. Приведенные выше сведения опровергают утверждение В. И. Дулова о том, что «на должности крестьянских начальников обычно назначались дворяне» <sup>108</sup>. Не прав и Н. П. Егунов, который полагает, что в результате осуществления закона 1898 г. «сибирское крестьянство... оказалось в непосредственном подчинении у дворян» <sup>109</sup>. Как раз в Забайкальской области, на материалах которой выполнено исследование Н. П. Егунова, крестьянских начальников из дворян было меньше по сравнению с другими губерниями Сибири — всего 4%. Думается, что эти утверждения В. И. Дулова и Н. П. Егунова являются результатом механического перенесения на Сибирь ряда оценочных моментов закона 12 июня 1889 г. о земских начальниках, действие которого на восточные районы империи не распространялось.

<sup>103</sup> Подсчитано по: ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 40, 1900 г., л. 3; оп. 30, д. 62, 1901 г., л. 17—20; оп. 31, д. 622, 1909 г., л. 4—23.

<sup>104</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 2, 1904 г., л. 213—216, 239—240.

<sup>105</sup> Зайончковский П. А. Закон о земских начальниках 1889 г. — Науч. докл. высшей школы, 1961, № 2, с. 69—70.

<sup>106</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 2, 1904 г., л. 213—216, 239—240.

<sup>107</sup> Подсчитано по: ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, 1900 г., д. 40, л. 3, 23; оп. 31, 1909 г., д. 622, л. 4 об. — 23; оп. 30, 1901 г., д. 62, л. 17—18, 19—20.

<sup>108</sup> Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири..., с. 76.

<sup>109</sup> Егунов Н. П. К вопросу о введении..., с. 129.

Часто не соблюдалось и второе условие назначения на должности крестьянских начальников — наличие высшего или среднего образования. Например, в Иркутской губернии только четвертая часть чиновников имела высшее образование, в Енисейской губернии и Забайкальской области — немногим более половины. Зато удельный вес чиновников, исповедывавших православие, в этой части Сибири был выше, чем в Западной (97%).

Для большинства крестьянских начальников обеих частей Сибири «доходы от личного труда», т. е. от службы были практически единственным источником существования. Они не принадлежали к касте привилегированного и высокооплачиваемого чиновничества. Их жалование без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм колебалось в пределах 1500 руб. (Западная Сибирь) до 2000 руб. (Забайкальская область). По данным начала XX в. в Восточной Сибири только один чиновник из 61 — крестьянский начальник 2-го участка Иркутского уезда — имел поместье в 235 десятин в Херсонской губернии. Еще три чиновника или их жены имели собственные дома.

Подобная же картина наблюдается и в Западной Сибири. В Тобольской губернии один чиновник из 36 имел земельный надел в 920 десятин в Уфимской губернии. В Томской губернии владельцев недвижимой наследственности или «благоприобретенной» собственности из числа крестьянских начальников вообще не было.

В царской России все чиновники гражданского или военного ведомства имели определенный чин, соответствующий классу по должности. Изучение этой стороны положения крестьянских и инородческих начальников позволяет заключить, что положение их в бюрократической иерархии российского чиновничества было сравнительно невысоким. Примерно 50% крестьянских начальников имели чины с 14 по 8 класс.

Не прошло и года со времени введения института крестьянских начальников, как они проявили себя массовыми и вопиющими злоупотреблениями. Уже в 1899 г. иркутский генерал-губернатор Горемыкин доносил в министерство внутренних дел, что не все крестьянские начальники «правильно понимают свои обязанности и не все отвечают по своим служебным и нравственным качествам важному значению занимаемой должности». Через год после введения реформы ряд чиновников «пришлось заменить другими лицами»<sup>110</sup>.

Наиболее подробные сведения о произволе крестьянских начальников содержатся в материалах ревизий деятельности крестьянских начальников, отложившихся в фондах земского отдела министерства внутренних дел. Чиновник этого ведомства, Маврин, обследовавший, по поручению В. К. Плеве, деятельность крестьянских началь-

<sup>110</sup> ЦГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 367, 1900 г., л. 5.

ников Тобольского, Тарского и Ишимского округов, «не признавал возможным дальнейшее оставление... в занимаемой должности» пяти крестьянских начальников из 15 проверенных<sup>111</sup>. По признанию вице-губернатора А. Н. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же «приобрели грустную славу беззакониями и хищениями»<sup>112</sup>. По приблизительным подсчетам за три-четыре года крестьянские начальники растратили около 300 тыс. руб. общественных денег<sup>113</sup>. Современники отмечали, что новые чиновники с первых дней начали хозяйствовать авторитетно, нисколько не смущаясь своего невежества и отсутствия необходимых знаний<sup>114</sup>.

Незаконные действия крестьянских начальников не ограничивались одним лихоимством. Поразительными были масштабы самоуправства новых чиновников. В Иркутской губернии неприменный член губернского правления по крестьянским делам Вершинин в 1913 г. проводил ревизию крестьянского начальника 5-го участка Иркутского уезда Галисского. По свидетельству ревизора, Галисский «без соблюдения установленного порядка, по своему усмотрению допускал к исполнению обязанностей выборных должностных лиц»<sup>115</sup>. Он назначил казначеем Хоготовской инородной управы бывшего родового старосту Абыдаевского рода Степанова, который совершил растрату в 1797 руб. Без решения суглани Галисский принял на должность писаря Ользоновской управы некоего Куртова, который до поступления его на службу водил тесную дружбу с местными кулаками Сухановым и Ертагаевым, рекомендовавшими его крестьянскому начальнику как лицо, заслуживающее доверие<sup>116</sup>. Однако это «заслуживающее доверие лицо» присвоило около 1500 руб., а затем сбежало, захватив предварительно чужой паспорт. Подобные случаи самоуправства крестьянских начальников были далеко не исключением. Роль крестьянского начальника при выборе должностных лиц крестьянского и инородческого управления была исключительно велика. Еще до выборов крестьянские начальники обязывались представлять свое мнение о возможности избрания на должность того или иного кандидата. Как правило, их «мнение» было решающим.

Крестьянские начальники стремились лишить крестьян и коренное население прав самим выбирать должностных лиц. При поддержке уездных съездов и губернских правлений они старались подобрать послушный их воле состав органов самоуправления сельским

<sup>111</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 183, 1903 г., л. 1.

<sup>112</sup> Там же, л. 54; Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907, с. 30.

<sup>113</sup> История Сибири, т. 3, с. 73.

<sup>114</sup> Жерновков Г. Сибирь и правительство, с. 26.

<sup>115</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 210, л. 13.

<sup>116</sup> Там же, л. 13 об.

населением. Достигалось это по-разному: путем рекомендаций, игнорированием приговоров сходов и сугланов, прямым насилием.

В декабре 1899 г. крестьянский начальник 5-го участка Иркутского уезда Рахманов представил рапорт иркутскому генерал-губернатору об утверждении в должности головы Абогонатского ведомства Н. Бутуханова. Однако суглан коренных жителей высказался против назначения Бутуханова. Тогда крестьянский начальник пошел на прямую фальсификацию итогов голосования. Бутуханов был утверждён в должности генерал-губернатором, а приговор суглана проигнорирован. Примеры такого рода неединичны <sup>117</sup>.

Естественно, что массовый произвол крестьянских начальников вызывал энергичные протесты сельского населения, которые были хорошо известны в высших правительственных инстанциях. Однако разоблачение и устранение отдельных лиц не улучшало системы управления, ибо почва для возникновения новых злоупотреблений оставалась прежней <sup>118</sup>.

В 1907 г. на совещании неперменных членов по крестьянским делам товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин вынужден был признать, что правительство не видит иного способа пресечения злоупотреблений, кроме установления постоянного надзора, который явился бы одним из существенных условий правильной постановки всякой исполнительной деятельности <sup>119</sup>.

С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация практиковала частые перемещения этих чиновников внутри уездов и губерний. В. А. Степынин, рассмотревший этот вопрос на материалах ряда уездов Енисейской губернии, пришел к выводу о том, что «трудно найти другое ведомство, где бы так часто менялись чиновники» <sup>120</sup>. То же самое можно сказать относительно других губерний Сибири. В Иркутской губернии с 1901 по 1912 гг. крестьянскими начальниками перебивало 70 чиновников, из них 40 находились на этой должности от одного до трех лет, 10 имели пятилетний стаж, шесть — шестилетний, два чиновника пробыли в этой должности 10 лет. Крайне редко чиновник исполнял должность крестьянского начальника на одном участке. Так, М. Н. Индрексон за пять лет пребывания в должности крестьянского начальника сменил три участка, Н. В. Запрудский в течение четырех лет успел поменять три участка.

Губернская администрация практиковала перемещение крестьянских начальников как внутри губернии, так и в пределах уездов. Случаи длительного пребывания крестьянских начальников на одном месте были, как правило, исключением. А. В. Яцковский и П. И. Бер-

<sup>117</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 2514, л. 71.

<sup>118</sup> История Сибири, т. 3, с. 73.

<sup>119</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 13, д. 91 «а», 1908 г., л. 5.

<sup>120</sup> Степынин В. А. Крестьянские начальники..., с. 127—155.

денников возглавляли соответственно 2-й и 3-й участки Балаганского уезда в течение 9 лет, В. В. Гурский был крестьянским начальником 4-го участка этого же округа 8 лет. В целом же по Иркутской губернии из 21 участка крестьянские начальники в 4 участках менялись 6 раз, в 9—5 раз, в 5 участках — 4 раза, в 2 участках — 3 раза, и в 1 участке — 8 раз.

Формулярные списки позволяют проследить служебный путь чиновников к должности крестьянских начальников. Так, по сведениям за 1916 г., в Тобольской губернии 5 крестьянских начальников из 34 начинали службу в военном ведомстве. Однако не дослужившись до высоких чинов, вышли в отставку. Отсутствие достаточно надежного источника существования заставило их определиться на штатскую службу. В Томской губернии службу в военном ведомстве начинал каждый десятый крестьянский начальник.

Среди крестьянских начальников были лица различных профессий, в том числе и учителя. Например, занимавший в 1907—1909 гг. должность крестьянского начальника 2-го участка Балаганского уезда Иркутской губернии И. М. Щеглов начинал свою служебную карьеру в чине коллежского регистратора на должности учителя в Саратовском училище военного ведомства, затем служил в военной начальной школе и военной прогимназии. Дослужившись до чина статского советника, он в 1907 г. был назначен на должность крестьянского начальника, которую и оставил «за болезнями» в 1909 г.<sup>121</sup>

Крестьянскими начальниками служили и лица, не имеющие чина. В Восточной Сибири таких чиновников насчитывалось 10%, в Западной — 5% от общего числа крестьянских начальников. Абсолютное большинство их обязанности крестьянских начальников исполняли недолго. Типичным примером в этом отношении является чиновник Деймидович, заведовавший 3-м участком Иркутского уезда. Образование он получил в Витебской духовной семинарии, которую окончил в 1900 г. Затем служил по духовному ведомству, а в 1904 г. поступил на юридический факультет Юрьевского университета. На государственную службу определился в конце 1912 г. в качестве помощника делопроизводителя Иркутского губернского управления. С осени 1914 г. до весны 1915 г. был крестьянским начальником, а затем отстранен от должности как не справившийся со своими обязанностями<sup>122</sup>.

Таким образом, крестьянскими начальниками служили люди с самыми различными судьбами и биографиями. Подчас это были случайные лица. Печать того времени отмечала, что среди крестьянских начальников «есть бывшие управляющие частными имениями, встречаются полицейские чины, много офицеров и заметную группу составляют чиновники всяких учреждений»<sup>123</sup>.

<sup>121</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 298, л. 19.

<sup>122</sup> Там же, д. 282, л. 41—49 об.

<sup>123</sup> Степнин В. А. Крестьянские начальники..., с. 137.

Огромное влияние на развитие крестьянского дела в России, и в Сибири в частности, оказала первая русская революция 1905—1907 гг., «гвоздем» которой, по характеристике В. И. Ленина, был аграрный вопрос<sup>124</sup>.

Национально-освободительное движение народов Сибири, развивавшееся под непосредственным влиянием идей революции, явилось одним из проявлений борьбы против царского режима. Революция сузила и затормозила «размах колонизаторской политики царизма, угрожавшей в конечном итоге полным разорением народностям Сибири, пробудила их к активному участию в общественной жизни»<sup>125</sup>.

После поражения первой русской революции в стране устанавливается реакционный режим третьеиюньской монархии. Проводившаяся по требованию Совета объединенного дворянства<sup>126</sup> столыпинская аграрная реформа, преследовавшая цель ликвидации крестьянской общины и насаждение хуторских отрубных хозяйств, сопровождалась переселением части крестьян на окраины империи, прежде всего в Сибирь.

В объективно-историческом смысле, как справедливо отмечал В. Г. Тюкавкин, это переселение было явлением прогрессивным, ибо способствовало развитию капитализма вширь, росту производительных сил, хозяйственному освоению новых территорий<sup>127</sup>. Однако на практике эта задача подменялась реакционными целями внутренней политики самодержавия. Отстаивая незыблемое господство самодержавия и дворянства, при организации переселения правительство совершенно не считалось «ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов»<sup>128</sup>, за счет которых отводились земли под переселенческие участки. Особенно много земель было изъято у аборигенов. «У них отнимались лучшие земли, по отношению к ним применялся грубый произвол»<sup>129</sup>. В целом по Сибири по итогам землеустройства у аборигенов было изъято около 30% находившихся в их пользовании земель.

Землеустроительные работы сопровождались проведением податных и административных преобразований. Последним царское правительство придавало особое значение, ибо стабилизация внутриполитического положения и поддержка власти господствующего класса традиционно связывались самодержавием с усилением репрессивного аппарата и ужесточением функций администрации по надзору и контролю за трудовым населением.

<sup>124</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 215; Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм, с. 92—101.

<sup>125</sup> История Сибири, т. 3, с. 296.

<sup>126</sup> См.: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981, с. 199—251.

<sup>127</sup> История Сибири, т. 3, с. 301.

<sup>128</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 332.

<sup>129</sup> История Сибири, т. 3, с. 303.

Еще в предреволюционную эпоху в период пребывания на посту министра внутренних дел В. К. Плеве в правительственных кругах обсуждались проекты модернизации высшего местного генерал-губернаторского управления Сибирью, имевшие целью упрочение аппарата власти. Проекты, проводившиеся под лозунгом децентрализации власти, приобрели немало союзников в лице высших сановников, представляющих по преимуществу старорежимное дворянство.

Вопрос о реформе системы губернского управления в пореформенной России, и Сибири в частности, неоднократно ставился и обсуждался в высших правительственных сферах начиная с 1866 г.<sup>130</sup> Эти обсуждения, как свидетельствуют материалы Второго сибирского комитета, имели целью найти такую форму высшего местного правления, которая бы не только позволила теснее увязать Сибирь с Россией в смысле политическом, но и обеспечила бы известный взнос Сибири в формирование государственного бюджета<sup>131</sup>.

Эти стратегические задачи политики царизма в Сибири оставались неизменными и в начале XX столетия. Они приобрели лишь некоторую специфическую окраску, порожденную, главным образом, опасениями потенциального революционного взрыва на окраинах империи.

Участники совещания при министерстве внутренних дел, обсуждавшие в начале 1904 г. вопрос о возможности вновь подчинить губернии Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, обратили на этот счет особое внимание. По их мнению, со времени реформы М. М. Сперанского задачи организации сильного местного управления значительно осложнились необходимой готовностью к принятию «исключительных мер, обусловленных чрезвычайными обстоятельствами, как например... обостренные земельные неурядицы, рабочие беспорядки». Это обстоятельство, по мнению участников совещания, безусловно, и во много раз усиливало потребность постоянного общего надзора не только за трудовым населением — главным источником потенциальной опасности — но и за деятельностью губернских и уездных органов управления, как средством предотвращения или, в крайнем случае, отдаления этой угрозы<sup>132</sup>. Участники совещания, на котором, кроме В. К. Плеве, присутствовали бывшие и тогдашние генерал-губернаторы Сибири: А. Д. Горемыкин, А. П. Игнатьев, М. А. Таубе, П. П. Кутайсов, А. И. Пантелеев, Н. Н. Сухотин<sup>133</sup> не сочли возможным признать удовлетворительным порядок «высшего» местного управления Сибирью, «весьма существенную» обязанность которого они видели «в заведова-

<sup>130</sup> См.: Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982, с. 3.

<sup>131</sup> Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма..., с. 14—15.

<sup>132</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 185, д. 28, 1904 г., л. 73 об.

<sup>133</sup> Там же, л. 120.

нии», наряду с русским крестьянством, аборигенным населением и ссыльными.

Вопрос о ссылке и аборигенах, как уже отмечалось, привлек пристальное внимание участников совещания. Не говоря о типичных уголовниках, являющихся «элементом развращенным и крайне беспокойным», местные власти, как отмечали участники совещания, сильно беспокоили политические ссыльные, требующие исключительно тщательного за ними наблюдения. Скопление в крае большого количества ссыльных, могущих в любую минуту вызвать «осложнение и замешательство» и нарушить обычное течение жизни, внушало тревогу правительству.

Не меньшее затруднение для местной администрации члены правительства видели и в заведовании аборигенами, которые требовали от местных властей «постоянного особого к себе попечения»<sup>134</sup>. Именно эти два обстоятельства — заведование аборигенами и ссылкой делали задачи местной администрации значительно более сложными по сравнению с губерниями Европейской России.

Между тем В. К. Плеве, побывавший летом 1903 г. в уездах Томской губернии, вынес крайне неблагоприятное впечатление о силе и значении местной власти. Все это вместе взятое заставило участников совещания признать недостаточными полномочия местной губернской власти и высказаться за создание в Сибири единой системы генерал-губернаторского правления с подчинением министерству внутренних дел и другим вышестоящим органам империи. Систему управления предлагалось распространить на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области, которую следовало приспособить «специально для ссыльных лиц»<sup>135</sup>. Конечную цель будущих преобразований участники совещания видели прежде всего в «приближении власти к населению»<sup>136</sup>. Таким образом, это была еще одна попытка предупредить появление кризиса самодержавия на окраинах империи, кризиса, являвшегося частным проявлением всеохватывающего процесса разложения существующей в России системы. Хотя и неосуществленная — этому помешала, главным образом, русско-японская война и начавшаяся затем революция 1905—1907 гг. — эта попытка показывает отношение самодержавия к проблемам местного управления Сибири, органы которого являлись непосредственными проводниками политики господствующих классов.

К этим вопросам самодержавие вновь обратилось после подавления революции, когда в связи с переселением крестьян за Урал, принявшим огромные масштабы<sup>137</sup> и, как следствие этого, услож-

<sup>134</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 185, д. 28, 1904 г., л. 79—83.

<sup>135</sup> Там же, л. 79—83.

<sup>136</sup> Там же, л. 79 об.

<sup>137</sup> История СССР с древнейших времен и до наших дней, т. 6, с. 388.

нением функций местной администрации, перед правительством остро встала проблема обеспечения «личного состава крестьянских учреждений лицами, могущими успешно справиться с возложенными на них по закону многообразными и сложными обязанностями»<sup>138</sup>. Отказавшись от коренной перестройки системы местного управления и сохранив все основные звенья местного аппарата власти, путем усиления «ближайшего наблюдения» и улучшения качественного подбора чиновников правительство попыталось значительно усилить местный исполнительный аппарат власти самодержавия. Особое значение в достижении этих целей придавалось крестьянским начальникам.

В 1912 г. сибирские губернаторы получили предписание министра внутренних дел А. А. Макарова о введении испытания на должность крестьянских начальников. Эта мера преследовала цель не только «качественного» отбора, улучшения состава чиновников, но и удаления неугодных правительству или скомпрометировавших себя лиц. При определении на должности министерство настоятельно рекомендовало губернской администрации проводить экзамены по программам испытаний на должность земских начальников, утвержденных в 1908 г. Экзамены для кандидатов на должность земского начальника были введены распоряжением министра внутренних дел в 1907 г. Первоначально экзамены принимались комиссией в составе управляющего земским отделом министерства, его помощника и делопроизводителей.

Циркуляром от 23 января 1908 г. такие экзамены вводились повсеместно. Вопрос об экзаменах на должности земских начальников обсуждался на общероссийском съезде неперменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий в январе 1909 г. С целью успешной подготовки к экзаменам в марте 1908 г. при министерстве начали работать специальные курсы, имеющие целью «помочь лицам, подготовляющимся к экзаменам, разобраться во всех законах о крестьянах, отличить главное от второстепенного и выяснить основные задачи местных административных деятелей».

Из 38 человек, сдавших экзамен в 1907 г., комиссия «достойными к занятию должности» земского начальника нашла 29, остальные 11 получили отрицательные оценки. Всего же за период с 1907 по 1910 гг. экзамен на должность держали 219 претендентов<sup>139</sup>. Как видим, министерство прилагало немалые усилия к улучшению «качественного» состава земских начальников. Нечто подобное теперь предполагалось ввести и в Сибири. Местные власти обязывались разработать собственную программу, в которой особое внимание следовало уделить выявлению «осведомленности испытуемых в уза-

<sup>138</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 102, л. 12.

<sup>139</sup> Отчет по земскому отделу. Краткий обзор его современной деятельности (1861—1911). СПб., 1911, с. 15—19.

конениях и правилах, регулирующих общественное управление, суд и поземельное устройство крестьян и инородцев»<sup>140</sup>.

Составление программы испытаний в Сибири было закончено к осени 1914 г.

Программы испытаний, составленные на основе закона 1898 г., явились попыткой конкретизировать основные положения этого акта с учетом более чем 10-летнего опыта его применения в Сибири. Именно поэтому в программах имеются толкования не только отдельных статей закона, но и дополнения к ним, сделанные местной администрацией.

Программы испытаний в следующих чертах определили круг обязанностей крестьянского начальника: надзор за должностными лицами крестьянского и инородческого управления; решение вопросов землепользования сельского населения, участие в работе комиссий по созданию переселенческих участков; контроль за сбором государственных податей и исполнением земских повинностей и т. д.; выполнение определенных полицейских и судебных функций. Статьи 14, 16, 20—24 закона 1898 г. рассматривают вопросы осуществления крестьянским начальником прав контроля за общественным управлением крестьян и аборигенов. В губернских программах испытаний этому вопросу посвящены специальные главы. Кроме того, в программу Иркутской губернии была добавлена глава, посвященная изложению прав и обязанностей крестьянского начальника по контролю за общественным управлением тех аборигенов, на которых не распространялось действие Временного положения 1898 г.

Пристальное внимание, отводимое в программах коренным народам Сибири, объясняется тем, что царская администрация стремилась поставить их под более жесткий контроль чиновничества. Министр внутренних дел П. А. Столыпин в течение 1910 г. неоднократно напоминал иркутскому генерал-губернатору о необходимости составить предложения «о желательных изменениях ныне действующего положения об управлении инородцев, коих признано будет необходимым оставить в разряде кочевых или бродячих»<sup>141</sup>.

В определении прав крестьянских начальников относительно органов общественного управления крестьян и аборигенов составители программ исходили из ст. 16 «Временного положения...», которая предоставляла крестьянским начальникам право «рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов»<sup>142</sup>. В программах это положение конкретизировалось — перечислялись случаи, когда присутствие крестьянского начальника на сельском сходе было обязательным: при раскладке мирских и земских повинностей, выборе должностных лиц общественного управления и т. д. Программы

<sup>140</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 102, л. 12.

<sup>141</sup> Там же, оп. 6, д. 46, л. 195 об.

<sup>142</sup> ПСЗ-3, т. 18, с. 15503.

предоставляли крестьянскому начальнику право не только утверждать, но и дополнять повестку дня сходов и сугланов новыми вопросами. Решения сельских сходов и сугланов подлежали обязательному утверждению крестьянским начальником. В случае несогласия с приговором крестьянскому начальнику предоставлялось право приостановить его действие и представить к отмене на уездном съезде крестьянских начальников.

В программах перечисляются функции должностных лиц управления аборигенами, характеризуется структура органов управления и определяется круг их обязанностей по отношению к крестьянским начальникам <sup>143</sup>.

Закон предоставлял крестьянским начальникам право административных взысканий с должностных лиц сельского управления. В соответствии с этим программы испытаний всех губерний предусматривали сохранение данного положения, предоставляя крестьянским начальникам право «возбуждения уголовного преследования» <sup>144</sup>. В программах испытания Енисейской и Иркутской губерний это положение конкретизировалось специальным изложением прав крестьянского начальника по административным делам.

Подробно излагались полицейские обязанности крестьянского начальника. Обстоятельство это было не случайным. В годы первой русской революции крестьянские начальники широко пользовались этими правами. У местной администрации еще свежи были в памяти примеры активного участия народов Сибири в общественном движении в 1905—1907 гг. Поэтому-то сибирское чиновничество столь внимательно отнеслось к разработке в программах испытаний именно этих положений. Программа Енисейской губернии даже ввела специальную главу, которая называлась «Обязанности крестьянского начальника полицейского характера» <sup>145</sup>. В программах подробно рассматривались случаи, когда крестьянскому начальнику вменялось в обязанности привлекать для «наведения порядка» чинов уездной полиции, высылать в административном порядке «зачинщиков» и т. д.

Ряд статей в программах были посвящены изложению обязанностей крестьянского начальника по организации сборов податей и налогов. Программы Иркутской и Енисейской губерний даже включали главу «Податное дело» <sup>146</sup>, в программе Тобольской губернии этот вопрос рассматривался в главе «О личных, имущественных правах крестьян и лежащих на них обязанностях» <sup>147</sup>.

Программы испытаний регламентировали отношения крестьянских начальников с вышестоящими учреждениями, различными

<sup>143</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 102, л. 120—127.

<sup>144</sup> Там же, л. 123 об.

<sup>145</sup> Там же, л. 23 об.

<sup>146</sup> Там же, л. 123 об.

<sup>147</sup> Там же, л. 25—28.

должностными лицами царской администрации и полицией. Жесткая регламентация этих моментов была, по мнению составителей программ, совершенно необходима, так как крестьянские начальники по роду своей деятельности сталкивались с чиновниками различных ведомств, что на практике порождало неразбериху и волокиту <sup>148</sup>.

Практическому внедрению программ испытаний на должность крестьянских начальников помешала начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война. И в этих условиях правительство предпринимало меры для улучшения состава крестьянских начальников, предоставляя им льготы от призыва в армию и т. д. <sup>149</sup>. Тем не менее, все попытки правительства в этом плане оказались тщетными. Прослойка дворян среди крестьянских начальников Сибири к 1917 г. не только не увеличилась, но даже сократилась, снизилось и количество православных чиновников. Количество чиновников, имеющих высшее образование, по сравнению с 1904 г. осталось примерно на том же уровне.

Деятельность правительства и местной губернской администрации по улучшению качественного состава крестьянских начальников своим практическим следствием имела лишь рост злоупотреблений и лихоимства этих чиновников, с одной стороны, и усиление к ним ненависти сельского русского и коренного населения — с другой. Последнее обстоятельство особенно отчетливо проявилось после свержения самодержавия в феврале 1917 г. Временное правительство, несмотря на желание «хоть что-нибудь спасти от старой системы управления» <sup>150</sup>, было вынуждено пойти на отмену ряда наиболее ненавистных институтов управления старого режима, в том числе и крестьянских начальников. Решающее значение в этом имела общественная активность сельского населения Сибири, стремившегося как можно скорее избавиться от власти ненавистных чиновников.

Первым актом в этом плане была телеграмма от 16 марта 1917 г., направленная С. Н. Родзянко от имени киргизов Уральской области. В ней подчеркивалось, что созданный старым режимом институт крестьянских начальников преследовал цель «держатъ инородческое население в бесправии и рабстве». Со времени образования он принес аборигенам только «глубочайший материальный вред и нравственную разруху» <sup>151</sup>. Составители телеграммы настаивали на безоговорочном и скорейшем упразднении крестьянских начальников.

В те же дни во временное правительство хлынул поток известий об отстранении крестьянских начальников от исполнения своих обязанностей местными советами рабочих, солдатских и крестьянских

<sup>148</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 102, л. 20, 3 об.

<sup>149</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 56, 1900 г., л. 186—187, 190.

<sup>150</sup> Старцев В. И. Внутренняя политика временного правительства, с. 169.

<sup>151</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 30, 1917 г., л. 6—8.

депутатов. Характерным примером в этом отношении является решение Совета рабочих и солдатских депутатов Енисейска об увольнении всех назначенных старым режимом чиновников. «Изгнанным, крестьянским начальникам возврата нет», подчеркивалось в телеграмме временному правительству 24 апреля 1917 г.<sup>152</sup>

Сознавая невозможность сохранения в неизменном виде системы местного управления и в то же время стремясь не допустить ослабления своей власти в деревне, временное правительство приняло решение образовать в системе министерства внутренних дел специальный отдел по делам местного управления<sup>153</sup>, в компетенцию которого входили дела по назначению губернских и областных комиссаров, надзор за их деятельностью, разработка законодательных предложений по устройству местного управления и т. д.<sup>154</sup> Было сообщено и о создании в системе министерства национального отдела. Стремясь привлечь на свою сторону нерусское население окраин империи, временное правительство широко рекламировало эти меры. В циркулярном письме о функциях вновь созданного подразделения подчеркивалось, что его задачей является осведомление правительства о жизни нерусских народов, их политических желаниях и культурных нуждах<sup>155</sup>. Практические результаты деятельности отдела были невелики. В марте 1917 г. был принят закон об отмене национальных и вероисповедальных ограничений<sup>156</sup>. Губернским комиссарам было предоставлено право «устранять от исполнения обязанностей тех крестьянских начальников, которые не отвечают новому строю или не пользуются доверием населения»<sup>157</sup>. Таким образом предполагалось хотя бы частично и временно сохранить институт крестьянских начальников. Кроме того, в циркуляре подчеркивалось, что объем прав крестьянских начальников по надзору за сельским населением за исключением дисциплинарных взысканий остается прежним. В тех случаях, когда крестьянские начальники в уезде устранялись, что называется поголовно, их обязанности передавались местным уездным комиссарам, которые обязывались незамедлительно приступить к образованию уездных волостных комитетов, на основе которых в скором будущем предполагалось создать волостные земства.

Министерство внутренних дел признавало, что реформа местного управления «требует некоторого времени и окончательный срок завершения ее не может быть точно определен»<sup>158</sup>.

<sup>152</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, д. 90, 1917 г. л. 99.

<sup>153</sup> ЦГАОР, ф. 1788, оп. 2, д. 1, л. 3, 4.

<sup>154</sup> Там же, д. 2, л. 1.

<sup>155</sup> Там же, оп. 4, д. 1, л. 2.

<sup>156</sup> Там же, д. 2, л. 1, 5, 9.

<sup>157</sup> Там же, л. 47.

<sup>158</sup> Там же, оп. 3, д. 11, л. 3.

К началу лета 1917 г. из 192 чиновников губернские комиссары отстранили только 60 человек <sup>159</sup>. Однако развитие событий опережало действия правительства. Созданные на местах волостные комитеты выступили против даже временного сохранения института крестьянских начальников. Например, в мае 1917 г. комиссар временного правительства по Иркутской губернии Лавров докладывал в Петроград, что институт крестьянских начальников вызвал к себе резко отрицательное отношение местных комитетов, принявших решение о его «немедленном устранении» <sup>160</sup>. Все это заставило временное правительство 29 июня принять решение об упразднении института крестьянских начальников <sup>161</sup>.

### ГЛАВА III ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ НАРОДАМИ СИБИРИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

#### § 1. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА

Г Рубеж XIX и XX столетий занимает особое место в социально-экономической и политической истории России. Новые явления в экономике, связанные с монополизацией промышленности, концентрацией рабочей силы на крупных предприятиях, железнодорожном строительстве и т. д., повлекли за собой качественные изменения в социальной и общественной жизни страны <sup>1</sup>.

В конце XIX и особенно в начале XX в. ясно обнаружилось предсказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом перемещение центра мирового революционного движения в Россию <sup>2</sup>. Появление в 1903 г. большевизма «как течения политической мысли и как политической партии» <sup>3</sup> имело решающее значение в общем процессе революционного кризиса, охватившего Россию в начале XX в. Этот общенациональный кризис находил выражение в различных областях общественной и государственной жизни <sup>4</sup>, в том числе и в политике царизма на окраинах империи.

Еще исследователи XIX в. отмечали, что задачи государственного управления не могут быть осуществлены деятельностью одних цент-

<sup>159</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 31, д. 30, 1917 г., л. 10.

<sup>160</sup> Там же, л. 102.

<sup>161</sup> Там же, д. 30, 1917 г., л. 142; ЦГАОР, ф. 1788, оп. 3, д. 12, л. 2 об.

<sup>1</sup> Кризис самодержавия в России (1895—1917). Л., 1984, с. 11.

<sup>2</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. В 5-ти т. М., 1965, т. 1, с. 346.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

<sup>4</sup> Кризис самодержавия в России..., с. 11—12.

ральных органов. Подчеркивая значение местного аппарата власти, Н. М. Коркунов писал, что акты непосредственного управления «прежде всего... требуют деятельности на месте, в различных частях государственной территории»<sup>5</sup> Советский исследователь П. Н. Зырянов справедливо отмечает, что местное управление «находится на той границе, где политическая структура непосредственно соприкасается с повседневным движением отношений, короче говоря, на стыке базиса и надстройки»<sup>6</sup>. В связи с этим отметим, что у К. Маркса одной из важнейших сторон экономической жизни капиталистического общества выступает классовая борьба, вне которой ничто не существует в жизни общества и не может быть понято и объяснено. Однако классовая борьба — это не надстройка. Она принадлежит прежде всего экономике, базису. В то же время конкретный ход классовой борьбы зависит и от надстройки, являющейся в классово-антагонистическом обществе по преимуществу системой средств и органов в классовой борьбе<sup>7</sup>. Поэтому анализ деятельности местного аппарата управления имеет важное значение для изучения проблем складывания предпосылок буржуазно-демократической революции в нашей стране<sup>8</sup>.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными.

Осуществление поставленных самодержавием задач полного обрусения сибирских аборигенов постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения поразрядной системы, введенной Уставом 1822 г., и перечислением аборигенов в разряд оседлых. Согласно закону такое перечисление могло осуществляться во время переписи с согласия самих аборигенов. Поэтому местная администрация и правительство постоянно сталкивались с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьянских начальников означало на практике полное подчинение органов самоуправления аборигенов этим чиновникам, но не упраздняло деление аборигенов на разряды. Между тем ликвидация этой системы рассматривалась правительством как важный шаг на пути решения стоящих перед ним не только экономических, но прежде всего внутривполитических задач, сводившихся к обрусению аборигенов. Исходя из решения именно этой задачи, Государственный совет в 1898 г. охарактеризовал поразрядную систему управления

<sup>5</sup> Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1903, т. 2, с. 286.

<sup>6</sup> Зырянов П. Н. Социальная культура местного управления капиталистической России (1861—1914). — В кн.: Ист. зап. 1982, т. 107, с. 226.

<sup>7</sup> См.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 248, 249.

<sup>8</sup> Зырянов П. Н. Указ. соч., с. 226.

аборигенами как «выдающееся несовершенство» законодательства о народах Сибири, требующее немедленного упразднения<sup>9</sup>. В свете развития в стране массового революционно-освободительного движения во главе с рабочим классом, находившего самый живительный отклик и в Сибири, последнее обстоятельство в глазах правительства приобрело особое значение. В конце 90-х гг. К. П. Победоносцев обратился с письмом к Николаю II, в котором в следующих выражениях охарактеризовал положение внутри государства: «Мы живем в ином мире сравнительно с тем, что было лет 40—50 тому назад. Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно... в последнее время эта бессознательность миновала... вопиющая разница между нищетою одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала еще разительнее»<sup>10</sup>.

В этой сложной обстановке национальное угнетение нерусских народов приобрело особое значение. Не случайно предложение Иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина о необходимости скорейшего обрусения сибирских аборигенов нашло в правительственной среде скорый и сочувственный отклик<sup>11</sup>.

Это царское пожелание нашло теоретическое обоснование в трудах теоретиков великодержавного шовинизма, пытавшихся увязать задачи по русификации народов с экономическим освоением окраин империи. В 1899 г. Н. И. Смирнов указывал, что «первым и главнейшим орудием обрусительной политики должна... сделаться умелая, основанная на точном знании местных условий колонизация». С другой стороны, отмечал этот же автор, «нормальная политика по отношению к инородцам должна преследовать обрусительные цели»<sup>12</sup>.

Национализм всегда играл известную роль во внутренней политике самодержавия. В особенно свирепой «зоологической форме» национализм выступил в третьиюньский период<sup>13</sup>. Уже на предвыборных собраниях во II государственную думу в 1907 г. из лагеря правых раздавались активные призывы в поддержку русского национализма, который, по их мнению, отнюдь не является каким-то антигуманным явлением и не стремится оттеснить, обидеть, ассимилировать и тем более «поглотить» другие народности и национальности»<sup>14</sup>. Нужно было избежать этой опасности впредь, защитить и оборонить интересы русской государственности<sup>15</sup>. Для

<sup>9</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 134 об.

<sup>10</sup> Цит. по кн.: Соловьев Ю. Б. Указ. соч., с. 27.

<sup>11</sup> ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 73, л. 9.

<sup>12</sup> Смирнов Н. И. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. — Ист. вестн., 1899, т. 47, с. 763, 765.

<sup>13</sup> История СССР с древнейших времен..., т. 6, с. 358.

<sup>14</sup> Любимский Л. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением. Киев, 1907, с. 4.

<sup>15</sup> Там же, с. 7.

этой цели и привлекался русский национализм. С его помощью можно и нужно было настолько обрусить нерусское население, чтобы оно утратило свои национальные особенности и слилось с русским<sup>16</sup>. «Обрусить — значит сделать инородцев по своим убеждениям русскими». Для достижения этой цели рекомендовалось поставить аборигенов в такую «благоприятную обстановку, при которой они возможно меньше вспоминали бы о своей бывшей независимости»<sup>17</sup>. В. Строганов в следующих выражениях сформулировал задачи национальной политики самодержавия: «Итак, что-нибудь одно: либо мы должны отказаться от девиза «Россия для русских», либо от обрусительной политики, так как совместить то и другое так же нелепо, как тушить пожар керосином»<sup>18</sup>.

В период, когда самодержавие, как форма правления, окончательно утратило свое прогрессивное значение, а само его существование пришло в вопиющие противоречия с интересами абсолютного большинства русского общества, теоретики национализма пытались ссылками на исторический опыт других стран подсказать правительству рецепты выхода из кризиса. И. О. Балашов, ставя риторический вопрос о том, почему Франция «в своем могучем организме» смогла растворить «целый десяток различных народностей», приходил к выводу о том, что «там не давали им (инородцам. — Л. Д.) никаких особенных льгот... а главное, налагали одинаковые обязательства»<sup>19</sup>. В России же, наоборот, с укоризной замечал автор, действовали в плане сохранения самобытности «инородцев». «Наша невежественная и бездарная бюрократия силилась напротив всячески огородить их от главенства русской народности, вместо того, чтобы думать о слиянии с ней»<sup>20</sup>.

От теоретиков великодержавного шовинизма не отставали и должностные лица царской администрации. Иркутский генерал-губернатор Селиванов в отчете о состоянии Забайкальской области за 1908 г. выражал серьезные опасения по поводу возможных последствий скопления большого количества — около 200 тыс. коренных жителей в одной области. Подобные явления, по мнению Селиванова, не способствовали упрочению позиций самодержавия в крае. Имея в виду активное участие коренного населения области в общественном движении в годы первой русской революции, генерал-губернатор подчеркивал, что «никому не известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому

<sup>16</sup> Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912, с. 146.

<sup>17</sup> Там же, с. 147.

<sup>18</sup> Там же, с. 148.

<sup>19</sup> Балашов И. О. О национализме вообще и в частности о русском. СПб., 1912, с. 14.

<sup>20</sup> Там же, с. 14.

испытанию»<sup>21</sup>. Правительство начинает предпринимать ряд мер, направленных на русификацию сибирских окраин империи. В этом плане известную роль, наряду с законом о крестьянских начальниках, сыграли другие законодательные акты и административные мероприятия. К ним следует отнести решение Государственного совета о распространении на сибирских аборигенов действия паспортной системы. Принятое в июне 1897 г., это решение предусматривало создание специальной комиссии из представителей министерства внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. Работа комиссии, протекавшая в период, когда самодержавие все больше запутывалось в неразрешимых противоречиях<sup>22</sup>, по существу была отголоском политики контрреформ 80-х гг. В работах созданной комиссии наиболее активную роль играл В. К. Плеве. Именно он настоял на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима.

Необходимость введения паспортов у народов Сибири членам комиссии виделась прежде всего в той неопределенности, которая была «свойственна существующему о них законодательству». В числе «выдающихся несовершенств» законодательства о народах Сибири отмечалось сохранившееся деление их на разряды и необходимость усиления опеки и надзора за действием органов самоуправления аборигенами<sup>23</sup>. Одной из ступенек на пути полного пересмотра законодательства о народах Сибири и явилось положение «О видах на жительство для инородцев», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г.<sup>24</sup>

Положение «О видах на жительство» определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. У оседлых аборигенов «местом постоянного жительства» считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевников — район перекочевков. Все аборигены, за исключением оседлых, обязывались иметь паспорта при отлучке из мест постоянного проживания для устройства на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми и иными целями также разрешалось только по паспортам. Положение на жительство предусматривало ответственность аборигенов за нарушение паспортных правил в виде административной высылки в 7-дневный срок. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов (ст. II). Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки

<sup>21</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 11—11 об.

<sup>22</sup> Соловьев Ю. Б. Указ. соч., с. 126.

<sup>23</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, л. 15, ч. 1, 1896 г.

<sup>24</sup> Там же, л. 132; ПСЗ-З, т. 18, № 15606.

аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации<sup>25</sup>.

Введение паспортной системы у аборигенов находилось в полном соответствии с общим направлением правительственного курса в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого являлось усиление полицейской опеки и русификация. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма вширь и вглубь, сопровождавшимся значительным ростом применения наемного труда. Известно, что этот процесс охватил и часть коренного населения Сибири, для которой работа по найму становилась основным источником существования.]

В соответствии с новым законом все лица, участвующие в работе по найму, занимающиеся торговлей и т. д., обязывались иметь паспорта. Вопрос о количестве выданных паспортов, безусловно, интересен во многих отношениях. В нашем конкретном случае выяснение его позволило бы не только получить дополнительные данные о количестве лиц, занятых вне сферы традиционных для народов Сибири видов хозяйственной деятельности, но и определить, насколько последовательно проводилось в жизнь данное положение. К сожалению, имеющиеся сведения на этот предмет далеко не полны. Мы располагаем лишь отрывочными данными, не позволяющими воссоздать общую картину.

Отходничество и связанное с ним увеличение количества выданных паспортов получили дальнейшее развитие в период строительства Транссибирской железной дороги. По сведениям В. Ф. Бозунова, только на строительстве одного Забайкальского участка дороги ежегодно работали около 3,5 тыс. бурят, карымов и казаков<sup>26</sup>. В соответствии с законодательством, все они обязывались иметь паспорта.

В Западной Сибири на строительстве дороги трудились и представители местных кочевых народов<sup>27</sup>.

Говоря о связи отходничества с развитием паспортной системы, следует учитывать условность этого взаимовлияния. Как справедливо подметил Р. М. Введенский, паспортная статистика показывает число только тех, кто «уходил из домов далеко и надолго, чья связь с хозяйством ослабевала или обрывалась совсем». «Менее продолжительные отлучки на развитии паспортной статистики не отражались»<sup>28</sup>.

<sup>25</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 132–133.

<sup>26</sup> Борзунов В. Ф. Рабочая сила на строительстве Сибирской магистрали.— Ист. зап. 1961, № 70, с. 155.

<sup>27</sup> Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965, с. 27.

<sup>28</sup> Введенский Р. М. Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход.— В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983, с. 169.

Стремление правительства к скорейшему проведению административной реформы у народов Сибири и ликвидации поразрядной системы наталкивалось на, казалось бы, непреодолимое препятствие в виде медленных темпов землеустройства народов края. Статья 3 правил «Об определении земельных наделов...» предусматривала перевод кочевников на положение оседлых земледельцев только после окончания у них поземельного устройства и выдачи отводных записей<sup>29</sup>. Однако темпы землеустройства были крайне низкими<sup>30</sup>. Они значительно активизировались только в 1907—1914 гг. после поражения первой русской революции.

Что же касается административной реформы, то в этот период в ней прослеживается явно выраженное насильственное начало. Экономические соображения и ходатайства аборигенов во внимание не принималось. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905—1907 гг. самодержавие стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, скорее русифицировать их и тем самым не допустить революционного рецидива в «инородческой» среде. Улучшению «этнографического состава населения» посредством «ассимиляции инородческих племен» должно было способствовать и усиление земледельческой колонизации сибирских пространств, переселение крестьян<sup>31</sup>, принявшее в этот период внушительные размеры. Однако надежды правительства на ликвидацию поразрядной системы и введение волостного и сельского управления у народов Сибири связывались прежде всего с административными мерами.

В январе 1909 г. П. А. Столыпин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, предписал сибирским губернаторам незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех аборигенов, получивших земельные наделы по законам 23 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. Сроки выдачи отводных записей — основного документа на пользование землей — теперь во внимание не принимались<sup>32</sup>. Оговорка эта не была случайной. Соблюдение данного правила, предусмотренного ст. 3 закона 4 июня 1898 г., значительно отодвигало сроки административной реформы, правительство же, наоборот, настаивало на их всемерном ускорении. С этой целью самодержавие пошло на упрощение процедурных норм, предусмотренных ранее изданными положениями. В мае 1909 г. Столыпин обращал внимание Тобольского гражданского губернатора Д. В. Гагмана на то, что многие аборигены продолжают числиться в разряде

<sup>29</sup> ПСЗ-З, т. 18, отд. 1, № 15539.

<sup>30</sup> А с а л х а н о в И. А. Сельское хозяйство Сибири..., с. 70; Т о п ч и й А. Т. Крестьянские реформы..., с. 214; ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 403, № 2—3, 7. Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 2923, с. 65 и др.

<sup>31</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 185, д. 28, 1904 г., л. 126 об.

<sup>32</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, 1908 г., л. 11.

кочевых и управляются по правилам 1822 г., в то время как они подлежат переводу в разряд оседлых с введением у них соответствующей системы управления и административного устройства<sup>33</sup>. Отсутствие ревизий, по окончании которых закон разрешал перечисление кочевников в категорию оседлых, по мнению Столыпина, не освобождало местную администрацию от обязанностей соблюдать сроки перечисления и переводить аборигенов «в более высокий и культурный разряд». Столыпин особенно подчеркивал, что перечисление это «ныне возможно в любой момент».

Рассуждения премьер-министра о необходимости соблюдения соответствующих условий для перечисления являлись пустой формальностью. Уже в следующем циркуляре Столыпин писал, что требование старого закона о перечислении кочевников в категорию оседлых только при окончании переписей «в настоящее время утратило свое значение и должно быть понимаемо как общее положение о необходимости перечисления во всякое время»<sup>34</sup>.

Подобные же указания были посланы и иркутскому генерал-губернатору<sup>35</sup>. Поясняя цели и задачи реформы, Столыпин отмечал, что ее проведение означало бы пересмотр Устава 1822 г., способствовало бы распространению на оседлых аборигенов общего положения о крестьянах и перечислению бродячих жителей в категорию оседлых. Вскоре министерство затребовало от губернских присутствий отчет о мерах по перечислению кочевников в категорию оседлых<sup>36</sup>. На этом основании в ноябре 1909 г. Тобольское губернское присутствие предписало крестьянским начальникам представить соответствующие предложения к 1 февраля следующего 1910 г.<sup>37</sup> Таким образом, на подготовку реформы губернское присутствие отводило всего 2-месячный срок. Если к этому добавить, что предложения крестьянских начальников следовало первоначально обсудить на уездных съездах в присутствии податных инспекторов, уездных исправников, затем дополнить и исправить, а уже после этого представлять в губернское правление, то на местах реформа проводилась в большой спешке. Однако и такие темпы работ уже не устраивали Столыпина. В циркулярном письме от 9 декабря 1909 г. он обратил внимание Гагмана на то, что предпринимаемые губернским присутствием меры «рассчитаны на весьма продолжительный срок, в чем едва ли представляется безусловная необходимость». Столыпин вновь подчеркнул, что желание аборигенов на пере-

<sup>33</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, 1908 г., л. 27.

<sup>34</sup> Там же, л. 28 об.

<sup>35</sup> Там же, л. 29—30.

<sup>36</sup> Там же, л. 60—61.

<sup>37</sup> Там же, л. 78 об.

числение «отнюдь не может иметь решающего значения»<sup>38</sup> и потребовал принять «безотлагательные» меры к такому перечислению. Зная о недовольстве аборигенов административной реформой, Столыпин требовал от местной администрации разъяснять коренным жителям, что переводом на положение оседлых земледельцев они не будут обращены в сословие сельских обывателей и сохранят льготы по отбыванию воинской повинности<sup>39</sup>. Министр внутренних дел предусмотрительно промолчал о том, что на практике это освобождение оставалось единственным существенным сословным отличием сибирского аборигена от русского крестьянина.

Получив прямое указание Столыпина, сибирская администрация перешла к реальным действиям по перечислению аборигенов в категорию оседлых. Административная реформа проводилась столь энергично, что к 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ или примерно 33% коренных жителей<sup>40</sup>.

Важной стороной административной реформы было обоснование ее юридической законности. Одним из первых на это обстоятельство обратил внимание забайкальский военный губернатор Надаров, который в январе 1904 г. призвал упорно противившихся реформе подчиниться требованиям закона и «повиноваться начальникам»<sup>41</sup>.

Тобольский губернатор Д. Ф. Гагман в марте 1910 г. опубликовал специальное объявление, в котором извещал коренное население о том, что новые административные преобразования «строго согласованы с действием закона»<sup>42</sup>. Обоснование юридической «законности» преобразований было, по мнению правительства, тем более необходимо, что административные мероприятия самодержавия вызвали массовое недовольство и протесты народов края, нередко заявлявших о незаконности преобразований. Пытаясь как-то обосновать свои действия, правительство на первых порах связывало их с уже упоминавшимися правилами 4 июня 1898 г. «О порядке определения земельных наделов»<sup>43</sup>. Однако практика проведения реформы показала, что этого явно недостаточно. Существенным препятствием в проведении реформы было, по мнению местной ад-

<sup>38</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, 1908 г., л. 123, 124. Интересно, что еще до этого указания Столыпина в ряде губернских и областных газет были опубликованы специальные разъяснения о том, что с переводом в оседлые аборигены сохраняют название «инородцев», а не называются крестьянами (ГАЧО, ф. 20, оп. 3, д. 52, л. 13). Подобные же разъяснения от имени губернатора были опубликованы в Тобольске (ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 43).

<sup>39</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, л. 123, 124.

<sup>40</sup> Там же, л. 453 об.

<sup>41</sup> ГАЧО, ф. 20, оп. 3, д. 18, л. 32.

<sup>42</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 154, 1908 г., л. 174.

<sup>43</sup> ПСЗ-3, т. 18, отд. 1, № 15539.

министрации, незнание большинством коренных жителей русского языка и, как следствие этого, неумение самим прочесть текст закона. Сотрудникам Восточного института во Владивостоке Цибикову и Ямпилу было поручено перевести на бурятский язык положение о поземельном и административном устройстве коренного населения Забайкальской области <sup>44</sup>.

Усилившееся недовольство народов Сибири проводимой реформой <sup>45</sup> заставило правительство принять дополнительные юридические акты, регламентирующие действия местной губернской администрации по перечислению аборигенов в разряд оседлых жителей. Важнейшим из этих актов явился указ Сената в апреле 1914 г. о перечислении аборигенов из одного разряда в другой, рассматривавший сам факт такого перечисления как обычную регистрацию уже изменившегося образа жизни. Статья 4 указа подчеркивала, что именно администрация выбирает время и осуществляет перечисление. Отмечая, что с 1859 г. ревизии и переписи аборигенов не проводятся, сенатский указ разрешал перечисление коренных жителей из одного разряда в другой проводить в любое время <sup>46</sup>. На основании указа в мае 1914 г. последовал циркуляр министерства внутренних дел на имя сибирских губернаторов, который предоставлял им право «перечислять инородцев из разряда в разряд помимо их на то согласия» <sup>47</sup>. Ответственность за проведение мероприятий возлагалась на крестьянских начальников и других представителей губернской администрации.

Административные мероприятия правительства и действия местного чиновничества были направлены на упразднение старой системы управления аборигенами, построенной на основе родового принципа, и замену ее новыми территориальными единицами, устроенными по русскому типу. Низшей территориальной единицей у аборигенов теперь, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединяющее «инородцев»-односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной единицей местного управления становилась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Однако и при создании новых административных единиц сохранение старого родового единства было явлением достаточно частым.

---

<sup>44</sup> ГАЧО, ф. 20, оп. 3, д. 35, л. 10—18.

<sup>45</sup> См.: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX— начале XX в. Иркутск, 1983, с. 123—131.

<sup>46</sup> ГАИО, ф. 32, оп. 6, д. 46, л. 8.

<sup>47</sup> Там же, л. 6.

## § 2. ВОПРОС О РЕФОРМЕ УПРАВЛЕНИЯ АБОРИГЕНАМИ В ПРОЕКТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Как уже отмечалось, вопрос о реформе всей системы управления сибирскими аборигенами на протяжении второй половины XIX в. неоднократно обсуждался в правительственных кругах и среди сибирского чиновничества. Эти обсуждения были связаны со стремлением самодержавия найти тот оптимальный вариант организации местного управления аборигенами, который позволил бы не теряя экономических выгод от их эксплуатации, усилить систему правительственного надзора за коренными жителями, и, по возможности, скорее русифицировать их. В целой серии правительственных мероприятий, направленных к достижению этих целей, выделяется принятое весной 1896 г. решение Государственного совета о необходимости упразднения поразрядной системы управления аборигенами<sup>48</sup>. Подтвержденное спустя два года это решение своим практическим следствием имело возложение на министерство внутренних дел, «которого ближе всего касался возбужденный вопрос»<sup>49</sup>, обязанностей по разработке законопроекта административной реформы. Составление этого законопроекта министр внутренних дел И. Л. Горемыкин поручил делопроизводителю земского отдела министерства И. И. Крафту. Законопроект должен был касаться вопросов управления аборигенами той части Сибири, на которых уже действовало «Временное положение о крестьянских начальниках» 1898 г.

Проект И. И. Крафта является документом, отразившим взгляды правительства на народы Сибири в конце XIX— начале XX столетий. К проекту прилагалась обширная «Записка о преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами», в которой автор попытался не только дать исторический очерк об организации управления народами Сибири, но и обосновать основные принципы нового законопроекта.

В начале записки Крафт указывает на усиление колонизации Сибири. Под влиянием русской колонизации и успехов миссионерской деятельности многие из обитающих в сибирских губерниях аборигенов изменили свой прежний пастушеский образ жизни, стали больше заниматься земледелием и постепенно перешли к оседлости<sup>50</sup>. Далее Крафт не без укоризны отмечает, что несмотря на эти важные социально-экономические изменения, управление аборигенами в Сибири по-прежнему основывается на дореформенных порядках<sup>51</sup>.

Высказав свою точку зрения и не забыв сослаться на «мнения» сибирского чиновничества, Крафт далее замечает: «...законы об инородцах настолько устарели, что задерживают естественный про-

<sup>48</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 32 об.

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Там же, л. 184.

<sup>51</sup> Там же, л. 184 об.

цесс» их обрусения и тем самым не обеспечивают интересов государства. Последнее обстоятельство, по мнению Крафта, объяснялось отнюдь не тяжестью податного обложения, а несовершенством способов распределения и взимания податей.

Недостатки управления оседлыми аборигенами Крафт видел в том, что сельская община и сельское управление не призваны к участию в общественных делах, а «вся тяжесть ведения последних возложена на волостные правления или управы, не могущие выполнять их правильно и успешно». Взыскание податей и повинностей, по мнению Крафта, не могло быть успешным, во-первых, потому, что селения аборигенов были разбросаны на огромные расстояния друг от друга, а, во-вторых, что сами управы не располагали точными данными для равномерного распределения податей и сборов между налогоплательщиками<sup>52</sup>.

Стремясь доказать необходимость новых преобразований, Крафт подчеркивает, что они вызываются и «надобностью согласовать действующие узаконения с изданными в последнее время» законами о крестьянских начальниках, поземельном устройстве и др.<sup>53</sup> В противном случае, указывает автор записки, действие устаревших и несоответствующих современным условиям форм управления аборигенами «не будет... способствовать проведению в жизнь благих начал, которые имелись в виду при издании означенных узаконений».

Высказавшись таким образом еще раз в поддержку идеи о необходимости преобразований, Крафт переходит далее к рассмотрению предложений сибирской губернской администрации. Рассуждения чиновника представляют особенный интерес, ибо высказаны не только с позиции исторической дистанции, но и в известной степени отражают официальный взгляд министерства внутренних дел на историю организации управления народами Сибири в недалеком еще прошлом. Крафт с сожалением отмечает, что предложения губернского чиновничества сводятся к «применению паллиативных (временных.— Л. Д.) мер, которые... не способны внести коренные улучшения в управление... организованное по закону 1822 г.»

Относительно реформы Сперанского Крафт замечает, что она отличалась «неполнотой еще в момент издания», а теперь совершенно устарела<sup>54</sup>. О предложениях Тобольского и Томского губернаторов о причислении аборигенов к русским волостям Крафт также высказался отрицательно. Осуществление этой идеи в широких масштабах, на чем и настаивала губернская администрация, могло, по убеждению Крафта, только увеличить «сумму неудобств управления инородцами, без всякой пользы для населения»<sup>55</sup>. Автор записки

<sup>52</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 184 об., 185.

<sup>53</sup> Там же, л. 186 об.

<sup>54</sup> Там же, л. 187.

<sup>55</sup> Там же.

категоричен в том мнении, что «опыт действия этих правил в течение нескольких десятков лет в Тобольской и Томской губерниях доказал совершенную их непригодность для управления оседлыми инородцами». Было бы поэтому ошибкой, указывает далее Крафт, вводить в Восточной Сибири те правила управления оседлыми аборигенами, которые оказались непригодными в западной ее части.

Предложение Иркутского генерал-губернатора Горемыкина о перечислении кочевых жителей в категорию оседлых, по мнению Крафта, лишь полумера, так как будет сопровождаться «введением у сибирских народов лишь упрощенного сельского управления на дореформенных началах»<sup>56</sup>.

Таким образом, Крафт приходит к заключению, что управление «инородцами в сибирских губерниях нуждается в радикальном изменении». Одновременно Крафт определяет и задачи реформы. Важнейшие из них сводились к следующему. Во-первых, в приближении управления аборигенами к системе управления русскими крестьянами и подчинении тех и других «ведению крестьянских начальников». Во-вторых, в создании «благоприятных» условий «для ускорения естественного процесса перехода кочевых инородцев к оседлости»<sup>57</sup>. В целом можно заключить, что исходные посылки автора записки полностью совпадали с официальными установками на предмет и сущность будущей реформы. Крафт считал за благо усиление системы правительственного надзора за деятельностью органов управления аборигенами и усиление темпов их русификации. Исходя из отмеченных целей и задач реформы, Крафт составил «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках». Эти правила, насчитывающие вместе с приложением более 100 параграфов, были наиболее полным правительственным законопроектом со времени принятия «Устава об управлении инородцев». Хотя в отличие от Устава, правила Крафта не получили силу закона, тем не менее их изучение и анализ позволяют определить цели и задачи правительственной политики в отношении коренного населения Сибири, выяснить ту роль, которую отводило самодержавие сибирским народам в социально-экономическом развитии региона в начале XX в.

Документ открывается введением, в котором указывалось, что «инородцы как кочевые, так и оседлые пользуются правами сельских обывателей». В приложении к ст. 1 подчеркивалось, что «звание почетных инородцев... которые службою или пожалованием не приобрели действительных чинов или прав высшего состояния, не пользуются никакими особыми преимуществами». Таким образом,

---

<sup>56</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 187 об.

<sup>57</sup> Там же, л. 188.

правила Крафта окончательно сводили на нет привилегии неслужилой родовой знати, поколебленные еще в 1822 г. Спустя 75 лет после принятия Устава М. М. Сперанского, министерство внутренних дел устами Крафта гораздо категоричнее заявило о необходимости опоры не на феодально-родовую знать, а на обуржуазившуюся верхушку «инородческого» общества. Подобная тенденция в правительственной политике не являлась простой данью времени. Это был закономерный сдвиг, обусловленный отмиранием феодальных и зарождением и развитием буржуазных социально-экономических отношений.

В отличие от М. М. Сперанского, взявшегося прежде всего за реформирование хозяйственной жизни аборигенов, Крафт начал с административного устройства. Подобный подход явился следствием убеждения как самого автора законопроекта, так и высших правительственных чиновников в том, что именно «неудобство управления» повлекло за собой «накопление... значительных податных недоимок»<sup>58</sup> и других негативных явлений, побудивших правительство взяться за разработку реформы.

Свою позицию в отношении административного устройства коренных жителей Крафт формулирует исходя из стремления подчинить аборигенов «ведению крестьянских установлений». Хотя в объяснительной записке к проекту Крафт называет и некоторые другие мотивы, однако, на практике желание «приблизить» систему местного управления народами Сибири к крестьянскому управлению берет верх. Прежде всего обращает на себя попытка упрочить бюрократические порядки и подчинить коренных жителей ведению крестьянских начальников, которым предоставлялись широкие полномочия «по надзору» за деятельностью органов управления аборигенами. Этому посвящена по сути дела вся первая глава проекта. Рассмотрим ее более подробно.

В административном отношении аборигены должны были находиться в ведении «главного губернского начальства, уездных властей и крестьянских начальников на одинаковых с прочими сельскими обывателями основаниях». Проект предусматривал ежегодные посещения губернатором или иными чиновниками селений и стойбищ аборигенов и «подробное вникание в их нужды».

Особое внимание законопроект отводил крестьянским начальникам. На обязанности последних возлагалось «попечение» об обеспечении аборигенов продовольствием, знакомство коренных жителей с русским языком и т. д. Важной обязанностью крестьянских начальников в отношении аборигенов являлось содействие развитию «правильной торговли». К подобным пожеланиям автор проекта

---

<sup>58</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 185 об.

обращается неоднократно. Однако в своих основных положениях эта часть документа полностью соответствовала духу и букве закона 1898 г. о крестьянских начальниках, лишь дополняя и конкретизируя его.

При разработке вопроса об общественном управлении народов Сибири Крафт попытался учесть различный уровень хозяйственного развития аборигенов, отделив общественное управление оседлых жителей от кочевых. Поселения оседлых жителей по аналогии с крестьянами предлагалось разделить на волости и сельские общества. Численность народонаселения в каждой из административных единиц предлагалось определить губернской администрации. У оседлых жителей сельское общество должно было состоять из одного или нескольких селений, имеющих совместное землепользование. Из нескольких сельских обществ предлагалось образовать волость. Автор нового проекта, в отличие от М. М. Сперанского, отрицал родовую организацию аборигенов, предлагая узаконить перечисление отдельных членов и целых сельских обществ из одной волости в другую.

У оседлых аборигенов лица общественного управления называются по аналогии с должностными лицами крестьянского самоуправления. «Волости заведываются волостными старшинами, а сельские общества — сельскими старостами». Время пребывания на должности выборного лица ограничивалось тремя годами. Согласно ст. 16 проекта, на должность волостного старшины или сельского старосты можно было избирать каждого инородца, «не подвергавшегося по суду взысканиям, превышающим семидневный арест, не находящегося под следствием и судом и имеющего от роду не менее 25 лет»<sup>59</sup>.

В тех волостях, в которых наряду с православными аборигенами проживали и язычники, предлагалось, кроме волостного старшины, избирать еще и «помощника его, причем волостной старшина должен быть из числа православных инородцев». Таким образом, предлагалось, хотя бы в косвенной форме, закрепить законодательно преимущество православных аборигенов над язычниками. Это была традиционная политика самодержавия, резко усилившаяся в период пребывания К. П. Победоносцева на посту обер-прокурора Синода.

Волостной старшина должен был выбираться на волостном сходе, который состоял из сельских старост и представителей от каждых 25 дворов аборигенов, избираемых на сельских сходах. Эти представители назывались выборные. Для их избрания на сельском сходе должно было присутствовать не менее половины домохозяев, окончательное решение принималось большинством голосов. Относительно волостного схода в проекте говорилось, что его решение может быть действительным только в тех случаях, если на нем, кроме

<sup>59</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 190.

сельских старост, присутствовало не менее двух третей всех выборов.

Однако предоставление слишком большой самостоятельности «инородцам» казалось Крафту опасным. Поэтому согласно проекту крестьянские начальники должны были полностью контролировать работу сельских и волостных сходов. Они определяли их место и время проведения, утверждали повестку дня, принимали решение о рекомендации к избранию на должности тех или иных лиц. Говоря иными словами, по проекту Крафта, крестьянский начальник становился полным хозяином в «инородческой» волости.

Сельские старосты подлежали избранию на сельских сходах простым большинством голосов с последующим обязательным утверждением в должности крестьянским начальником. Функции волостного старшины носили в основном административно-полицейский характер<sup>60</sup>. Он контролировал деятельность сельских старост, вел посемейные списки аборигенов, осуществлял наблюдение за поступлением податных сборов и исполнением натуральных повинностей.

Статья 31 проекта определяла круг обязанностей сельского старосты. На него возлагались: созыв сельских сходов, обязательное на них присутствие без права вмешательства в ход выборов, сбор податей и повинностей и др. За «усердную службу» предусматривалось награждение должностных лиц инородческого управления традиционными почетными кафтанами и деньгами.

Следующий раздел проекта Крафта посвящается управлению кочевых аборигенов. Оно во многих случаях строилось по аналогии с оседлыми жителями. «Кочевое население разделяется на волости, а сии последние на улусы... состоящие из групп, связанных между собою общностью земельного пользования на зимниках, весенниках и летниках» (ст. 33). Народнонаселение волостей кочевых жителей, как и у оседлых, определялось общим присутствием губернского управления (ст. 34). Группу улусов, имеющих совместное пользование земель, предлагалось назвать отдельным обществом<sup>61</sup>. В соответствии со ст. 36 во главе волости должен был находиться волостной старшина (голова), а во главе отдельного общества — улусный. У кочевых жителей, как и у оседлых, избрание волостного старшины должно было проходить на съезде. Однако система выборов, по сравнению с оседлыми аборигенами, была несколько проще. Проект ничего не говорит о выборных от улусных, т. е. сельских обществ. Избрание волостного старшины у кочевников проводилось на волостном съезде при обязательном присутствии крестьянского начальника простым большинством голосов. Участниками съезда являлись только улусные (сельские) старосты. Подобное отличие

<sup>60</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 190, 191.

<sup>61</sup> Там же, л. 191.

состава волостных съездов кочевых жителей от оседлых объясняется прежде всего хозяйственно-бытовыми особенностями жизни кочевников, улусы которых были нередко разбросаны на десятки, а то и сотни верст друг от друга. Поэтому участие выборных от улусных обществ в работе волостных съездов представлялось Крафту весьма сомнительным.

Как и у оседлых жителей, у кочевников волостной старшина утверждался в должности уездным съездом крестьянских начальников. Крафт подчеркивал, что уездный съезд мог не утвердить в должности избранное лицо и назначить новые выборы. Он даже предлагал предоставить съездам крестьянских начальников право без всякого согласия улусников назначать на выборные должности «известных администрации лиц» (ст. 40). В данном случае речь шла о прямом насилии волеизлияния аборигенов. Круг прав и обязанностей волостного старшины у кочевников в принципе не отличался от аналогичных должностей у оседлых жителей. Служба старост, как представителей «интересов общества» и вместе с тем старшего лица в обществе, считалась почетной. Они не получали жалования, но обществу «в уважение заслуг их» разрешалось предоставлять старостам «различные льготы по отбыванию податей и повинностей и давать преимущества при распределении земельных и сенных угодий»<sup>62</sup>. Статья 46 проекта определяла круг должностных обязанностей улусного старосты. Он должен был созывать общественные сходы, участвовать в работе волостных съездов. Важной обязанностью старосты был сбор с подведомственного населения податей и повинностей.

Должностные лица кочевых жителей, как и у оседлых, наделялись административными функциями. «За нарушение общественной тишины и порядка» они имели право арестовывать подведомственных им улусников на срок до 7 дней, либо облагать их штрафом размером до 10 руб.

Проект правил об управлении аборигенами не мог обойти вопрос и об организации судопроизводства. Еще в 1896 г. министр юстиции Н. В. Муравьев признал, что судопроизводство в Сибири находится в неудовлетворительном и безотрадном состоянии<sup>63</sup>. В том же году Государственный совет, принимая закон о «Применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири», признал необходимым «подвергнуть инородческий суд коренному пересмотру». Понятно поэтому, что приступая к разработке проекта, Крафт прежде всего должен был задаться вопросом о том, в чем же были причины отсутствия порядка в «инородческом» судопроизводстве — в «личном составе», или «недостатке узаконений» или в чем-либо еще. Зная мнение на этот счет министра юстиции, предусмотрительный чиновник высказался в пользу второго предположения. В своей «Записке»

<sup>62</sup> ЦГИА. ф. 1291. оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 191 об.

<sup>63</sup> Там же, л. 192.

Крафт указывает, что задача реформы инородческого судопроизводства заключается в том, чтобы привести его в соответствие с судебными уставами 1864 г.<sup>64</sup> Судебная реформа Александра II была распространена на Сибирь со значительными ограничениями<sup>65</sup>; «инородческого» судопроизводства она вообще не коснулась. Не случайно поэтому Крафт посвятил разработке этого вопроса специальный раздел своего проекта.

Свою позицию в отношении судебного устройства аборигенов Крафт формулирует, исходя из признания некоторых особенностей хозяйственного развития оседлых и кочевых жителей. Попытка дифференцированного подхода проявилась даже во внешней форме. Так, например, если у оседлых аборигенов суд назывался волостным, то у кочевников — «народным». К основному проекту прилагались специальные «Временные правила о народном суде...», подробно регламентирующие судопроизводство у кочевых жителей.

Волостной суд у оседлых аборигенов создавался «для разбора дел маловажных». Введение его, как и всего законопроекта, предполагалось в местностях, где действовало «Временное положение о крестьянских начальниках». Волостной суд следовало избирать на волостном сходе по одному судье от каждого сельского общества.

На должность волостного судьи Крафт предлагал избирать любого «инородца», пользующегося «уважением в населении» и имеющего не менее 40 лет от роду. Установление высокого возрастного ценза автор объяснял тем, что, по его мнению, волостной судья должен был обладать большим жизненным опытом.

В ряде же случаев проект отходил от этого принципа. Статья 31 разрешала избрание на должность волостного судьи лиц и более молодых, начиная с 25-летнего возраста, но получивших образование в русских учебных заведениях. Разбор дел в волостных судах должен был проводиться гласно и публично при обязательном присутствии волостного старшины для «наблюдения за порядком», но без права вмешательства в ход судебного разбирательства<sup>66</sup>.

Как уже указывалось, у кочевых жителей предполагалось образовывать так называемый «народный суд». Хотя ст. 58 указывала, что его юрисдикции подлежат «все возникающие между ними (кочевыми. — Л. Д.) уголовные и гражданские дела», тем не менее из ведения народного суда изымались дела о преступлениях против русской церкви и податной системы, порядка управления и т. д. Особо подчеркивалось, что из компетенции народного суда изымались дела, связанные с «составлением злонамеренных шаек», укрывательством беглых и преступлением против собственности<sup>67</sup>. Таким

<sup>64</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 184 об.

<sup>65</sup> Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1963, с. 254.

<sup>66</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 192 об.

<sup>67</sup> Там же, л. 193.

образом, за небольшим исключением, народному суду могли быть подсудны только дела, связанные с рассмотрением внутриведомственных вопросов.

Народные судьи должны были избираться на волостном съезде в присутствии крестьянского начальника из лиц, имеющих не менее 35 лет от роду. Народный суд имел право приговаривать к «личному задержанию», т. е. аресту на срок до 1,5 года или денежному штрафу, не превышающему 60 руб. В случае несостоятельности подсудимого денежное взыскание следовало заменять арестом. За исполнение обязанностей народные судьи денежного вознаграждения не получали.

«Временные правила» Крафта предусматривали также организацию посреднического суда для рассмотрения дел между жителями различных волостей. В качестве посредника разрешалось выступать как должностным, так и не служилым лицам, за исключением башкир, татар, евреев и служителей «инородческих» культов. Решение посреднического суда считалось окончательным и обжалованию не подлежало.

Наряду с посредническим судом «временные правила» предусматривали организацию волостных съездов народных судей, юрисдикции которых должны были подлежать дела по преступлениям и проступкам, совершенным в пределах волости, а также некоторые исковые дела. Крафт, по существу, отказался рассматривать эту проблему у оседлых жителей, указав лишь, что «поземельное их устройство определяется особым положением»<sup>68</sup>. Очевидно, Крафт считал излишними подробные на этот счет рассуждения.

Относительно поземельного устройства кочевников Крафт позволил себе обстоятельные высказывания, не выходящие, правда, за пределы официального правительственного курса.

Прежде всего Крафт отмечал, что кочевые аборигены, получившие поземельное устройство, «пользуются оставленными в их владении землями по существующим в каждой области обыкновениям». Земельные угодья кочевников автор проекта делил на традиционные зимники, весенники и летники. Они характеризовались как состоящие в бессрочном общественном владении. В соответствии с проектом земельные споры внутри общин должны были рассматриваться старостами, а споры между различными общинами — на волостном съезде. Крестьянским начальникам в соответствии со ст. 66 предполагалось поручить рассмотрение поземельных споров между волостями кочевников<sup>69</sup>.

Проект Крафта предоставлял обществам кочевников право до поземельного устройства сдавать свободные земли в аренду русским крестьянам для устройства фабрик, заводов, горного промысла и

<sup>68</sup> ЦГИА. ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 195-195 об.

<sup>69</sup> Там же, л. 193 об.

т. д. Однако это предложение не явилось чем-то оригинальным. С его помощью Крафт пытался санкционировать лишь то, что давно сложилось на практике<sup>70</sup>. Ряд статей проекта были направлены на то, чтобы поощрить переход кочевников к оседлости. Например, ст. 69 предоставляла каждому кочевнику право на отведенном ему обществом участке возводить дома, мельницы и другие сельскохозяйственные постройки. Аборигенам разрешалось заниматься огородничеством и садоводством. Земельные наделы, на которых находились строения и насаждения, не должны были подлежать переделам «по усмотрению обществ». Они переходили по наследству к потомкам владельца, но без права продажи и могли отчуждаться посторонним лицам лишь на снос.

Оговорка эта весьма существенна. Она свидетельствует о том, что Крафт рассматривал аборигенов не как собственников или владельцев земли, а лишь как ее держателей. Это находилось в полном соответствии с аграрным законодательством царизма в Сибири конца XIX в. и полностью отвечало интересам полукрепостнического дворянского государства. Проект, правда, разрешал кочевым жителям, перешедшим к оседлости, «для довольствия своих стад» пользоваться землями, находящимися в общественном владении. Однако право аборигенов на отграничение земельных наделов в постоянное пользование ограничивалось только территорией «своей» общины или согласием 40 душ мужского пола перейти к оседлости<sup>71</sup>.

В области поземельного устройства народов Крафт смог предложить очень мало нового. Отдельные положения проекта, имевшие целью ускорить переход кочевников к оседлости, не выходили за рамки аграрной политики царизма и не могли изменить ее антинародной направленности.

Наиболее характерным видом податного обложения сибирских аборигенов в XIX столетии был ясачный сбор, являющийся собственностью коронной фамилии и исчислявшийся примерно в 200 тыс. руб. серебром в год<sup>72</sup>. Крафт воздержался от каких-либо высказываний на этот счет, имея, очевидно, в виду закон 19 января 1898 г., в соответствии с которым все податные сборы, уплачиваемые аборигенами, подлежали замене оброчной за землю податью<sup>73</sup>. Если бы Крафт находил этот закон вредным для сибирских аборигенов, то мог бы сформулировать собственные предложения. Однако подобные рассуждения казались автору проекта совершенно неуместными, тем более что и цель проекта, по словам самого Крафта, заключалась в том, чтобы подчинить коренное население ведению крестьянских учреждений. Исходя из этого, Крафт считал возможным ограничить-

<sup>70</sup> ЦГАОР, ф. 815, оп. 1, д. 34, л. 1 об.

<sup>71</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 194.

<sup>72</sup> ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1852 г., д. 135, л. 51—52.

<sup>73</sup> ПСЗ-З, т. 18, отд. 1, № 14908.

ся лишь напоминанием о способах и сроках податных сборов. Единственным отличием проекта от законодательства 80—90-х гг. являлось предоставление податных льгот аборигенам, перешедшим к оседлости. «Кочующие инородцы при переходе к оседлому образу жизни пользуются льготой от платежа податей и земских повинностей в течение 3-х лет со времени устройства оседлости», — говорилось в проекте.

Итак, рассмотренный проект правил об управлении аборигенами отразил общий взгляд правительства на народы Сибири, их место и роль в составе Российской империи конца XIX — начала XX в. Проект не выходил за рамки царского законодательства конца 90-х гг., он лишь конкретизировал и в некоторых случаях дополнял его. В перспективе автор проекта не возражал видеть народы Сибири совершенно обруселыми. Не случайно он с такой яростью обрушился на «Устав об управлении инородцев» 1822 г., который, по его мнению, задерживал «естественный процесс обрусения инородцев»<sup>74</sup>. Подобный взгляд на задачи будущей реформы находился в неразрывной связи с тем великодержавным шовинизмом, который был столь характерен для внутренней политики царизма конца XIX — начала XX в.

Проект реформы имел целью упрочить бюрократические порядки у коренного населения, передать власть из рук родоначальников в руки крестьянских начальников и обуржуазившейся части улусников. Введение волостного управления у народов Сибири способствовало ослаблению патриархально-родовых отношений, ограничивало политическую деятельность нойонов и способствовало сближению русского и коренных народов, что объективно имело прогрессивное значение.

Одним из объектов критики сословных привилегий сибирских аборигенов, раздававшейся из лагеря сторонников русификаторской политики, было освобождение аборигенов от несения воинской повинности. Между тем в проектах преобразования управления аборигенами в качестве одного из основных средств обрусительной политики называлось распространение на них воинской повинности. Оценивая значение этой меры, иркутский генерал-губернатор Селиванов заявил в 1910 г. начальнику управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольскому, что «проведение инородцев через наши войска — могучее средство их русификации»<sup>75</sup>.

Критики существующего положения и авторы предложений о привлечении аборигенов к воинской повинности исходили из следующего тезиса: предоставление аборигенам льгот по отбыванию воинской повинности подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении русский человек, от-

<sup>74</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, 1896 г., л. 184 об.

<sup>75</sup> Там же. ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 53.

бывающий воинскую повинность, никакого расового преимущества перед аборигенами не ощущает. Критикуя министерскую политику в отношении народов Сибири, сторонники решительной русификации утверждали, что правительство только и думает о том, как бы умножить льготы «инородцев». Подобные действия властей приводили к тому, что у «инородцев» нарушалось, а зачастую даже утрачивалось представление о мощи великой России. Надо было положить конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс по отношению к ним «...держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках»<sup>76</sup>. Примером подобных воззрений являются высказывания иркутского генерал-губернатора Селиванова относительно коренного населения Якутской области. По его мнению, отношение властей к местным аборигенам было лишено не только «твердости», но даже и «национального (читай великорусского.— Л. Д) направления». Эти ошибки в политике, с горечью констатировал Селиванов, привели к поистине печальным последствиям. В области «русские объекутились видимо»<sup>77</sup>. Характеризуя именно такие и подобные им шовинистические рассуждения и действия, В. И. Ленин писал, что царская Россия была построена на угнетении одних народов другими, а самодержавие на практике делало все для взаимоотчуждения народов<sup>78</sup>.

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует отметить, что царское правительство, не возражавшее в перспективе видеть народы Сибири совершенно обрусевшими, в данном конкретном вопросе при обсуждении практических мероприятий проявляло некоторую сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать прежде всего в факторах внутривполитического порядка. На это откровенно указал в 1910 г. начальник генерального штаба Е. А. Генгрос в письме С. А. Куколю-Яснопольскому: «Исторический опыт показал, что создание туземных инородческих войск всегда имело в конечном итоге один результат, именно необходимость их расформировывать как только на данной окраине обострялось национальное самосознание»<sup>79</sup>.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к отбыванию воинской повинности возникли в связи с введением устава о воинской повинности 1 января 1874 г.<sup>80</sup>, провозгласившего защиту престола и отечества священной обязанностью каждого русского подданного<sup>81</sup>. Уже в следующем году Иркутский гражданский губер-

<sup>76</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 52 об.

<sup>77</sup> Там же, л. 53.

<sup>78</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 175.

<sup>79</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 15.

<sup>80</sup> ЦГВИА, ф. 1468, оп. 1, д. 88, л. 2.

<sup>81</sup> ПСЗ-3, т. 29, отд. 1, № 52983.

натор К. Н. Шалашников в отчете в министерство внутренних дел, сообщая о своей деятельности, писал, что внес этот вопрос на рассмотрение штаба Восточно-Сибирского военного округа<sup>82</sup>. Подобные же предложения спустя два года от имени генерал-губернатора Восточной Сибири барона Фридерикса были доставлены военному министру<sup>83</sup>. В соответствии с указом Александра II военное министерство в это время занималось разработкой особых положений об отбывании воинской повинности инородческим населением всей империи<sup>84</sup>. Однако военный министр Д. А. Милютин в 1880 г. на докладе о привлечении «инородцев» к воинской повинности наложил следующую резолюцию: «Полагаю совсем отложить на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к отбыванию воинской повинности»<sup>85</sup>. Генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин в 1883 г. считал, что лучшим мерилom гражданского развития и пригодности аборигенов края к воинской службе является уровень развития у них оседлости. Исходя из этого, он предлагал отказаться от привлечения аборигенов к несению воинской службы и «спокойно выжидать перехода их к оседлости и обрусению», что, по его мнению, могло произойти лет через 50<sup>86</sup>.

Таким образом, представители царской администрации высказали две противоположные точки зрения на предмет возможности и целесообразности привлечения сибирских аборигенов к отбыванию воинской повинности. Несмотря на то, что в начале 80-х гг. этот вопрос был решен отрицательно, правительство всегда подчеркивало «принципиальную важность участия инородцев в воинской службе, как одной из главных государственных повинностей, имеющих значение объединяющего в политическом смысле и цивилизующего начала»<sup>87</sup>. Не случайно в 1887 г. на ходатайстве Приамурского генерал-губернатора Л. Н. Корфа о привлечении аборигенов к воинской службе Александр III наложил резолюцию: «Это желательно».

В 1896 г. после рассмотрения этого вопроса в штабах Иркутского и Омского военных округов царским правительством была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, основной задачей которой была разработка положений о привлечении аборигенов Сибири к отбыванию воинской повинности. В состав комиссии вошли ответственные чиновники министерств внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов<sup>88</sup>. Думается, что совпадение времени работы

<sup>82</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 69, д. 310, л. 6 об.

<sup>83</sup> Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 4044, л. 194 об.

<sup>84</sup> Там же, л. 196.

<sup>85</sup> ЦГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 203.

<sup>86</sup> Там же, ф. 1468, оп. 1, д. 88, л. 5.

<sup>87</sup> ЦГВИА, ф. 1468, оп. 1, д. 88, л. 5.

<sup>88</sup> Там же, л. 221, л. 6.

этой комиссии с изданием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является не случайным.

Комиссия Обручева попыталась дифференцировать народы Сибири по уровню хозяйственной деятельности и степени оседлости. В соответствии с этим принципом признавалось возможным привлечь к отбыванию воинской повинности на общем основании только оседлых и кочевых аборигенов Тобольской и Томской губерний<sup>89</sup>. Коренных жителей Восточной Сибири к несению воинской службы предлагалось привлекать на основании специально изданных правил<sup>90</sup>.

Военный министр А. Н. Куропаткин, докладывая в январе 1902 г. Николаю II о результатах работы комиссии Обручева, высказался против реализации ее предложений. Он считал порочным сам принцип дифференцированного привлечения сибирских аборигенов к воинской службе. Куропаткин заявлял о необходимости привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых коренных жителей как Западной, так и Восточной Сибири и Забайкалья. Конкретную разработку соответствующих предложений, по мнению военного министра, следовало поручить министерству внутренних дел как ведомству, наиболее осведомленному об истинном положении народов Сибири. Идея понравилась Николаю II и предложения военного министра были утверждены<sup>91</sup>.

Начавшаяся вскоре русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905—1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вернулось к нему лишь осенью 1909 г. в связи с созданием специальной межведомственной комиссии по пересмотру устава о военной службе<sup>92</sup>. К этому времени в правящих кругах России крепло мнение о нежелательности формирования из «инородцев» особых воинских подразделений, с одной стороны, и необходимости привлечения их к отбыванию воинской повинности — с другой. Следует отметить, что при обсуждении этого вопроса в Государственной думе, депутаты высказались за введение натуральной воинской повинности для аборигенов<sup>93</sup>.

Для вынесения окончательного суждения летом 1910 г. в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П. А. Столыпин потребовал от них предоставить этому чиновнику «все средства и возможности» для исполнения важного поручения. Во всех распоряжениях по данному вопросу местной администрации предписывалось соблюдать осторожность и строгую тайну. Необходимость такой предосторожности П. А. Сто-

<sup>89</sup> ЦГВИА, ф. 1468, оп. 1, д. 215, л. 5—6.

<sup>90</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 30.

<sup>91</sup> Там же.

<sup>92</sup> Там же.

<sup>93</sup> Там же, л. 1.

лыпин объяснял опасением «вызвать... тревогу инородцев»<sup>94</sup> и без того недовольных насаждением аграрных, административных и податных преобразований.

Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири представляют несомненный интерес для характеристики взглядов центральной и местной администрации не только на предмет привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, но и по ряду других важных направлений правительственного курса в отношении этих народов: землеустройству, административной реформе, русификаторской политике. Как сам Столыпин, так и командированный им чиновник хорошо понимали, что интересующий их вопрос не только по времени, но и самой своей сутью связан с проводимыми у народов Сибири преобразованиями. Для правительства не являлось секретом негативное отношение коренного населения к проводимым реформам. П. А. Столыпин понимал, что привлечение аборигенов к отбыванию воинской службы явилось бы по существу ликвидацией последней грани, отличающей сословие «инородцев» от крестьян и на практике означало бы их фактическое слияние. Поэтому Столыпина не мог не волновать вопрос о том, как поведут себя аборигены края в случае привлечения их к отбыванию воинской повинности, насколько будут активны и серьезны их проявления протеста. Подобные опасения подтверждают «вопросы для беседы», разработанные Куколь-Яснопольским. Всего было разработано 20 вопросов, военным сюжетам было посвящено 7, остальные носили политический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное «возбуждение и неудовольствие» аборигенов предлагаемыми ко введению мерами, формы и сроки его проявления. К числу важнейших Куколь-Яснопольский отнес вопрос о потенциальном поведении «инородческого» войска в период внутренних потрясений и кризисов<sup>95</sup>.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по расписанному сценарию. В Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Чите были проведены конфиденциальные совещания, на которых обсуждались конкретные вопросы привлечения к отбыванию воинской повинности аборигенов данной губернии, области. Круг участников совещаний был стереотипным — это губернаторы, неменные члены по крестьянским делам, крестьянские начальники, чиновники переселенческих управлений. Кроме того, по совету губернатора Забайкальской области Косова, в Чите Куколь-Яснопольский беседовал с наиболее «влиятельными» бурятами трех инородческих ведомств. Интересно заключение чиновника об этой встрече, сделанное при составлении итогового отчета в министерство: «Все три... бурята

<sup>94</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 1.

<sup>95</sup> Там же, л. 46—46 об.

нанизывали как выученный урок доводы в пользу отсрочки введения воинской повинности у бурят лет на 10—15»<sup>96</sup>.

Что же касается отношения губернской администрации к привлечению аборигенов к воинской повинности, то оно было неодинаковым. Думается, что различие подходов местного чиновничества к этой проблеме объясняется отношением коренного населения губерний к землеустройству и другим преобразованиям, проходившим в этот период. На наличие этой связи совершенно определенно указал томский вице-губернатор И. В. Штивен. Коренные жители губернии, по его мнению, были сильно возбуждены проводимыми у них преобразованиями. В целях спокойного завершения этих сложных реформ Штивен рекомендовал «не обострять еще более... возбуждение инородцев и отложить введение у них воинской повинности». Мнение вице-губернатора разделяли и участники конфиденциального совещания, которые опасались что «это неизбежное при введении означенной повинности (воинской.— Л. Д.) волнение среди инородцев перейдет в открытое сопротивление»<sup>97</sup>.

Участники совещания констатировали, что административные преобразования у аборигенов проводятся принудительно. Поэтому в качестве выхода из создавшегося положения предлагалось вместо воинской повинности ввести воинский налог, который аборигены будут платить «весьма охотно»<sup>98</sup>.

Подобные же предложения были высказаны и в Енисейской губернии. Предлагалось отложить введение воинской повинности до окончания землеустройства и административных реформ, а вместо новой повинности взимать воинский налог<sup>99</sup>. В любом случае безусловному освобождению от воинской повинности подлежали аборигены Енисейского уезда и Туруханского края «вследствие их низкого развития и крайней бедности»<sup>100</sup>.

Иное решение было принято на совещании в Иркутске. Участники обсуждения, проходившего под председательством генерал-губернатора Селиванова, правда, отметили, что отношение бурят к воинской повинности является по существу отрицательным. Тем не менее они полагали, что легче «взять человека, чем деньги, так как у большинства бурят денег нет», и введение воинского налога «поведет лишь к новой кабале инородческой массы богачами»<sup>101</sup>.

Администрация Забайкальской области считала возможным привлечение коренных жителей края к отбыванию воинской повинности. В то же время в целях «сохранения лояльности бурят» предлагалось

<sup>96</sup> ЦГИА, ф. 1292; оп. 1, д. 1336, л. 56 об.

<sup>97</sup> Там же, л. 129 об.—130.

<sup>98</sup> Там же, л. 135.

<sup>99</sup> Там же, л. 148.

<sup>100</sup> Там же, л. 1487.

<sup>101</sup> Там же, л. 198.

«не усиливать напряженность в действиях миссионеров и не стеснять религиозных воззрений инородцев»<sup>102</sup>.

В целом администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутриполитические интересы, связанные прежде всего с дальнейшей русификацией аборигенов.

Таковы были основные итоги поездки Куколь-Яснопольского по Сибири. Анализируя их, необходимо отметить следующее. Несмотря на стремление центральной администрации ускорить решение вопроса о возможности привлечения сибирских аборигенов к воинской повинности, сам Куколь-Яснопольский полагал, что даже при самых благоприятных условиях новый закон о воинской повинности не может быть принят ранее 1912 г.<sup>103</sup> Однако он ошибся. В силу царившей в царском делопроизводстве бюрократии рассмотрение этого вопроса затянулось. Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири поступили в военное министерство, а оттуда были переданы в созданную при Главном управлении Генерального штаба комиссию по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. при слушании этого вопроса в Комитете министров было решено привлечь коренное население Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности: «...по обстоятельствам времени и условиям их быта предоставляется возможным»<sup>104</sup>.

В августе 1914 г. началась первая мировая война. Вслед за этим последовало «высочайше утвержденное» положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это положение распространялось на лиц с 19 лет до 31 года. Положение о реквизиции предписывало всем должностным лицам «инородческого» управления, крестьянским начальникам, исправникам и станovým приставам «убедительно разъяснять, что инородцы, доныне не несущие тягостей настоящей войны, теперь государем императором призываются на остальное время войны для нужных армии тыловых работ за плату с продовольствием от казны». Для лиц старших призывных возрастов предписывалось составить поименные списки. Обеспокоенное положением дел на фронтах царское правительство подчеркивало «крайнюю необходимость скорейшего получения весьма значительного количества рабочих» в кратчайший срок.

В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Якутске, Олекминске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились тысячи

<sup>102</sup> ЦГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1336, л. 211.

<sup>103</sup> Там же, л. 206.

<sup>104</sup> Там же, л. 434 об.

людей. Между тем сборные пункты были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. В июле 1916 г. начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Наперстков доносил в штаб Иркутского военного округа, что на сборных пунктах «ни помещений, ни котлов для кухонь не имеется и нет муки и других продуктов»<sup>105</sup>. Местная администрация даже не представляла, где взять необходимое количество обуви и одежды для того, чтобы одеть и обуть «являющихся босыми и неодетыми» аборигенов. К этому следует добавить, что царские чиновники и кулацкая верхушка «инородческого» общества попытались в первую очередь направить в армию детей бедняков. Последние являлись на сборные пункты без всякого запаса продуктов. Понятно поэтому, что многие аборигены на сборных пунктах влачили буквально полуголодное существование.

В июле 1916 г. начальник Главного штаба извещал штабы сибирских военных округов о невозможности в настоящее время привезти в район действующей армии «всю призываемую инородческую массу рабочих». Во избежание продолжительного «бездельного пребывания» аборигенов на сборных пунктах местным воинским начальникам предписывалось впредь согласовывать начало призыва с окружными штабами. При этом вновь подчеркивалась «крайняя важность и спешность» выполнения задачи по мобилизации аборигенов на тыловые работы.

К этому времени на сборных пунктах Восточной Сибири находилось около 10 тыс. аборигенов. Однако на фронт они так и не прибыли. Сознывая полную невозможность перевезти эту массу людей в район действующей армии и не имея возможности содержать их на сборных пунктах, Николай II в виде «особой милости» перенес мобилизацию аборигенов на середину сентября<sup>106</sup>. Скопившееся на сборных пунктах население предписывалось распустить по домам. Таково было подлинное отношение царского правительства к войне.

Мобилизация коренного населения Сибири на тыловые работы началась осенью 1916 г. Поначалу аборигены направлялись для работы на предприятиях, расположенных в районе Сибирского заводского совещания. Большая часть из них так или иначе была связана с выпуском военной продукции. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, завод Балакшина в Кургане, Судженские и Кузнецкие каменноугольные копи, управление Томской железной дороги. Всего осенью 1916 г. на предприятия было направлено около 2 тыс. аборигенов<sup>107</sup>.

<sup>105</sup> ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 303, л. 30.

<sup>106</sup> Там же, л. 145, 197—198.

<sup>107</sup> Там же, д. 320, л. 9.

В конце 1916— начале следующего 1917 г. география размещения мобилизованных коренных жителей значительно расширилась. Особенно много аборигенов направлялось в Архангельск для работ на предприятиях Беломорского водного района. Так, например, туда было откомандировано 10 человек — жителей Бильчирской волости Балаганского уезда Иркутской губернии <sup>108</sup>, туда же направлялись и жители ряда волостей Верхнеленского уезда и других районов <sup>109</sup>. Всего с июля 1916 по январь 1917 гг. на тыловые работы было мобилизовано около 21 тыс. коренных жителей Сибири.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Донесения местных воинских и гражданских чиновников буквально пестрят сообщениями о болезнях и побегах аборигенов. Лучшим свидетельством этого является отправленное в начале 1917 г. по инстанциям донесение начальника штаба Иркутского военного округа о том, что «инородцы, призванные на тыловые работы, массами перебегают из одних предприятий в предприятия, находящиеся вблизи их домов» <sup>110</sup>.

Мобилизация аборигенов на тыловые работы продолжалась и после свержения самодержавия в феврале 1917 г. Это порождало массовое недовольство трудового населения. Весной 1917 г. началось упразднение сборных пунктов. Одним из первых в середине апреля по решению Верхнеудинского исполнительного комитета общественных организаций был упразднен местный сборный пункт, а коренное население распущено по домам <sup>111</sup>. В конечном итоге временное правительство было вынуждено издать специальный указ о приостановлении мобилизации аборигенов на тыловые работы. Однако данный указ не отменял, а лишь приостанавливал мобилизацию. Временное правительство, выражая интересы заинтересованной в войне буржуазии подчеркивало, что «дальнейшее использование инородческого труда для нужд войны будет установлено... в соответствии с новым началом государственного строя» <sup>112</sup>. В итоге отметим, что неосуществленные или частично осуществленные проекты центральной администрации по реорганизации управления народами Сибири, появившиеся на грани XIX—XX в., преследовали цель окончательного подчинения как местного управления, так и органов самоуправления аборигенами царской администрации. Эти проекты показывают отношение самодержавия к проблемам русификации народов Сибири. Неосуществленные под давлением различных внутри- и внешнеполитических обстоятельств, они тем не менее являются необходимым и, думается, важным дополнением

<sup>108</sup> ЦГИА, ф. 1468, оп. 2, д. 320, л. 26.

<sup>109</sup> Там же, л. 36.

<sup>110</sup> Там же, л. 362.

<sup>111</sup> Там же, л. 332.

<sup>112</sup> Там же, л. 341.

осуществляемых самодержавием мероприятий, нашедших отражение в системе нормативных актов и практической деятельности правительства по их осуществлению. Изучение и анализ комплекса осуществленных и предполагаемых ко введению мероприятий позволяет судить об основных направлениях правительственной политики в отношении коренного населения Сибири в целом.

### **§ 3. ПРОЕКТЫ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ**

Трудности управления Сибирью, недовольство местного населения деятельностью представителей царской администрации порождали неоднократные попытки преобразований местного аппарата управления. В то же время чиновники высшей сибирской бюрократии — генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы — ссылаясь на различные «местные обстоятельства», пытались зачастую играть более активную роль в выработке основных направлений правительственного курса в крае по сравнению со своими коллегами из Европейской России. Эта особенность политической деятельности сибирской администрации наглядно проявилась в обсуждении проектов реформы управления коренными народами края.

В конце 1899 г. сибирская администрация, выполняя указания министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, приступила к обсуждению проекта Крафта и разработке собственных предложений преобразования местного управления коренным населением региона. Мы располагаем проектами и заключениями администрации всех сибирских губерний, на которые распространялся закон 1898 г. о крестьянских начальниках. На аборигенов указанных административно-территориальных областей предполагалось распространить будущую реформу. Указанные материалы в дополнении с частными свидетельствами сибирского чиновничества и некоторыми другими документами являются важным источником не только для суждения о взглядах местной администрации на цели и задачи будущей реформы, но прежде всего для характеристики подхода сибирских властей к проблемам прогнозирования исторических судеб коренного населения региона на новом этапе социально-экономического развития, когда капитализм развился в свою высшую стадию — империализм, явившийся, по определению В. И. Ленина, «умирающим капитализмом»<sup>113</sup>, ту стадию, на которой созрели «уже объективные условия крушения капитализма»<sup>114</sup>.

Первые шаги по разработке реформы на местах были сделаны в Восточной Сибири. Осенью 1899 г. енисейский губернатор

<sup>113</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 163.

<sup>114</sup> Там же, т. 26, с. 119.

М. А. Плещ «для обсуждения столь важной задачи» созвал особое совещание. В работе совещания участвовали прокурор окружного суда Д. В. Малинин, управляющий государственными имуществами А. Ф. Духович, управляющий казенной палатой В. В. Юрборский, неперемный член по крестьянским делам Д. В. Радзевич, старший чиновник по составлению отводных записей В. Ю. Григорьев. Кроме того, для обсуждения законопроекта были приглашены чиновники, «близко знакомые с условиями инородческого быта»: крестьянские начальники П. А. Львов, М. Д. Россовский и др.

Участники совещания рассмотрели сведения об инородцах, представленные крестьянскими начальниками, заключение Ачинского и Канского съездов крестьянских начальников о проектах реформы, «мнение» Д. В. Малинина о инородческом суде и другие материалы. Перечень документов, представленных для обсуждения участников совещания, и сроки работы наводят на серьезные сомнения в стремлении губернского чиновничества вникнуть в суть обсуждаемого вопроса. Если к этому добавить, что участники обсуждения проекта реформы не получили никаких материалов из Минусинского уезда, где «главным образом сосредоточено кочевое инородческое население», но тем не менее решили «приступить к исполнению возложенных на них задач», то станет ясно, что енисейское чиновничество подошло к составлению проекта реформы формально. Основное внимание было направлено на то, чтобы выполнить указание Горемыкина «о скорейшем предоставлении проекта»<sup>115</sup>. К концу года проект Енисейского губернского правления под названием «Положение о сибирских инородцах» был представлен иркутскому генерал-губернатору.

Приступая к работе, участники совещания прежде всего констатировали необходимость реформы. Со времени принятия устава М. М. Сперанского, отмечали чиновники, значительная часть коренных жителей губернии сделала существенный шаг вперед по пути экономического и гражданского развития. Однако деление аборигенов губернии на три категории, как и в начале столетия, по-прежнему сохранилось. Одни коренные жители находились еще «в состоянии дикости», других нельзя было «отличить от русских и мещан ни по языку, ни по умственному и нравственному развитию», третьи находились на «переходной ступени» от кочевья к оседлости<sup>116</sup>. Исходя из этого, участники совещания не считали возможным «объединить их в отношении управления в одну массу» и предлагали сохранить старое деление аборигенов на оседлых, кочевых и бродячих. К оседлым жителям предлагалось причислить Кизильский род Милецкой управы, во вторую группу, по мнению участников обсуждения законопроекта, следовало включить аборигенов осталь-

<sup>115</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 1, л. 178.

<sup>116</sup> Там же, д. 15, ч. 3, л. 9 об.

ных пяти уездов губернии, точнее тех из них, которые сохранили полукочевой образ жизни и не занимались земледелием. Наконец, к бродячим жителям предлагалось отнести аборигенов Туруханского края. В соответствии с этим прогнозировалась и организация управления народами губернии.

В отношении оседлых жителей участники совещания считали нецелесообразным ни сохранять положения Устава 1822 г., ни создавать что-либо новое<sup>117</sup>. Они отмечали, что все эти народы настолько уже ассимилировались с русскими крестьянами, что «с трудом могут быть от них отличимы». Далее участники обсуждения законопроекта рассуждали примерно так. Если «единственным тормозом окончательного слияния этих инородцев с русскими служит выделение их в административные единицы и льгота от воинской повинности», то для ликвидации этого препятствия следует исключить аборигенов из сословия «инородцев» и перечислить в крестьяне с наделением землей на общем основании<sup>118</sup>. Категория оседлых «инородцев», введенная Сперанским в 1822 г., предлагалась к упразднению.

Кочевых жителей участники совещания считали преждевременным перечислять в «русское сословие». Причины такого решения усматривались в разбросанности селений кочевников, в недостаточном ознакомлении с русским языком и, наконец, в том, что формы землепользования этой части коренного населения тесно связаны с занятием скотоводством. Отмечалось, что две первые причины сами по себе еще не могут служить основанием для выделения в «особенное» сословие этой части сибирских аборигенов. Но «обстоятельства, приведенные в последнем пункте», представлялись губернской администрации настолько существенными, что пренебречь ими было никак нельзя.

Исходя из этого, совещание пришло к заключению о необходимости составить особое положение об аборигенах, распространяющееся на те местности, где действовало «Временное положение о крестьянских начальниках» 1898 г. Будущий законопроект не должен был распространяться на те категории коренных жителей, которые предлагалось причислить к оседлым.

Местная администрация признавала «слияние сибирских инородцев с русскими крайне желательным в интересах государственных и культурных». Министру внутренних дел и генерал-губернатору предлагалось предоставить право перечислять в категорию крестьян тех аборигенов, которые «по степени развития и по хозяйственному быту приблизились к соседним с ними русским крестьянам». Наряду с этим, было высказано предложение о необходимости разрешить и «обыкновенный переход в русские сословия на основании общих законов империи».

<sup>117</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 3, 1896 г., л. 10.

<sup>118</sup> Там же, л. 10—10 об.

Обращает на себя внимание предложение о прекращении «доступа в инородческое сословие» под предлогом «несоответствия его с проведенной выше целью»<sup>119</sup>. Тем самым признавалась необходимость искусственно ограничить численность «инородческого» сословия в целях скорейшей русификации аборигенов. Губернское чиновничество считало, что «инородцы и их управление должны быть... приравнены к крестьянам и крестьянскому управлению и подчинены наравне с последними... местным по крестьянским делам учреждениям»<sup>120</sup>. Эта точка зрения полностью соответствовала замыслу Крафта и отражала русификаторские тенденции в политике самодержавия, направленные на установление единообразия управления русским и коренным населением Сибири. Губернское чиновничество высказалось, правда, в пользу сохранения двухступенчатой системы управления аборигенами, предусмотренной Уставом 1822 г. Однако в старое определение теперь вкладывалось новое понятие. В этом была суть проблемы. Такая постановка вопроса практически не отличалась от предложений проекта Крафта, ибо понятие «улусное управление» у аборигенов соответствовало определению круга должностных обязанностей органов сельского управления у крестьян, а инородная управа — в транскрипции участников совещания приравнивалась к волостному правлению.

Все участники обсуждения законопроекта за исключением В. Ю. Григорьева высказались за сохранение телесных наказаний у аборигенов. Обращает на себя внимание аргументация этого предложения. Оказывается, что и в данном случае чиновничество руководствовалось принципом «единообразия», считая его чуть ли не краеугольным камнем будущей реформы. «Телесное наказание, — отмечается в журнале совещания, — существует в волостных судах и упразднение его у инородцев повело бы к тому, что при будущем перечислении инородцев в крестьяне они лишились бы права телесной неприкосновенности»<sup>121</sup>. Однако этого губернская администрация допустить никак не могла, тем более что важнейшая цель будущей реформы виделась ей в полном «слиянии сибирских инородцев с русскими». В свете изложенного становится понятным предложение о сохранении телесных наказаний до 20 ударов розгами.

Таковы были исходные мотивы участников особого совещания при разработке нового законопроекта об аборигенах. Составление самого проекта поручалось непременно члену по крестьянским делам Д. В. Радзевичу. Этот чиновник справился с порученным заданием, и к концу декабря 1899 г. представил в губернское правление проект положения о сибирских инородцах<sup>122</sup>.

<sup>119</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 3, 1896 г., л. 11.

<sup>120</sup> Там же, л. 11 об.

<sup>121</sup> Там же, л. 14.

<sup>122</sup> Там же, л. 2—7 об.

В соответствии с рекомендациями участников совещания проект предусматривал сокращение прав и усиление административной опеки аборигенов. Он провозглашал равенство сибирских аборигенов «по личным правам и обязанностям» с русскими крестьянами. Из этого положения допускалось лишь одно исключение, связанное с освобождением аборигенов от отбывания воинской повинности впредь до особого распоряжения. Проект ограничивал право вступления в инородческое сословие и предусматривал перечисление оседлых и кочевых аборигенов в крестьянское и другие сословия. Статья 3 проекта гласила: «В инородческое сословие причислен быть никто не может». В то же время проект поощрял добровольное перечисление аборигенов в крестьянское и другие сословия при условии отсутствия недоимки по податным сборам. В подготовке и проведении перечисления проект большое внимание уделял местной администрации. Статья 2 разрешала перечисление «в сословие крестьян... без желания, по распоряжению правительства». В примечании к ст. 6 подчеркивалось, что оседлые аборигены «все без исключения подлежат перечислению в крестьяне»<sup>123</sup>.

Землеустройство аборигенов проектировалось на основе законодательных актов самодержавия 1896 и 1898 гг. Предлагалось сохранить за коренными жителями находящиеся в их пользовании земли. Земельные наделы следовало отводить не каждому жителю в отдельности, а в «совместное пользование всех подведомственных управе инородцев». Наделы предлагалось отводить в пользование, а не в собственность. За пользование землей проект устанавливал соответствующие налоги. Предлагалось также ввести «круговую поруку в отбывании за землю казенных и земских сборов и повинностей» (ст. 7). Распределение земельных наделов между семьями, улусами и родами предлагалось осуществлять на основе «местных обычаев»<sup>124</sup>.

В податном отношении коренное население сравнивалось с русскими той местности, в которой проживало и должно было отбывать «все казенные, и земские денежные и натуральные повинности»<sup>125</sup> (ст. 9).

Таким образом, способы наделения землей и установление круговой поруки в уплате податей и сборов на практике привело бы к закреплению рядовых улусников инородческим миром и препятствовало уничтожению родовых пережитков.

Особое внимание в проекте уделялось административному устройству аборигенов. Губернская администрация стремилась подчинить «инородческое управление... местным по крестьянским делам учреждениям наравне с крестьянами и крестьянским общественным

<sup>123</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 3, 1896 г., л. 2 об.

<sup>124</sup> Там же.

<sup>125</sup> Там же.

управлением» (ст. 11). Хотя проект и предусматривал введение улусного управления и сохранение инородной управы, однако, на практике эти органы не должны были отличаться от волостного и сельского крестьянских управлений. Статья 32 проекта прямо указывала на это, отмечая, что «инородная управа пользуется правами волостных управлений, а улусное управление — правами сельского управления»<sup>126</sup>.

Согласно проекту улусное управление должно было создаваться в селениях аборигенов, состоящих не менее чем из 20 дворов. Несколько соседних улусов, имеющих совместное землепользование, образовывали инородную управу (ст. 23). Улусное управление составлял улусный сход, избиравший старосту, его помощника и ряд других должностных лиц. Улусный сход состоял из всех домохозяев улуса. Помимо избрания должностных лиц, ведению схода подлежали вопросы, связанные с установлением и раскладкой податных сборов и повинностей, контроль за действием должностных лиц и т. д. Все дела на улусном сходе предлагалось решать словесно.

Инородная управа должна была состоять из головы, двух выборных и писаря. Сход предлагалось составлять из выборных от улусных обществ «по меньшей мере по одному от каждых 20 дворов и должностных лиц инородного и улусного управления»<sup>127</sup>. Инородческий сход избирал должностных лиц и решал различные хозяйственные и финансовые вопросы. Решение схода вступало в силу только после утверждения его крестьянским начальником.

Должностных лиц инородческого управления предлагалось избирать на срок от года до трех лет. Они освобождались от телесных наказаний, а члены их семей — от всякого рода натуральных повинностей.

В отношении судопроизводства проект подчинял коренное население наряду с русскими крестьянами суду «сословных и общих губернских установлений» (ст. 40). В делах, не связанных с протестами и преступлениями «против уставов казенных управлений», предлагалось учредить инородный суд. Юрисдикции этого суда должны были подлежать споры, тяжбы и мелкие преступления аборигенов, проживающих в границах ведения инородной управы. Инородческий суд предлагалось составлять из головы и нескольких улусных судей. Одновременно в присутствии суда должно было находиться не менее трех судей (ст. 42). В случае, если преступление совершал инородец, проживающий вне пределов ведомства инородной управы, разбор преступления следовало производить в «других судебных установлениях».

Решение инородного суда проводилось в действие головой инородной управы. В течение двух месяцев со времени вынесения при-

<sup>126</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 3, 1896 г., л. 4 об.

<sup>127</sup> Там же.

говора он мог быть обжалован крестьянским начальником (ст. 58). Высшей апелляционной инстанцией для решения крестьянских начальников должен был являться уездный съезд крестьянских начальников.

Таково основное содержание «Положения о сибирских инородцах», разработанного в Енисейском губернском управлении. В принципе оно мало чем отличалось от проекта Крафта, в ряде случаев лишь дополняя и конкретизируя его. Для обоих проектов характерно стремление унифицировать управление коренным и русским населением на основе законодательных актов самодержавия конца XIX столетия. Некоторые расхождения в проектах не имели принципиального характера.

В Иркутской губернии в рассматриваемый период коренное население проживало во всех уездах. В Иркутском уезде, по утверждению крестьянских начальников, «экономические условия жизни инородцев издавна соответствовали и ныне соответствуют развитию того же уклада быта инородцев, что и местных крестьян». Сравнительно меньший объем запашки у аборигенов компенсировался его интенсивностью <sup>128</sup>.

Подобное же положение наблюдалось и в Верхнеленском уезде, быт коренных жителей которого, по мнению крестьянских начальников, не мог «служить поводом для признания их кочевыми». Аборигены уезда вели вполне оседлую жизнь. Основным занятием их в большинстве случаев являлось земледелие. Поэтому уездный съезд крестьянских начальников предлагал перечислить их в категорию оседлых.

Подобной же точки зрения придерживались и участники съезда крестьянских начальников Балаганского уезда. Земледельческие традиции коренного населения этого района губернии имели давние традиции, в экономическом, бытовом и культурном отношении коренное население почти не отличалось от русских крестьян. Поэтому крестьянские начальники предлагали перечислить всех коренных жителей уезда в оседлые.

Иначе решался вопрос в Нижнеудинском уезде, коренное население которого преимущественно состояло из бурят и тофаларов. Если буряты, по утверждению местных властей, совершенно «слились с русскими», то тофалары вели бродячий образ жизни. Основным видом хозяйственной деятельности этого племени являлось оленеводство и охота <sup>129</sup>. Уездный съезд предложил оставить управление тофаларами «на прежнем основании», а остальных коренных жителей подчинить действию общего положения о крестьянах.

Подобным же образом на будущую реформу смотрели крестьянские начальники самого северного уезда губернии — Киренского.

<sup>128</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 3, 1896 г., л. 129.

<sup>129</sup> Там же, л. 131—132 об.

Коренных жителей Курейского, Нижнеилимского и Кондогирского инородных ведомств предлагалось перечислить в оседлые, а местных эвенков, как и тофаларов Нижнеудинского округа, оставить в «настоящем положении»<sup>130</sup>.

Таким образом, коренное население Иркутской губернии в конце XIX в. практически делилось на две категории: оседлых и бродячих. Губернское правление отмечало, что так называемые кочевые аборигены в сущности не отличаются по своему быту от оседлых. Они продолжают оставаться в разряде кочевых только потому, что перечисление аборигенов из одного разряда в другой может производиться не иначе как с их согласия, «а не в зависимости от условий быта»<sup>131</sup>. Поэтому предложение Крафта о выделении кочевых жителей в особый разряд Иркутское губернское правление находило неприемлемым, охарактеризовав его как «недоразумение»<sup>132</sup>.

По мнению губернской администрации, управление оседлыми жителями следовало организовать «на тех же началах, как и управление местными крестьянами». К этому времени губернское начальство уже имело некоторый опыт по унификации управления русским и коренным населением. В 1898 г. распоряжением губернского правления оседлые жители Балаганского уезда были изъяты из ведения инородных управ. Вместо управ вводилось общественное управление, основанное на принципах общего положения о крестьянах. Там, где представлялось возможным, из оседлых аборигенов были образованы волости или отдельные сельские общества, в некоторых случаях аборигены прямо причислялись к русским волостям.

По свидетельству местной администрации, опыт применения к управлению аборигенами общего положения о крестьянах был «весьма успешным»<sup>133</sup>. Этот вывод местные власти стремились подкрепить ссылками на результаты ревизии крестьянских учреждений Балаганского уезда, которая проводилась в 1898 г. непременно членом по крестьянским делам Юрганом. Ознакомившись с деятельностью волостных правлений и судов, чиновник пришел к заключению, что в «инородческих» волостях дела находились в гораздо лучшем состоянии по сравнению с крестьянами<sup>134</sup>.

В силу указанных обстоятельств губернская администрация находила проект Крафта не только неприемлемым, но и вообще не считала нужным проектировать для местных коренных жителей «какой-либо особый порядок управления». Однако признав необходимость реформы, местное чиновничество панацеей от всех бед считало предоставление ему права перечислять коренных жителей в оседлые по своему усмотрению<sup>135</sup>.

<sup>130</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 9, 1896 г., л. 133 об.

<sup>131</sup> Там же, л. 129.

<sup>132</sup> Там же, л. 134 об.

<sup>133</sup> Там же, л. 134 об.—135.

<sup>134</sup> Там же, л. 135, 136.

<sup>135</sup> Там же.

Относительно бродячих жителей губернское правление не смогло предложить никаких реальных мер, направленных на улучшение условий жизни и быта этой части коренного населения. Все замыслы чиновничества ограничились общими рассуждениями о необходимости и бродячих жителей перечислять в оседлые «в случае изменения их образа жизни».

Таким образом, в Восточной Сибири при обсуждении проекта Крафта наметилось два подхода. Енисейская губернская администрация признавала возможным за некоторым исключением применить проект Крафта. В Иркутской губернии предлагали сохранить один разряд коренных жителей — бродячих, а всех остальных перечислить в оседлые. Позиции губернских правлений противоположны, но в сущности они признавали необходимым унифицировать систему управления русским и коренным населением. Расхождения касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Такой взгляд на задачи организации местного управления народами Сибири находился в неразрывной связи с общим внутривнутриполитическим курсом самодержавия конца XIX столетия. Эта политика была направлена на то, чтобы, не затрагивая коренных основ интересов полуфеодального государства, приспособить политическое устройство Сибири к потребностям капиталистического развития.

В Западной Сибири, как и в Восточной, почти полвека после введения Устава 1822 г. коренное население не знало какого-либо крупного законодательного акта в области управления и суда. Отдельные административные мероприятия, как введение образцовых волостей или причисление аборигенов к русским волостям, касались сравнительно небольшой части коренного населения, проживающего в основном оседло. Однако такое управление, по признанию Тобольской губернской администрации, являлось исключением из общего правила<sup>136</sup>. Большая часть оседлых аборигенов, причисленных на основании Устава 1822 г. к сословию государственных крестьян управлялась «на основании правил об управлении сельском».

Согласно этим правилам органы общественного управления оседлых аборигенов делилась на две ступени. Низовым звеном являлось сельское общество, состоящее из мирского схода, сельского старшины и десятников.

Несколько сельских сходов образовывали волость. Волостное правление должно было состоять из волостного схода, избравшего голову, старосту и писаря. Однако на практике в Тобольской губернии «правила об управлении сельском» применительно к оседлым аборигенам никогда в полном объеме не действовали. Инородческие управления исполняли «роль справочных бюро», деятельность их лишь скользила по жизни аборигенов, «нисколько не задевая ее»<sup>137</sup>.

<sup>136</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 20.

<sup>137</sup> Там же, л. 29.

В тех же редких случаях, когда сельские сходы и функционировали, деятельность их была беспорядочная. На практике все основные административно-финансовые функции сосредоточивались в руках членов волостного правления. Важную роль в делах волостного правления играл писарь, который зачастую пользовался «огромным влиянием на дела инородцев»<sup>138</sup>. Все это, вместе взятое, заставило Тобольскую губернскую администрацию признать, что действующие в крае узаконения об аборигенах не соответствуют изменившимся условиям их хозяйства и быта, вследствие чего «инородцы фактически лишены почти всякого управления»<sup>139</sup>. Единственный выход из создавшегося положения местное чиновничество видело в распространении на оседлых аборигенов общего положения о крестьянах.

Организация управления кочевыми жителями губернии строилась на основе принципов Устава 1822 г. Оценивая этот закон с позиции исторической дистанции, члены губернского правления замечали, что «Устав об управлении инородцев» был хорош для того времени, когда у аборигенов была сильная родовая связь<sup>140</sup>. Однако по мере ослабления этих связей и разложения родового строя «законоположения устава все больше шли вразрез с вновь нарождающимися жизненными формами». Эти «новые жизненные формы» на практике являлись ничем иным, как развитием капиталистических отношений в хозяйстве и в быту аборигенов. Организация же управления народами края на основе родовых принципов сдерживала развитие буржуазных отношений. Очевидно, сознавая это, губернская администрация характеризовала порядок управления кочевыми жителями края как «ненормальный». Губернатор Лаппа-Старженецкий даже заявлял, что аборигены нисколько не возражают против принимаемых правительством реформ, лишь бы они не касались «их веры, языка и обычаев»<sup>141</sup>. Вместо Устава предлагалось ввести систему управления, основанную «на одинаковых с крестьянами основаниях». По мнению губернатора, только такие меры будут служить «прямым средством» для перехода аборигенов к оседлости и «уравнению во всем с государственными крестьянами»<sup>142</sup>. Однако мнение губернатора разделяли отнюдь не все члены губернского правления.

Управляющий государственными имуществами Фролов-Багреев в особом мнении указывал на «крайне печальное» материальное положение коренных жителей, у которых недоимки доходили до 100 руб. с души. Между тем, отмечал чиновник, распространение на аборигенов общего положения о крестьянах приведет к значительному увеличению с них податных сборов. Фролов-Багреев об-

<sup>138</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 29.

<sup>139</sup> Там же, л. 41.

<sup>140</sup> Там же, л. 23 об.

<sup>141</sup> Там же, л. 23, 24 об.

<sup>142</sup> Там же, л. 24 об.

ращал внимание губернатора на то обстоятельство, что аборигены по «своему духу... ближе подходят к разряду кочевых, чем оседлых», что земледелие у них находится в самом зачаточном состоянии и быт их «совершенно отличен... от быта русских крестьян»<sup>143</sup>. Все это привело Фролова-Багреева к заключению о том, что распространение общего положения о крестьянах на аборигенов может привести к «весьма нежелательным результатам»<sup>144</sup>. Чиновник не расшифровывал скрытый смысл своих прогнозов, однако, он становится ясен при ознакомлении с особым мнением неперменного члена губернского правления Рождественского. Этот чиновник среди своих коллег слыл не только «просвященным», но и либеральным. Он был знаком с сочинениями Ядринцева, Якобия, которых называл «авторитетными лицами»<sup>145</sup>. В 1900—1901 гг. им был составлен и передан губернатору обширный доклад о «нуждах инородцев». Основные положения этого доклада разделял губернский прокурор Ростиславов и некоторые другие чиновники. Доклад Рождественского был подвергнут резкой критике вице-губернатором А. Тропининым, который навязывал губернскому присутствию «пристрастное к инородцам-обезьянам (другого названия у губернатора для инородцев и их начальников не было) мнение»<sup>146</sup>. Возражая губернатору, Рождественский отмечал низкую платежеспособность аборигенов. По его данным на 1 января 1901 г. за оседлыми жителями губернии числились недоимки подушной подати на сумму 98 023 руб., оброчной — 28 635 руб., межевого сбора — 4279 руб.<sup>147</sup> Рождественский считал, что вследствие бедности аборигенов расходы по содержанию одинаковых с крестьянами органов общественного управления будут для них непосильными. Кроме того, распространение на аборигенов общего положения о крестьянах повлечет и ежегодное увеличение податных платежей почти на 20 тыс. руб. Уплату такого количества податей чиновник считал совершенно нереальной<sup>148</sup>. Эти соображения заставили Рождественского отказаться от подписания журнала губернского присутствия.

Наиболее подробные возражения на предложения губернатора представил советник губернского присутствия Павлинов. Он прежде всего отметил, что правление почему-то совершенно не обратило внимание на заключение уездных комиссий, не подвергло их должной критике, «как будто мнение противоположной стороны настолько ничтожно, что не заслуживает внимания». По мнению Павлинова, губернское правление игнорировало опыт Тобольской комиссии по

<sup>143</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 54 об.—55.

<sup>144</sup> Там же, л. 57.

<sup>145</sup> Там же, л. 57 об.

<sup>146</sup> Там же, л. 55—55 об.

<sup>147</sup> Там же, л. 75.

<sup>148</sup> Там же, л. 56 об.

причислению аборигенов к русским волостям. Между тем «опыт этот лучше всего предостерегает от того, что раньше было сделано»<sup>149</sup>. Павлинов указывает на бесполезность и прямой вред причисления аборигенов к русским волостям. Думается, что это утверждение нуждается в известных уточнениях. В условиях национально-колониальной политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках единых административных единиц не могло принести свободу коренному населению. Политика царизма противостояла сближению аборигенов с русским народом<sup>150</sup>. Формы и методы этого процесса не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию, порождая подчас расовый антагонизм.

В то же время нельзя согласиться с утверждением царского чиновника, что в результате объединения в рамках единых административных единиц русские и аборигены «не нашли друг в друге ничего общего». Опровергая подобные утверждения, Ф. А. Кудрявцев подчеркивал, что именно в этот период постоянно «возрастало влияние русского народа на народы Сибири и взаимное влияние народов»<sup>151</sup>.

Неприемлемым было и итоговое заключение Павлинова, смысл которого сводился к тому, что лучше оставить аборигенов «с устаревшей формой управления по закону 1822 г., нежели производить над ними опыт распространения нового и совершенно чуждого для них по духу и форме закона 19 февраля 1861 г.»<sup>152</sup>.

Это предложение в своей основе схоже с проектами «секретных» комитетов времен Николая I, неоднократно рассматривавших крестьянский вопрос, но так и не предложивших ничего нового и конструктивного. В конечном итоге и Павлинов скатывается к признанию необходимости установления более сильной и твердой власти в отношении аборигенов, что, по его мнению, должно было явиться залогом успешного взыскания с них податей и проведения правительственной политики в целом. Это было близорукое предложение, находившееся в явном противоречии с провозглашенной самим Павлиновым задачей. В конечном итоге Тобольское губернское правление признало необходимым «ныне же распространить» на оседлых аборигенов действие общего положения о крестьянах. Признаком оседлости предлагалось считать не занятие земледелием, а проживание на одном месте. Необходимость такого уточнения губернское присутствие объясняло тем обстоятельством, что в северных Березовском и Сургутском уездах население в силу сложных климатических условий земледелием практически не занималось. Русское

<sup>149</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 58—59.

<sup>150</sup> Кудрявцев Ф. А. Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири XVIII—XIX вв. Новосибирск, 1970, с. 55.

<sup>151</sup> Там же, с. 54.

<sup>152</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 65.

население этих районов считалось оседлым, а аборигены — кочевые. Поэтому губернское присутствие предлагало перечислить всех кочевых жителей в категорию оседлых. Поскольку Устав 1822 г. запрещал насильственное перечисление аборигенов из одной категории в другую, губернское чиновничество предлагало отменить это положение.

По вопросу о возможности слияния русских и аборигенов в рамках единых территориальных и административных волостей и сельских обществ губернское правление дало осторожный, но не двусмысленный ответ. Рекомендовалось образовывать селения и волости из лиц одной национальности<sup>153</sup>. В то же время признавалось возможным присоединять отдельные инородческие общества к русским волостям и наоборот. В сельских обществах со смешанным населением предлагалось избирать на должность старосты лицо любой национальности, «смотря по желанию членов общества». В то же время губернское правление подчеркивало, что важную в сельской жизни должность волостного старшины должны занимать только русские.

В решении губернского правления ничего не говорилось о поземельном устройстве аборигенов. Рассмотрение этого вопроса составители проекта посчитали преждевременным, отметив, что «лишь время укажет тот порядок, который будет необходим для поземельного устройства». Ссылка на невыясненность прав аборигенов на землю в данном случае выглядит малоубедительной. Земли коренного населения Сибири после присоединения к России были объявлены собственностью государства<sup>154</sup>, а закон «Об отводе частным лицам земель в Сибири» от 8 июля 1901 г. запрещал аборигенам приобретать землю в собственность<sup>155</sup>.

«Государственная оброчная подать, введенная царским правительством вместо подушной и оброчной на казенных землях в 1898 г., на землях Кабинетских — в 1899 г., представляла собой ренту, взимаемую казной и Кабинетом, экономическую форму реализации поземельной собственности»<sup>156</sup>. Разумеется, члены губернского правления не могли не знать об этом. Составители проекта просто отказались рассматривать данную проблему по существу, предоставив эти заботы самому правительству. Вопрос же о правах коренного населения на земли выступает в данном случае в качестве предлога. В условиях, когда к землеустройству в крае только что приступлено, а его окончание виделось лишь в самом отдаленном

<sup>153</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 50—51 об.

<sup>154</sup> Сафонов Ф. Г. Вопрос о собственности на землю в сибирской исторической литературе. — В кн.: Крестьянская община в Сибири XVII—начала XX вв. Новосибирск, 1977, с. 277.

<sup>155</sup> ПСЗ-3, т. 21, отд. 1, № 70333.

<sup>156</sup> Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири..., с. 253.

будущем, заниматься вопросами землеустройства аборигенов местной администрации казалось совершенно излишним.

Губернское правление в своем заключении не могло обойти и такой важный вопрос, как организация и проведение ясачной политики. В начале XX в., как и в предшествующие десятилетия, кочевые и бродячие жители по-прежнему платили ясак, поступавший в фонд Кабинета. Предлагая перечислить кочевых жителей — основных поставщиков ясака — в категорию оседлых и приравнять их к русским крестьянам, губернское правление должно было высказаться и по поводу ясачного сбора. Участники совещания предлагали прекратить взимание ясака с тех коренных жителей, которых предполагалось перечислить в категорию оседлых. Их следовало обложить оброчной податью и земскими повинностями наравне с крестьянами<sup>157</sup>. Бродячих жителей подчинить ведению крестьянских начальников «дабы установить для населения твердую и единообразную власть».

Итак, предложения Тобольского губернского правления существенно не отличались от проектов Иркутской и Енисейской администрации. Они были направлены на то, чтобы приспособить политическое и административное устройство аборигенов к нуждам и потребностям развивающегося буржуазно-помещичьего государства и Кабинета. Эти же цели преследовала предлагаемая ко введению налогово-податная политика, направленная на повышение доходов «прежде всего помещиков, а также буржуазии»<sup>158</sup>.

В конце 1902 г. в Томской губернии начался пересмотр законоположений об «инородцах». По инициативе вице-губернатора Д. Н. Дельвига, в октябре 1902 г. была образована специальная комиссия для разработки программы по сбору сведений о коренном населении. На основе собранных материалов предполагалось составить будущий законопроект управления аборигенами. Руководителем комиссии был назначен председатель окружного суда Д. В. Витте. В состав комиссии вошли губернский прокурор А. М. Вакар, профессор Томского университета М. Н. Соболев, К. Д. Малиновский, известный общественный деятель Сибири Г. Н. Потанин. К весне следующего 1903 г. работа была закончена и проект программы по сбору сведений о коренном населении представлен на обсуждение губернского правления<sup>159</sup>. Программа предусматривала проведение обширного социально-экономического и этнографического обследования коренного населения, при этом особое внимание предполагалось уделить изучению вопроса о формах и методах надзора русской администрации за органами самоуправления аборигенов. Однако обсуждение проекта программы на заседании Том-

<sup>157</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 52.

<sup>158</sup> Горюшкин Л. М. Указ. соч., с. 253.

<sup>159</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 249.

ского губернского правления в марте 1903 г. выявило острые разногласия между губернатором князем С. А. Вяземским и членами комиссии Витте. Губернатор, ссылаясь на указание Горемыкина представить проект «в самом непродолжительном времени», доказывал, что сбор сведений по разработанной комиссией программе займет много времени и тем самым «слишком замедлит ход работ». Во избежание этого еще раньше Вяземским была создана другая комиссия, которая занималась не составлением программы обследования, а разработкой самого законопроекта об управлении коренными жителями. Проект этот, составленный непрямым членом губернского правления А. А. Бароком, был представлен на обсуждение общего присутствия одновременно с программой обследования быта и хозяйства аборигенов.

Подобное «вероломство» со стороны губернатора для Витте и его сторонников оказалось совершенно неожиданным. Они попытались устроить обструкцию губернатору и отказались обсуждать законопроект А. А. Барока. Витте с возмущением заявил, что для этой цели «он явился неподготовленным, и если бы знал, что сюда будут нагнаны полицейские исправники и приставы, то он мог также бы нагнать своих мировых судей»<sup>160</sup>. Профессор М. Н. Соболев, присутствующий на заседании, указывал, что для составления проекта, ставившего целью упорядочение быта и хозяйства аборигенов, необходимо прежде всего получить материал по выработанной комиссией программе. По его мнению, «как раз эта важная сторона» и отсутствовала в проекте Барока. Проект последнего оценивался Соболевым как результат «кабинетской эклектической работы, где авторы исходили из существующих законов, исправляя и дополняя только частности», тогда как требовалась «коренная реформа с более широкими перспективами попечения об инородцах».

Губернатор С. А. Вяземский оказался в довольно затруднительном положении, которое усугублялось нетвердой позицией вице-губернатора Дельвига. Последний, являвшийся инициатором разработки программы обследования, указывал на «печальное» положение аборигенов и риторически заявлял, что прежде нужно поставить «правильный диагноз», а уже потом приступать к «лечению»<sup>161</sup>.

В этой ситуации Вяземский был вынужден в весьма энергичных выражениях доказывать, что сбор сведений по программе обследования, составленной Витте и его сторонниками, может в лучшем случае послужить дополнением для составления статистико-экономического очерка об аборигенах, но отнюдь не для разработки требуемого правительством законопроекта. По мнению губернатора, все необходимые сведения для составления законопроекта уже име-

<sup>160</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 203.

<sup>161</sup> Там же, л. 205 об.

лись в распоряжении губернской администрации <sup>162</sup>. С мнением губернатора солидаризировались крестьянский начальник А. А. Райский и ряд других чиновников, участвующих в совещании.

Позитивная сторона суждения Витте и его сторонников заключалась в том, что в случае осуществления их программы собранные сведения могли послужить основанием для составления такого проекта, который содержал бы серьезную критику правительственных мероприятий в отношении аборигенов.

Начиная с 70-х гг. XIX столетия коренное население Сибири являлось объектом пристального внимания областников, которые неоднократно указывали на бедственное положение аборигенов <sup>163</sup>. Несомненно, что осуществление замыслов составителей программы обследования, одним из авторов которой был идеолог областничества Г. Н. Потанин, могло способствовать разработке проекта, составленного на серьезной научной основе. Имеющиеся же в распоряжении губернской администрации статистические материалы далеко не всегда отражали истинный уровень экономического развития сельского населения Сибири <sup>164</sup>. Однако под нажимом губернатора проект Барока был обсужден и после внесения незначительных дополнений и изменений направлен в министерство внутренних дел как итоговое заключение общего присутствия Томского губернского правления.

Проект томской администрации в окончательной редакции насчитывал около 90 пунктов. Он включал в себя основные вопросы жизни и деятельности народов Сибири: землеустройство, подати и повинности, организацию управления и др.

По сведениям администрации в Томской губернии к началу XX в. насчитывалось 68 тыс. аборигенов, что примерно составляло 3,4% от общей численности народонаселения края. Численность оседлых коренных жителей губернская администрация определяла примерно в 28 310 душ, кочевых — около 40 тыс. душ. Большинство коренного населения проживало в пределах Бийского и Кузнецкого уездов на землях, принадлежащих Кабинету. Данные о соотношении оседлых и кочевых жителей следует рассматривать как приблизительные. Сам А. А. Барок отмечал, что в Бийском уезде только 20% аборигенов могли считаться истинно оседлыми, остальные 80% «по условиям их быта» являлись кочевыми. Примерно такая же картина наблюдалась в Кузнецком уезде. Бродячих «инородцев» в Томской губернии, по мнению составителя проекта, не было.

<sup>162</sup> С. А. Вяземский имел в виду «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири».

<sup>163</sup> Подробнее см.: Дамешек Л. М. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX века. — В кн.: Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982, с. 134—136.

<sup>164</sup> Горюшкин Л. М. Указ. соч., с. 51—52.

Исходя из этого, составитель проекта коренное население губернии разделял на два разряда: оседлых и кочевых. Распределение аборигенов по разрядам предполагалось поручить крестьянским начальникам уездов.

В объяснительной записке к проекту Барок подчеркивал, что аборигены по собственной воле никогда не переходят из разряда кочевых в оседлые. Между тем, по мнению автора, правительству следовало бы активнее поощрять такие перечисления. Поэтому проект предусматривал перевод аборигенов из одного разряда в другой «помимо желания перечисляемых» (ст. 4) <sup>165</sup>. Как видно, интересы коренного населения в этом вопросе автором проекта не учитывались. Осуществление данного принципа правительственной политики на практике нередко означало прямое насилие над аборигенами.

Согласно проекту в селениях коренных жителей создавались органы общественного управления. Низовым звеном системы управления у кочевых и оседлых жителей являлись сельские общества. Несколько таких обществ образовывали волость. Признавая некоторую специфику управления кочевыми народами, проект предусматривал впредь до окончания землеустройства сохранение существующего родового управления без изменения в тех волостях кочевников, в которых прочно сохранилось родовое начало (ст. 11) <sup>166</sup>.

Распределение аборигенов по волостям и сельским обществам возлагалось на обязанности общего присутствия губернского правления (ст. 13). Посредниками между аборигенами и губернской администрацией выступали крестьянские начальники.

Поземельное устройство и управление оседлых коренных жителей должно было строиться по аналогии с русскими крестьянами.

У кочевых жителей вместо отживших свой век родовых управлений предлагалось ввести сельские и волостные сходы, на которых следовало избирать волостных старшин и сельских старост (ст. 14). Сельские и волостные сходы у кочевников должны были действовать по аналогии с крестьянскими. Примерно таким же являлся и круг обсуждаемых на них вопросов.

Таким образом, в вопросы организации управления коренного населения проект томского чиновничества не вносил ничего принципиально нового. Несмотря на все рассуждения о специфике и особенностях этой части населения, А. А. Барок признавал за благо не изобретать какие-то дополнительные меры, а ограничивался рекомендацией применить уже апробированные в Европейской России формы управления крестьянами.

Нового не смог предложить Барок и в области поземельного устройства кочевников. Эта часть проекта была полностью основана на аграрных законах 1896—1898 гг. Автор проекта лишь уточнял, что до окончания поземельно-устроительных работ коренные жители

<sup>165</sup> ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, 1896 г., л. 379.

<sup>166</sup> Там же, л. 379 об. — 380.

сохраняют в своем пользовании те земли, которыми они пользуются до настоящего времени (ст. 44). В проекте отмечалось, что за пользование землей аборигены должны платить государственную подать «в размере не свыше пушного ясака». Кроме того, предусматривались и земские сборы.

Ряд статей проекта был посвящен деятельности «инородческого» суда.

Таковы были основные положения проекта организации управления коренными жителями Томской губернии. В целом они не отличались от проектов, появившихся в других сибирских губерниях. При разработке законопроектов местное чиновничество руководствовалось царским законодательством в отношении народов Сибири конца XIX в. Эта программа, оформленная в виде серии аграрных, административных и податных законодательных актов, рассматривалась сибирским чиновничеством как неуклонное руководство к действию, местные же проекты были призваны в ряде случаев конкретизировать ее. Отказавшись впоследствии от осуществления предложений, содержащихся в упомянутых законопроектах, самодержавие тем не менее в практической деятельности все же использовало некоторые их положения, важнейшим из которых являлась идея русификации коренного населения Сибири. Характеризуя это направление правительственного курса в отношении народов Сибири, X съезд РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отметил, что политика царизма «по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их»<sup>167</sup>.

## ГЛАВА IV ВЕДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И НАРОДЫ СИБИРИ

### § 1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

Выяснению роли церкви в истории России посвящены исследования многих советских историков<sup>1</sup>. Отличительной их особенностью является стремление увязать историю церкви в России с общим ходом социально-экономического и политического развития страны<sup>2</sup>.

<sup>167</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1958; 8-е изд. М., 1970. т. 2, с. 251—252.

<sup>1</sup> См.: Религия и церковь в истории России. М., 1975, с. 5.

<sup>2</sup> См.: Церковь в истории России (XIX в.—1917 г.). Критические очерки. М., 1967.

Становление и развитие христианской церкви в России шло параллельно с процессом формирования феодальных отношений. В свое время принятие христианства, являвшегося, по характеристике С. В. Бахрушина, «большой социальной силой», способствовало углублению этого процесса<sup>3</sup>. В дальнейшем, несмотря на существовавшие временами противоречия, а подчас и соперничество во взаимоотношениях между светской и духовной властью, классовые основы союза антагонистического государства и христианской церкви не только сохранились, но и еще более упрочились. В XIX в. церковная политика русских самодержцев являлась, по существу, частью общегосударственной политики и практики.

Подчеркивая классовые основы единства церкви и государства в царской России, В. И. Ленин писал, что «от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы»<sup>4</sup>. Советские исследователи также неоднократно отмечали единство интересов церкви и эксплуататорских классов царской России<sup>5</sup>.

Церковь являлась последовательным исполнителем социальных заказов царизма. Особенно ярко это сказывалось в колониальной политике по отношению к нерусским народам Поволжья, Средней Азии, Сибири<sup>6</sup>.

В истории российского самодержавия одним из важнейших был закон Павла I от 5 апреля 1797 г. о порядке престолонаследия. В этом же законе российский император провозглашался главой православной церкви. Статья 42 «Свода Законов Российской империи», появившегося на свет в начале 30-х гг. при Николае I, гласила: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния»<sup>7</sup>. Православная церковь провозглашалась «господствующей и первенствующей».

Распространение православия правительство рассматривало как один из основных способов воспитания у «иноверцев» верноподданных чувств. В то же время царское законодательство провозглашало и принцип терпимости к религиозным воззрениям иноверцев — право отправлять свои богослужения, но не пропагандировать их. Это право нашло отражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Статья 286 Устава предоставляла сибирским иноверцам право «отправлять богослужение по их законам и обычаям». Земскому начальству запрещалось преследовать «инородцев за их

<sup>3</sup> Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Руси.— В кн.: Религия и церковь в истории России. М., 1975, с. 36.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.

<sup>5</sup> См. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983, с. 413—422.

<sup>6</sup> История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. I. Социально-экономическая и политическая история. М., 1951, с. 963.

<sup>7</sup> ПСЗ-1, т. 24, № 17910.

языческую религию» (ст. 287) <sup>8</sup>. Провозгласив принцип веротерпимости, законодательство самодержавия в то же время разработало теорию и практику пропаганды православия, как господствующей религии в России. Уже на ранних этапах колонизации сибирских пространств правительственные указы предписывали священнослужителям «крайне прилежать» в «проповеди слова божия» подвластным Российской империи народам <sup>9</sup>. В июне 1819 г. обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын писал в Иркутск М. М. Сперанскому, что «его императорскому величеству крайне нежелательно, дабы наиболее обращено было внимание на введение и ускорение в Сибири правил к христианству всеми теми способами, какие только при каждом случае удобными представятся» <sup>10</sup>. Николай I также в 1848 г. предписал министру государственных имуществ П. Д. Киселеву оказывать со своей стороны содействие «духовному ведомству всеми зависящими» от него мерами «к облегчению действия миссионеров и других духовных лиц» <sup>11</sup>.

В целях более широкого распространения православия среди народов Сибири в июле 1826 г. последовало величайшее учрежденное положение Государственного совета, согласно которому «инородцы магометанского или языческого закона, воспринявшие святое крещение», исключались «из прежнего состояния и оклада с трехлетней льготой от платежа всех податей» <sup>12</sup>.

Решительное наступление на верования нерусских народов началось в 30-х гг. XIX в. в связи с официальным признанием властями доктрины официальной народности единственной общественно-политической идеологией. В знаменитой «троице» создателя этой теории министра народного просвещения С. С. Уварова первенствующее значение отводилось православию. Понятие народности в его трактовке означало некое смирение, «патриархально-крепостнический дух», якобы издревле присущий русскому народному сознанию <sup>13</sup>. Эти «символы веры» следовало, по мысли Уварова, привить всем народам Российской империи. Одно из основных средств для достижения поставленных целей самодержавие видело во внедрении в народное сознание догматов православия и усилении авторитета церкви в целом.

Критикуя эту церковную политику русского царизма, В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что «подведение всех инородцев и всех иноверцев к знаменателям «русская народность» и «православие» являлось одним из основных заветов царского самодержавия <sup>14</sup>. Не случайно

<sup>8</sup> ПСЗ-1, т. 24, № 29126, § 286, 287.

<sup>9</sup> Дмитриев А. Петр I и церковь. М.; Л., 1931, с. 81.

<sup>10</sup> ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 301, л. 3 об.

<sup>11</sup> Там же, ф. 797, оп. 18, д. 47173, л. 1.

<sup>12</sup> Там же, ф. 1264, оп. 1, д. 301, л. 4.

<sup>13</sup> Церковь в истории России..., с. 208.

<sup>14</sup> Бонч-Бруевич В. Д. Силы русского клерикализма. — В кн.: Религия и церковь в истории России. М., 1975, с. 202.

в 1857 г., когда встал вопрос о необходимости распространения православия среди бурят-казаков, военное министерство, подчеркивая эту необходимость, отмечало, что распространение православия среди инородцев помимо чисто религиозных «принесет еще и чисто политические выгоды», ибо крещенные «инородцы» скорее признают Россию своим отечеством и будут лучше исполнять свои должностные обязанности. По мнению министерства, от «язычников» нельзя было ожидать «столь верной и усердной службы для христианской империи, как от... христиан»<sup>15</sup>.

Успешное с точки зрения правительства и священнослужителей распространение православия, закрепление среди новой паствы своего положения как «первенствующей и главенствующей» церкви империи требовало упрочения ее материального положения. Поэтому предреформенный период в истории русской церкви ознаменовался значительным ростом числа епархий, церквей и монастырей. Существенно увеличились церковные доходы.

В 1825 г. в русскую православную церковь входило 37 епархий. В 1841 г. их было уже 50, в 1851—55, а в 1861 г.—58<sup>16</sup>. Большинство новых епархий было открыто в западных районах и в Поволжье. На территории Сибири ко времени падения крепостного права существовало четыре епархии.—Тобольская, Иркутская, Томская и Енисейская.

В предреформенный период значительно возросли дотации из государственного казначейства на содержание духовного ведомства. Даже по официальным данным, которые С. С. Дмитриев считает «несомненно неполными», четко прослеживается увеличение государственных ассигнований на содержание православной церкви. В 1841 г. казна выделила духовному ведомству 1 193 631 руб., в 1850—3 804 300, в 1861 г.—5 028 364 руб.<sup>17</sup> Росли и местные епархиальные доходы. Материальная поддержка со стороны правительства должна была поддержать русскую церковь как «первенствующую и главенствующую» в империи, и тем самым облегчить проповедь православия среди нерусских народов.

Важнейшим событием в истории России XIX в. явилась крестьянская реформа 1861 г. Однако вышедшее из недр феодализма новое буржуазное общество отнюдь не уничтожило классовых противоречий. Наоборот, оно еще в большей степени обострило их<sup>18</sup>. В условиях обострения классовой борьбы самодержавие было вынуждено постоянно пополнять и совершенствовать арсенал средств «развраща-

<sup>15</sup> ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 23653, л. 12—13.

<sup>16</sup> Дмитриев С. С. Православная церковь и государство в предреформенной России.—История СССР, 1966, № 4, с. 45.

<sup>17</sup> Там же, с. 46.

<sup>18</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 426, 430.

щения и затемнения сознания» народных масс<sup>19</sup>. Национальная политика правительства в пореформенной России характеризуется «решительной русификацией и угнетением нерусских национальностей»<sup>20</sup>. Великодержавный шовинизм находил свое выражение в различных формах. Насильственные русификация и христианизация «представляли собой наиболее ярко выраженную форму насильственной ассимиляторской политики царизма, препятствующей свободному этническому развитию народов»<sup>21</sup>.

Во всех мероприятиях царизма в церковной политике в пореформенной Сибири лежит печать большой общественно-идеологической значимости православной церкви, особенно миссионерской деятельности в этом отдаленном крае. Как бы подтверждая это, один из вдохновителей церковной политики обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в 1892 г. в статье, посвященной памяти директора казанской учительской семинарии Н. И. Ильминского, что в течение XVII и XVIII вв. миссионерское дело в России было «окутано тьмой и пребывало в застое». Тогда «забота» правительства об утверждении веры «ограничивалась лишь внешними мерами предписаний, наград и наказаний». Лишь во второй четверти XIX в., по утверждению Победоносцева, миссионерское дело «оживает» и появляются «новые деятели инородческого просвещения на дальних окраинах России»<sup>22</sup>. Утверждение это не является только личным мнением главы русской церкви. В 1914 г. светские власти официально признали, что миссионерская деятельность «получила свое полное развитие» только в XIX столетии<sup>23</sup>.

Оживление миссионерской деятельности в начале XIX в. официальная церковь обычно связывала с основанием в декабре 1812 г. в Петербурге Российского библейского общества<sup>24</sup>, почетным членом которого являлся Александр I. При активной поддержке правительства Библейское общество вскоре обзавелось огромным капиталом и развило кипучую деятельность по переводу библии и изданию ее на языках народов России. К 1825 г. общая цифра таких изданий общества более чем на 40 языках народов России достигла 876 000 экземпляров<sup>25</sup>. Отделения общества были и в Сибири. В 1819 г. отделение общества было открыто в Иркутске. Его директорами являлись преосвященный Михаил и генерал-губернатор М. М. Сперанский. Членами общества были в свое время граждан-

<sup>19</sup> И в а н о в Л. М. Идеологическое воздействие на массы.— В кн.: Религия и церковь в истории России, с. 227.

<sup>20</sup> З а й о н ч к о в с к и й П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 117.

<sup>21</sup> Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 72.

<sup>22</sup> Прибавления к «Церковным ведомостям», 1892, № 7.

<sup>23</sup> Азиатская Россия. СПб., 1914, т. 1, с. 215.

<sup>24</sup> П ы п и н А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916, с. 1—294.

<sup>25</sup> Д м и т р и е в С. С. Православная церковь и государство, с. 34.

ский губернатор И. Б. Цейдлер, городской голова К. М. Сибиряков, купцы Кузнецов, Трапезников, Саватеев и др.<sup>26</sup> Годом раньше, в 1818 г., отделение общества возникло в Забайкалье, точнее в Селенгинске<sup>27</sup>. Три английских миссионера и восемь послушников «зорко» следили «за успехом христианской проповеди среди язычников». Они учредили селенгинский стан и два стана в районе кочевок хоринских бурят. Англичане «сразу поставили свою деятельность на широкую ногу: обзавелись в Селенгинске собственным домом, библиотекой, типографией... и издали Библию и Евангелие на монгольском и бурятском языке». Миссия эта просуществовала до 1861 г., но по «бесплодности результатов в смысле водворения христианства среди бурят-язычников» была упразднена<sup>28</sup>.

В 1863 г. возникает «Общество для распространения священного писания в России». Однако самой крупной и влиятельной «общественной» организацией такого рода явилось православное миссионерское общество. В уставе общества, утвержденном Александром II в июле 1865 г., говорилось, что оно учреждается для «распространения православного христианства между язычниками империи». Деятельность общества предполагалось «прежде обратить к местностям Алтая и Забайкалья... по многочисленности язычников, там обитающих». Затем, по мере «развития средств общества», оно «предоставляло себе право расширить свою деятельность на язычников, обитающих... в других местах России»<sup>29</sup>.

Создание этой новой организации было широко афишировано правительством и духовенством. Священнослужителям местных епархий предписывалось учредить благодарственные молебны в честь учреждения общества. Сами же члены общества составили и программу этих празднеств. Особое внимание в ней уделялось рекомендациям способов пресечения «разглашений неблагонамеренных людей» о насильственном крещении аборигенов, ибо слухи эти «много вредят мирной... проповеди и заставляют язычников бегать от миссионеров». Особый упор делался на необходимость убеждения аборигенов в том, что «у разных народов могут быть свои языки, свои обычаи и даже свои правительства», «но вера у всех людей должна быть одна». Священнослужителям рекомендовалось для «возбуждения усердия... к переходу в христианство... указать награды, которых удостоивает за такие действия государь император»<sup>30</sup>.

<sup>26</sup> Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и Кротова). Иркутск, 1911, с. 223.

<sup>27</sup> Сибирская советская энциклопедия, т. 3, с. 471.

<sup>28</sup> Г у р у л е в М. Из прошлого Забайкалья (к истории нашей миссионерской деятельности на окраинах). — Русская старина, 1901, т. 106, с. 218.

<sup>29</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 145, д. 1134, л. 42 «б».

<sup>30</sup> ЦГА Бур. АССР, ф. 191, оп. 1, д. 20.

Однако, несмотря на все старания, правительство вскоре вынуждено было признать, что деятельность вновь созданного общества «не отличалась благоуспешностью»<sup>31</sup>. Поэтому в январе 1870 г. в Москве было учреждено Всероссийское православное миссионерское общество, деятельность которого охватила главным образом Восточную Россию. Важнейшей задачей вновь созданного общества была поддержка существующих и открытие новых миссий, обращение в православие «обитающих в пределах Российской империи нехристиан» и утверждение новой паствы в «истинах святой веры». Во главе общества был поставлен бывший алеутско-камчатский миссионер, а с 1868 г. митрополит Московский Иннокентий. Отделения общества на местах возглавляли епархиальные архиереи. Официальной покровительницей общества была провозглашена императрица Мария Федоровна<sup>32</sup>. Отделения и комитеты общества были открыты в 56 епархиях, в том числе в 11 сибирских.

В общество, основанное по инициативе высших светских и духовных лиц, охотно вступали многие чиновники и толстосумы, активное участие в деятельности общества принимали и высшие сибирские иерархи. При явном и афишируемом покровительстве со стороны императрицы и других высоких чинов новое общество, как говорится, росло не по дням, а по часам. Обращает на себя внимание факт не только заметного роста числа членов общества, но и значительное увеличение его денежных средств, которые за десятилетие с 1870 по 1880 г. увеличились со 101 676 руб. до 147 819 руб. Расходы общества на содержание православных миссий составили в 1870 г. 6835 руб. и в 1880 г. 113 075 руб. Обстоятельство это объясняется не только несомненным воздействием властей, но и установившимся в этот период откровенно реакционным внутриполитическим курсом, усилением пропаганды великодержавного шовинизма и угнетением национальностей.

Деятельность Всероссийского православного миссионерского общества особенно активизировалась в конце XIX столетия. В 1888 г. в рядах общества насчитывалось 9,5 тыс. членов, доходы от добровольных пожертвований составили почти 287000 руб., в 1893 г. на счет общества поступило 331186 руб., в 1894—352136 руб. К началу 1895 г. эта «общественная организация» располагала огромными суммами, исчисляющимися в 1289369 руб.<sup>33</sup> Основными источниками денежных поступлений являлись добровольные пожертвования, кружечный сбор, торговля в церквях различными «святынями» и т. д.

<sup>31</sup> Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901, с. 361.

<sup>32</sup> Библиотека ЦГИА. Печатные записки. № 3177. Устав православного миссионерского общества, с. 1.

<sup>33</sup> Обзор деятельности..., с. 365, 366.

По мере организационного и материального упрочения положения общества увеличивалась его денежная помощь и православным миссиям. В 1914 г. авторы официального издания «Азиатская Россия» отмечали, что «русская церковь в Сибири в борьбе с иновением была вооружена и властью, и разносторонними материальными средствами»<sup>34</sup>.

Говоря о финансовых взаимоотношениях общества и православных миссий, следует отметить еще одно обстоятельство. Общество оказывало материальную поддержку всем православным миссиям, действовавшим как на территории России, так и за ее пределами. Однако сибирские миссии всегда привлекали пристальное внимание руководителей общества, на их содержание накануне первой русской революции расходовалось около 45,5% денежных средств общества<sup>35</sup>. Соотношение это не изменилось и в годы первой русской революции, несмотря на значительное сокращение денежных доходов общества в целом. На содержание православных миссий в Сибири расходовалось около 48% денежных средств миссионерского общества. Это обстоятельство следует объяснять тем большим значением, которое светские и духовные власти придавали христианизации народов Сибири.

Наряду с оказанием материальной помощи сибирским миссиям, правительство стремилось изыскать и другие средства привлечения сибирских язычников «на лоно православной церкви». В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее своей целью «просвещение инородцев приволжских и сибирских путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки»<sup>36</sup>. Свое название это братство получило от имени епископа Гурия, «жестокое инквизитора, действовавшего среди татар в интересах русификаторской политики самодержавия»<sup>37</sup>. С целью активизации деятельности братства в 1878 г. при нем организовалась комиссия переводчиков, имевшая целью перевод и распространение богослужебных книг на языках народов Сибири. Председателем комиссии стал директор Казанской инородческой учительской семинарии Н. И. Ильминский — реакционный светский миссионерский деятель, в состав комиссии вошли также профессора Казанской духовной академии С. Г. Саблуков, В. В. Миротворцев<sup>38</sup>. Распространению святого писания на языках национального населения духовные власти придавали большое значение. В идеале «темные инквизиторы», как называли миссионеров, видели народы Сибири совершенно обрусевшими. Характеризуя взгляды К. П. Победоносцева и его еди-

<sup>34</sup> Азиатская Россия, т. 1, с. 208.

<sup>35</sup> Обзор деятельности..., с. 366; ЦГИА, ф. 796, оп. 181, д. 3151; оп. 185, д. 5894, л. 2 об.; оп. 188, д. 7880, л. 8.

<sup>36</sup> Азиатская Россия, т. 1, с. 217.

<sup>37</sup> Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964, с. 99.

<sup>38</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 159, д. 1380, л. 9 об.

номышленников в национальном вопросе, А. А. Половцев писал в 1892 г., что вокруг Александра III «все плотнее и плотнее сколачивается кучка поповичей, семинаристов, бурсаков, жадных проходимцев». Они «ставят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражающуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов. Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа: немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России без всяких шансов на примирение и на совместный труд. Лютая, кроющаяся в сердце каждого животного вражда обрекает на смерть все иноверное и иноплеменное, все, могущее претендовать на превосходство»<sup>39</sup>.

Однако принудительное крещение нерусских народов не принесло желаемых результатов. Сибирские аборигены плохо усваивали догматы веры, зачастую совершенно не понимая русских священников. В 1907 г. иркутский комитет Всероссийского православного общества вынужден был признать, что «понятие о христианстве у «иностранцев» очень смутное»<sup>40</sup>. Желая исправить создавшееся положение, Синод официально разрешил проводить богослужение «на иностранных языках», поручив контроль за этим местным епархиальным властям<sup>41</sup>. Этой же цели служили многочисленные попытки обучения миссионеров языку местных народов, вербовка миссионеров из лиц местной национальности. Но такие случаи были, по-видимому, довольно редки. Так, например, в 1907 г. из 23 миссионерских священников Иркутской миссии только один — миссионер Хоготовского стана Михаил Мохочкеев был бурятом. Остальные миссионеры были русскими.<sup>42</sup> В Забайкальской миссии из 25 священников в 1885 г. было лишь три бурята-священника<sup>43</sup>.

Подготовка миссионеров для сибирских епархий велась в трех духовных учебных заведениях: Бийском катехизаторском училище, Иркутской церковно-учительской семинарии и Читинском центральном миссионерском второклассном училище<sup>44</sup>. Однако эти училища не могли удовлетворить постоянно растущую потребность в миссионерах. По официальному признанию духовных властей в Сибири постоянно ощущалась «потребность безотлагательного умножения миссионеров»<sup>45</sup>. Совет православного миссионерского общества вынужден был посылать в Сибирь миссионеров из других епархий. В 1873 г. в Иркутскую православную миссию были присланы диакон Воронежской епархии П. Попов, из Казанской епархии прибыл

<sup>39</sup> Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966, т. 2, с. 447.

<sup>40</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 188, д. 7797, л. 24.

<sup>41</sup> Обзор деятельности..., с. 436.

<sup>42</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 188, д. 7797, л. 24.

<sup>43</sup> Там же, оп. 445, д. 308, л. 60.

<sup>44</sup> Азиатская Россия, т. 1, с. 218.

<sup>45</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 306, л. 3.

Н. Нелидов, Киевскую епархию представлял А. Куликов<sup>46</sup>. Аналогичные явления наблюдаются и в других сибирских епархиях.

С целью подготовки миссионеров сибирское духовенство начиная с 60-х гг. XIX в. постепенно вводит в практику отправку в столичные духовные училища лучших выпускников местных семинарий. В 1858 г. Синод, рассматривая итоги распространения православия в Сибири, имел «рассуждение о малом преуспейании проповеди слова божия между язычествующими бурятами... Иркутской губернии». Одну из важных причин создавшегося положения руководство православного ведомства видело в том, что действующие в Сибири миссионеры, не зная языка местных народов, «продолжают проповеди свои через переводчика». Такие проповеди, по мнению членов Синода, не могли иметь «ни силы убеждения, ни спасительного действия на сердца обращенных». Поэтому Синод решил направить в Петербург для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете и монгольскому языку» семь-восемь детей местного духовенства, а «еще лучше... детей крещенных бурят»<sup>47</sup>.

Осенью того же года в Петербург прибыла первая группа выпускников Иркутской семинарии — семь человек, все они были детьми местного духовенства. В бурятских семьях отправлять своих детей в неведомую столицу охотников не нашлось. Четверо из вновь прибывших иркутян — Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев и В. Карелин были зачислены в духовную академию, остальные — В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков — в высшее отделение семинарии. Все вновь прибывшие изучали монгольский язык.

В 1861 г. шесть слушателей (за исключением Миротворцева) подали в Синод прошение с просьбой разрешить им вернуться в Сибирь сроком на год для практического закрепления навыков разговорной речи. Свои познания в монгольском языке они считали вполне достаточными для «будущей их миссионерской деятельности»<sup>48</sup>. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют проследить судьбу первых выпускников.

Выпускник М. Митропольский по возвращении в Иркутск подал прошение на «высочайшее имя», в котором указывал, что он после «зрелого обсуждения» счел себя не только не способным к обязанностям священника и миссионера, но и вообще в духовном звании быть не желает. М. Митропольский ходатайствовал перед Александром II об исключении из духовного звания и переводе в светское. Иркутский архимандрит Парфений с возмущением доносил в Синод, что Митропольский по приезду в Иркутск «решительно отказался от миссионерства» и от должности учителя в местном духовном

<sup>46</sup> Обзор деятельности..., с. 436.

<sup>47</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 139, д. 325, л. 1.

<sup>48</sup> Там же, л. 14, 21, 22.

училище. Такое «дерзкое» поведение и «неблагодарность» вызвали настороженное отношение духовных властей к Митропольскому. Для них было совершенно очевидно, что человек таких «моральных» качеств не может быть проповедником слова божия среди «инородцев». Однако вырваться из цепких рук православного ведомства было не так просто. В 1863 г. это дело рассмотрел Синод и постановил «объявить Митропольскому, что он может быть уволен из духовного звания в светское, но не прежде, как возвратит издержанные казною деньги» на его обучение, содержание и переезд из Иркутской епархии в Петербург. В случае же несостоятельности Митропольского Синод решил обязать его «прослужить в должности учителя Иркутского духовного училища такое количество времени, в продолжении которого могла бы пополниться издержанная казною сумма вычетом из жалования его, а затем, когда таковая будет внесена вся сполна, считать Митропольского уволенным из духовного звания»<sup>49</sup>.

Наступательное движение православной церкви в пореформенной Сибири, как и в России в целом, сопровождалось многочисленными переменами в ее управлении и организации. В 1840 г. ведомство православной церкви Сибири располагало пятью епархиями. Старейшей из них являлась Тобольская, основанная в 1620 г. К концу столетия число епархий в Сибири возросло до 12. В 1861 г. была учреждена Енисейская епархия, затем Якутская (1868 г.), Туркестанская (1871 г.), Забайкальская (1894 г.), Омская (1895 г.), Владивостокская (1898 г.)<sup>50</sup>. Содержание только одной из вновь открытых в конце XIX в. епархий — Забайкальской — обходилось государству в 33 тыс. руб. в год<sup>51</sup>. Однако в данном случае, как свидетельствуют факты, соображения экономии мало беспокоили правительство. Свою задачу оно видело в том, чтобы обеспечить должное содержание «первенствующей и главенствующей» церкви империи. Укрепленные бюрократическими преобразованиями, сибирские епархии резко активизировали свои административно-полицейские функции. Важнейшим выражением этого явилось основание новых православных миссий, миссионерских станом, приходов и т. д.

В конце прошлого столетия на огромной территории Сибири и Дальнего Востока постоянно действовало восемь православных миссий, насчитывающих в общей сложности несколько сот священнослужителей. За 10-летний период с 1883 по 1893 гг. при церквях сибирских епархий было открыто 88 новых приходов, из которых 32 полностью содержались за счет казны. На эти цели государственное казначейство ежегодно ассигновывало свыше 30 тыс. руб.<sup>52</sup>

<sup>49</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 139, д. 325, л. 29—30.

<sup>50</sup> Там же, л. 31.

<sup>51</sup> Азиатская Россия, т. I, с. 217.

<sup>52</sup> Обзор деятельности..., с. 147.

В пореформенный период с целью активизации проповеди православия среди язычников в сибирских епархиях широкое распространение получила новая форма деятельности — организация миссионерских станов. Это были своего рода опорные пункты миссионеров, расположенные непосредственно в местах большого скопления аборигенов или недалеко от них. Священники миссионерских станов находились на особом положении. Как правило, они освобождались от приходских обязанностей.

Задачи священников миссионерских станов заключались не только и не столько в привлечении новой паствы, сколько в «утверждении» и разъяснении уже крещеным аборигенам основных догматов православия. Решению последней задачи как светские, так и духовные власти придавали особое значение. Многочисленные свидетельства современников неопровержимо доказывают, что большая часть крещенных аборигенов были знакомы, и то поверхностно, лишь с внешней стороной новой для них религии. На это обращал внимание генерал-губернатор Западной Сибири А. Дюгамель, посетивший в 1864 г. Березовский округ и вынужденный признать, что между коренными жителями округа христианство распространено было «более номинально». Аборигены «в душе» по-прежнему оставались язычниками<sup>53</sup>. Подобного рода свидетельства были не единичны, они исходили от высших сибирских иерархов. Иркутский архиепископ Нил в 1861 г. доносил в Синод, что крещенные карагасы (тофалары) «находятся в добром расположении духа, но без всяких понятий в вере»<sup>54</sup>. В 1907 г. глава Иркутской православной миссии епископ Киренский Иоанн признавал, что у крещенных бурят «понятие о вере христианской очень смутное»<sup>55</sup>. Понятно поэтому, что вопросу организации миссионерских станов правительство уделяло особое внимание, видя в них один из основных источников распространения и упрочения православия среди народов Сибири. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что сведения о количестве миссионерских станов ежегодно предоставлялись главами епархий непосредственно в Синод.

Быстрый рост миссионерских станов наблюдается в Восточной Сибири, в частности в Иркутской епархии. В период пребывания во главе ее епископа (впоследствии архиепископа) Парфения (1860—1873 гг.) было построено 11 миссионерских станов: Шимковский (1863 г.), Гужирский (1866 г.), Боханский (1869 г.), Усть-Ордынский (1870 г.), Еландинский (1871 г.) и др.<sup>56</sup> В 1877 г. в иркутском отделе миссии состояло 15 миссионерских станов<sup>57</sup>. В 1908 г. миссия

<sup>53</sup> ЦГИА, ф. 385, оп. 16, д. 8620, л. 11 об.

<sup>54</sup> Там же, ф. 796, оп. 122, д. 402, л. 3.

<sup>55</sup> Там же, оп. 188, д. 7797, л. 24.

<sup>56</sup> Там же, оп. 445, д. 309, л. 3.

<sup>57</sup> Иркутская летопись 1857—1880 гг. Иркутск, 1914, с. 362

имела уже 24 стана<sup>58</sup>. Значительный рост числа миссионерских станов наблюдается и в Забайкальской области. Если в 1873 г. на территории области было 14 станов, то в 1894 г. число их возросло до 18<sup>59</sup>.

Обычно миссионерские станы содержались за счет средств православного миссионерского общества и лишь частично за счет субсидий из казны. О соотношении этих форм ассигнования дают представление следующие цифры. На содержание Забайкальской миссии в 1877 г. было затрачено 14995 руб., из них 12088 руб.<sup>60</sup>, или 80,6% были выделены Всероссийским православным миссионерским обществом. В 1885 г. эти цифры соответственно составляли 23860 руб., и 18569 руб. или 77,8%.

Содержание Иркутской миссии в 1873 г. обошлось в 12731 руб. Из них 10167 руб., или 80,6% было выделено миссионерским обществом. В 1908 г. средства миссионерского общества составляли свыше 92% от общего бюджета миссии<sup>61</sup>. Аналогичная картина наблюдается и по другим православным миссиям сибирских епархий.

Рост числа миссионерских станов сопровождался и увеличением численности священников-миссионеров. Проблема эта, как уже указывалось, и в пореформенный период волновала высших сибирских иерархов. В Забайкальской епархии в 1873 г. действовало 15 миссионеров, в 1877 г. число их увеличилось до 35; а в 1877 г. их было уже 57 человек<sup>62</sup>. Столь быстрый рост численного состава миссии объясняется особой агрессивностью православных иерархов по отношению к ламаизму<sup>63</sup>. В то же время некоторые миссии были немногочисленны. Замечание это касается, главным образом, православных миссий северных районов как Западной, так и Восточной Сибири.

Говоря о численном составе сибирских православных миссий в целом, следует отметить, что немногочисленные, своего рода «временные», миссии встречаются лишь в северных районах Сибири — Березовском и Туруханском краях. В то же время такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская постоянно расширяют свою деятельность, растет их численность. Положение таких миссий как центров проповеди православия во второй половине XIX в. заметно упрочилось.

<sup>58</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 188, д. 7797, л. 34.

<sup>59</sup> Там же, ф. 779, оп. 445, д. 306, л. 2; Обзор деятельности..., с. 229.

<sup>60</sup> Там же, ф. 796, оп. 449, д. 307, л. 5 об., 60.

<sup>61</sup> Там же, оп. 445, д. 309, л. 46; Подсчитано по: ЦГИА, ф. 796, оп. 188, д. 7797, л. 34 об.

<sup>62</sup> Подсчитано по: ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 308, л. 60; д. 307, л. 1; д. 306, л. 2.

<sup>63</sup> См.: Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX— начале XX в. Улан-Удэ, 1957.

## § 2. МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ХРИСТИАНИЗАЦИИ АБОРИГЕНОВ

Наступательное движение русской православной церкви против народов Сибири проявлялось в различных формах. Во второй половине XIX в. своеобразную роль в этом политико-идеологическом процессе играли монастыри<sup>64</sup>. К концу XVII в. в Сибири было основано 34 монастыря<sup>65</sup>. Накануне указа Екатерины II о секуляризации в Сибири насчитывалось 40 монастырей. По официальному признанию властей указ о секуляризации от 21 марта 1762 г. и последующие мероприятия Екатерины II по передаче монастырских земель в ведение восстановленной Коллегии экономии<sup>66</sup> «нанесли смертельный удар многим монастырям Сибири». К 1914 г. количество монастырей Сибири сократилось до 17<sup>67</sup>. При них обычно существовали школы и «инородческие» приходы. Можно выделить два монастыря, игравших активную роль в распространении православия среди народов Сибири в период капитализма. Это построенные в 1861—1863 гг. на землях алтайцев Улалинский и Чулымшанский монастыри. Царские чиновники отвели им около 10 тыс. десятин формально пустопорожних земель, а на деле давно занятых аборигенами. Это обстоятельство немедленно было использовано проповедниками. Чулымшанский монастырь, расположенный на землях, занятых теленгитами, немедленно организовал там «чистое помещичье хозяйство, взимая с туземного населения арендную плату по определенной таксе», за право поставить юрту теленгит должен был платить монастырю один рубль в год, за пастбу скота — 20 коп. в год с головы крупного рогатого скота и 5 коп. — с головы мелкого. Подобные методы «миссионерской» деятельности оказались гораздо более успешными: в скором времени все население чулымшанской долины вынуждено было принять крещение<sup>68</sup>.

Наступательное движение православной церкви в Сибири сопровождалось значительным увеличением церквей в местных епархиях. За 50 лет с 1840 по 1890 гг. число церквей в Сибири увеличилось с 716 до 1732. В расчете на одну тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, за ней следовали Енисейская, Томская, Тобольская и Якутская епархии<sup>69</sup>. Во второй половине XIX в. наблюдается неуклонный рост православных церквей

<sup>64</sup> Ш о р о х о в Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири XVII—XVIII веках. Красноярск, 1983, с. 34.

<sup>65</sup> Там же, с. 32—33.

<sup>66</sup> Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 271, 273.

<sup>67</sup> Азиатская Россия, т. I, с. 213—214.

<sup>68</sup> См.: История СССР (1856—1894). М., 1952, с. 609; Храпова Н. Ю. Захват земель Горного Алтая алтайской духовной миссией в дореформенный период. В кн.: Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984, с. 206—218.

<sup>69</sup> Подсчитано по: Преображенский И. Указ. соч., с. 25.

в Сибири. За полвека число церквей в Иркутской епархии увеличилось примерно на 46%, Тобольской — на 52%, Томской — на 45% <sup>70</sup>. Совершенно очевидно, что столь значительное увеличение могло происходить при активной идеологической и материальной поддержке государства. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают это. Только за два дореформенных десятилетия денежные дотации церкви из фондов государственного казначейства возросли на 237%.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны выработать единые политико-идеологические и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главенствующей» церкви в Сибири и России в целом. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. <sup>71</sup> Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников» <sup>72</sup>.

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было разослано специальное послание, которое предписывало провести съезды местных миссионеров, на которых обсудить «все вопросы... состояния миссии в каждом стане» и о мерах «к предупреждению препятствий к принятию инородцами святого крещения» <sup>73</sup>.

В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский — Исаакий, Селенгинский — Мелетий, Киренский — Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, военный губернатор Забайкальской области Барабаш, исполняющий должность Иркутского гражданского губернатора Петров <sup>74</sup>. Заседания съезда были открытыми лишь частично. Приамурский генерал-губернатор Корф вообще настаивал на проведении закрытых заседаний, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское

<sup>70</sup> Подсчитано по: Дмитриев С. С. Православная церковь и государство..., с. 46.

<sup>71</sup> Егуннов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963, с. 151.

<sup>72</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 4 об.

<sup>73</sup> ЦГА Бур. АССР, ф. 340, оп. 1, д. 9, л. 1.

<sup>74</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 1.

правительство» и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму<sup>75</sup>.

Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т. е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было 5, проводились открыто, однако, обсуждение на нем так называемого «бурятского вопроса» не афишировалось с целью пресечения неблагоприятных толков среди аборигенов. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати<sup>76</sup>.

Одно из центральных мест в работе съезда занял вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует,— констатировал съезд,— великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях — и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению»<sup>77</sup>. На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, которые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». Важно подчеркнуть и другое. В журнале заседания съезда от 24—26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти<sup>78</sup>. Таким образом, в вопросах русификаторской политики церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге работы съезда были выработаны решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса русификации и христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Это важное обстоятельство осталось незамеченным предшествующими исследователями вопроса<sup>79</sup>.

Решения съезда прежде всего рекомендовали провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки предпо-

<sup>75</sup> Цит. по: Герасимова К. М. Указ. соч., с. 79.

<sup>76</sup> Егуннов Н. П. Колониальная политика царизма..., с. 151.

<sup>77</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 7 об.

<sup>78</sup> Там же, л. 8.

<sup>79</sup> Егуннов Н. П. Колониальная политика царизма..., с. 151.

лагалось передать в пользование русским крестьянам — православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, по мысли участников съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это вместе взятое должно было служить одной цели — «способствовать обращению их (аборигенов. — Л. Д.) в христианство»<sup>80</sup>.

Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом глубоко прогрессивным, как и сам процесс взаимного сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае, как верно подметил Н. П. Егунов, эта прогрессивная идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась «в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов»<sup>81</sup>.

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные Уставом 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо их рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы предполагалось ввести в качестве должностных лиц «инородцев-христиан»<sup>82</sup>.

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу о привлечении сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности должно было привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал даже пойти дальше этого. По его словам, следовало «вообще сравнять их (аборигенов. — Л. Д.) в правах и обязанностях с русскими крестьянами»<sup>83</sup>. Вениамину вторил Томский преосвященный Владимир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к «инородцам» Западной Сибири. Епископ Томский желательность этой меры видел еще и потому, что льгота язычников от воинской повинности служит благовидной причиной к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство, как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности<sup>84</sup>. Поистине, сибирские иерархи были персонами воинствующими.

Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. Внимательное изучение материалов съезда показывает, что «святые

<sup>80</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 8—8 об.

<sup>81</sup> Егунов Н. П. Колониальная политика..., с. 151.

<sup>82</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 1.

<sup>83</sup> Там же, л. 9, об.—10.

<sup>84</sup> Там же, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 10 об.

отцы» были плохо знакомы с ясачным законодательством царизма и практикой уплаты ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурою существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей застрашивают их» (аборигенов. — Л. Д.) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами»<sup>85</sup>.

Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранение натуральной формы уплаты ясачной подати. В данном конкретном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование «православных инквизиторов» за перевод ясака в денежную форму объяснялось отнюдь не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению.

Участники съезда понимали, что большинство их предложений противоречит существующим законоположениям. Поэтому они ходатайствовали перед обер-прокурором Синода об утверждении рекомендаций съезда в законодательном порядке.

В итоге отметим, что в решениях Иркутского съезда духовных и светских властей содержались подчас идеи, отвечающие объективным потребностям экономического и общественного развития народов Сибири. Однако на практике эти идеи, порожденные попытками насильственной русификации аборигенов и ассимиляции их с русскими, приобретали уродливую форму. В условиях национально-колониальной политики царизма насильственная русификация, приравнивание аборигенов и русских означали равенство в бесправии и не могли принести подлинной свободы коренному населению. Формы и методы этого процесса «не соответствовали его объективно-прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодальным характером господствующего в стране царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя»<sup>86</sup>. Призывы «православных инквизиторов» к сближению русского и коренных народов Сибири в условиях капитализма приводили только к новому обострению национальных отношений.

Иркутский съезд 1885 г. был не единственным съездом сибирских иерархов. В 1893 г. состоялся съезд миссионеров в Забайкалье<sup>87</sup>.

Вопросам усиления христианизации народов Сибири были посвящены собрания миссионеров, состоявшиеся в августе 1909 г.

<sup>85</sup> ЦГИА, ф. 381, оп. 22, д. 15589, л. 11.

<sup>86</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 4, с. 360.

<sup>87</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 308, л. 62 — 77.

в Иркутске. Подготовку и работу собрания возглавлял начальник Иркутской духовной миссии епископ Иоанн. Основное внимание было уделено вопросам организационного укрепления миссии и расширению агитационной работы в пользу православия<sup>88</sup>. Эти же вопросы находились в центре внимания участников съезда миссионеров, состоявшегося в следующем году в Иркутске. Это был первый съезд миссионеров после подавления царизмом революции 1905—1907 гг. Поэтому не удивительно, что власти придавали ему большое значение. Обстоятельство это в значительной степени объясняется массовым отходом народов Сибири от православия в ходе первой русской революции.

Российская печать охарактеризовала Иркутский съезд как «первый в Сибири по количеству участников и важности вопросов, которые на нем должны быть поставлены и решены»<sup>89</sup>. К тому времени, несмотря на «весь официальный оптимизм» церковных иерархов, миссионерское дело в Сибири было далеко не в блестящем состоянии. «Количественные» результаты деятельности сибирских миссий были «крайне ничтожными». В 1906 г. «Алтайская миссия, несмотря на значительный штат миссионеров... не обратила ни одного инородца». То же самое можно сказать о миссиях Иркутской, Якутской, Чукотской и Благовещенской. Киргизская миссия в 1906 г. окрестила всего 19 человек, в том числе только 8 киргизов<sup>90</sup>. По этому поводу печать не без сарказма писала, что каждый крещенный в этой миссии «стоил более 700 руб.»<sup>91</sup>. В целом результаты съезда и деятельность сибирских миссий печать оценивала весьма скромно: «Рутинная, формальная, отношение к делу, незнание с туземными языками — отличительные качества сибирских миссионеров». Совершенно очевидно, что теперь «сибирские миссии идут верным и быстрым шагом к самоупразднению»<sup>92</sup>. Свидетельство кадетской газеты в данном конкретном случае не просто интересно, но и важно еще и потому, что большинство фактов об антиклерикальных выступлениях крестьян в борьбе князей церкви с народными массами не было зафиксировано в опубликованных документах<sup>93</sup>. Указывая на это обстоятельство, В. И. Ленин подчеркивал, что в царской России «Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности»<sup>94</sup>. Уже после

<sup>88</sup> ЦГА Бур. АССР, ф. 340, оп. 1, д. 90, л. 3—4, 24.

<sup>89</sup> Речь, 1910, 24 июля; ЦГИА, ф. 797, оп. 78, отд. 2, д. 348, л. 46.

<sup>90</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 78, отд. 2, д. 348, л. 46.

<sup>91</sup> Речь, 1910, 24 июля.

<sup>92</sup> Там же.

<sup>93</sup> Е м е л я х Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.: Л., 1965, с. 4.

<sup>94</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 432.

Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что «у нас в России население после долгого опыта с попами помогло нам их скинуть»<sup>95</sup>.

О необходимости наступательной позиции церкви в отношении «иноверцев» говорилось и на общероссийских миссионерских съездах. Первый такой съезд состоялся в Казани в 1885 г., второй — в Москве в 1891 г. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем съезде миссионеров, состоявшемся в том же году в Казани. Работой этого съезда руководил будущий обер-прокурор Синода Саблер. Он назвал православие «краеугольным камнем самодержавия»<sup>96</sup>.

Для решения задачи обращения в православие всех иноверцев Сибири миссионеры стремились привлечь и высших правительственных чиновников. В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось «особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье»<sup>97</sup>. В совещании участвовали обер-прокурор Синода Победоносцев, министр внутренних дел Дурново, приамурский генерал-губернатор Корф и управляющий министерством императорского двора Петров<sup>98</sup>. Совещание рассмотрело предложения Корфа о «мерах к усилению проповеди православия среди иноверцев». Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропагандой православия Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов. Относительно ламаизма генерал-губернатор предлагал ограничиться тактикой невмешательства. Однако совещание, как справедливо отмечает К. М. Герасимова, не приняло предложения Корфа<sup>99</sup>. Наоборот, оно признало «существенно необходимым» переработать положение о ламаистском духовенстве 1853 г. в сторону его ужесточения. Что же касается предложения генерал-губернатора о необходимости распространения между аборигенами «образования», то участники совещания признали его «заслуживающим внимания», однако, требующим значительных денежных затрат<sup>100</sup>. Поэтому они не пошли дальше рассуждений о пользе образования, высказавшись в конечном итоге за улучшение состава миссий, благоустройство миссионерских церквей и т. д. Меры эти должны были осуществляться распоряжением духовных властей<sup>101</sup>.

В конце 1911 г. при Синоде состоялось очередное «особое совещание». Оно было посвящено изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских народов Поволжья, Сибири и Даль-

<sup>95</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158.

<sup>96</sup> См.: Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России, с. 100—101.

<sup>97</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 62, отд. 2, д. 300, л. 2.

<sup>98</sup> Там же, л. 4.

<sup>99</sup> Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика..., с. 89.

<sup>100</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 62, отд. 2, д. 300, л. 5.

<sup>101</sup> Там же, стол. 3, д. 300, л. 5.

него Востока. В это время отход крещенных аборигенов от православия, начавшийся в ходе первой русской революции, несмотря на все старания духовных пастырей, продолжался. В этих условиях члены совещания должны были искать выход из создавшегося положения. Необходимость упрочения положения «первенствующей и главенствующей церкви» в России требовала принятия срочных и действенных мер по усилению пропаганды православия среди нерусских народов. В то же время конечные цели этой пропаганды — обрусение и ассимиляция аборигенов с русским населением — оставались неизменными. События первой русской революции, сопровождавшиеся массовыми антиклерикальными выступлениями крестьян<sup>102</sup>, заставили «крепостников в рясе»<sup>103</sup> быть более осмотрительными в выборе средств привлечения новой паствы. Поэтому совещание не рекомендовало каких-либо крутых мер, а ограничилось требованием к приходским священникам считать миссионерство «своею существенною и неременною обязанностью, не возлагаемою исключительно на миссионеров»<sup>104</sup>. Для усиления пропаганды православия рекомендовалось также проводить на языках народов Сибири проповеди и беседы, пение церковных песен, открытие школ «для детей язычников по системе Н. И. Ильменского», основание новых монастырей и т. д. По решению совещания и Синода в 1912 г. в Хабаровске и Тобольске были открыты курсы подготовки миссионеров, причем в Тобольске собирались только лица, имеющие высшее духовное образование. Характерна реакция самого духовенства на это решение Синода. Многие миссионеры восприняли его «со страхом и некоторой конфузливостью», а сами курсы называли «учреждением недоучек и малосведущих членов клира».

Программа 4-недельных курсов была рассчитана на 140 часов. Наряду с традиционными для православной церкви курсами — история и обличение раскола — особое внимание теперь уделялось изучению истории и обличению социализма, искусству проповедничества, законоучительству и методике<sup>105</sup>.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил классовый характер. Этим определялась политика самодержавного государства по отношению к ведомству православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов.

По вопросу о методах крещения народов Сибири в XVIII—первой половине XIX в. среди исследователей нет единой точки зрения. К. М. Герасимова, Н. П. Егунов в своих работах приводят, главным

<sup>102</sup> Емельях Л. И. Антиклерикальное движение..., с. 1—200.

<sup>103</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 432.

<sup>104</sup> ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 301, л. 43.

<sup>105</sup> Там же, д. 308, л. 243, 252.

образом, факты насильственного крещения народов Восточной Сибири<sup>106</sup>. К аналогичным выводам пришли И. И. Огрызко и Н. А. Свешников, рассматривавшие вопросы распространения православия в Северо-Западной Сибири<sup>107</sup>. Однако в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, Н. А. Миненко основным методом крещения аборигенов Западной Сибири в первой половине XIX столетия считает «предоставление новокрещенным различных льгот, в особенности, в уплате ясака». Обоснование концепции «мирных» методов распространения православия среди народов Сибири у Н. А. Миненко носит объективный и убедительный характер. Этот вывод исследователь подкрепляет большим фактическим материалом<sup>108</sup>. Действительно, в первой половине XIX в. «самодержавие было вынуждено отказаться от насильственных методов распространения христианства и соблюдать хотя бы «внешние приличия»<sup>109</sup>. Это, разумеется, не означает, что факты насильственного крещения аборигенов в XIX в. были совершенно изжиты. В исследовательской литературе немало примеров насильственного крещения иноверцев, особенно в конце XIX в.<sup>110</sup>

Принцип свободы веротерпимости был закреплен в двух важнейших законодательных актах XIX и XX вв. — Уставе об управлении иноверцев 1822 г.<sup>111</sup> и в манифесте 17 апреля 1905 г.<sup>112</sup> В то же время принятие православия рассматривалось властями как положительное явление, и государство прилагало немало усилий для поднятия и распространения авторитета православной церкви в империи.

Рассматривая вопрос о методах распространения православия, следует отметить, что крещение «по поводу» или «случаю» получило в Сибири широкое распространение. Издание юбилейных пропагандистских брошюр, устная агитация — все это должно было, по замыслу миссионеров, способствовать привлечению язычников на лоно православной церкви.

В 1890 г. в Западной Сибири широко отмечали 60-летие со дня основания Алтайской православной миссии<sup>113</sup>, а спустя два года —

---

<sup>106</sup> Герасимова К. М. Указ. соч., с. 64—83; Егуннов Н. И. Колониальная политика царизма..., с. 150—158.

<sup>107</sup> Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера царизмом. М., 1941, с. 51—54; Свешников Н. А. Христианизация народов Северо-Западной Сибири. — Учен. зап. Енисейского гос. пед. ин-та. Енисейск, 1959, вып. 3, с. 91—108.

<sup>108</sup> Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь..., с. 271—275.

<sup>109</sup> Дамешек Л. М. Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. — В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976, с. 39.

<sup>110</sup> См.: Зайончковский П. А. Русское самодержавие в конце XIX в., с. 128—130.

<sup>111</sup> ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 188.

<sup>112</sup> ЦГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 79, л. 3 об.

<sup>113</sup> Прибавления к «Церковным ведомостям», 1892, № 28.

в 1892 г. — 100-летие со дня ее основателя архимандрита Макария<sup>114</sup>. С целью популяризации и разъяснения его деятельности была выпущена специальная брошюра под названием «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии». Наряду с этим организовывались совместные моления русских и аборигенов и т. д. Все это, по мысли начальника Тобольской епархии епископа Бийского, должно было способствовать лучшему пониманию аборигенами превосходства православия над язычеством и усвоению ими основных догматов новой религии.

Однако массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении всего XIX в., носили, как правило, формальный характер. При этом основное внимание уделялось «на внешнюю сторону миссионерского деяния, т. е. на возможно большее количество крещений»<sup>115</sup>, а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы. [Примитивные языческие культы народов Сибири, особенно ее северных районов, были самым тесным образом связаны с существующими социальными отношениями и экономическим бытом народов.] Поэтому функциональное место христианства оказывалось совершенно иным; его догматы и культы и вовсе не были рассчитаны на конкретную программу непосредственных действий. Назначение классовой религии — быть всеобщим основанием «для утешения и оправдания»<sup>116</sup>. Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, соращения в язычество и т. д. Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещенные ханты и манси «ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различествуют от язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение». Об основах веры они не имели «ни малейшего понятия»<sup>117</sup>.

Несмотря на усилия православных миссий, положение не изменилось и 30 лет спустя. В 1864 г. Совет главного управления Западной Сибири констатировал, что христианство между северными народами Тобольской и Томской губерний распространено было «номинально», а аборигены в душе продолжали оставаться язычниками<sup>118</sup>. Об этом же доносил товарищу обер-прокурора Ю. В. Толстому А. Забелин, представивший в 1869 г. подробный «Обзор деятельности миссионеров Березовского края»<sup>119</sup>.

К началу XX в. практически все аборигены Березовского края были крещенные. В 1898 г. епископ Тобольский Агафангел доносил в Синод, что в районе действия Сургутской миссии «не было уже

<sup>114</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 62, отд. 11, д. 494, л. 1.

<sup>115</sup> Красный архив, 1932, т. 4/53.

<sup>116</sup> Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь..., с. 275.

<sup>117</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 4, д. 16792, л. 2 об.—3.

<sup>118</sup> Там же, ф. 385, оп. 16, д. 8620, л. 11.

<sup>119</sup> Там же, ф. 797, оп. 96, д. 45, л. 1—16.

язычников инородцев», однако, «качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечаются и в других сибирских епархиях <sup>120</sup>.

В 70—90-е гг. особенно агрессивно действовала Иркутская миссия, возглавляемая архиепископом Вениамином. В некрологе, посвященном памяти этого «опытного миссионера», особенно подчеркивалось, что он «с самоотвержением посещал самые отдаленные миссионерские станы, всюду наставляя деятелей миссии.. крестить инородцев» <sup>121</sup>.

Ко времени прибытия Вениамина в Иркутск в здешней епархии было крещено 7154 бурята. Однако этот благородный пастырь остался неудовлетворен достигнутыми результатами. Он развил столь энергичную деятельность по крещению бурят, что в период с 1873 по 1886 г. «просветил» 23000 аборигенов. Эта просветительная деятельность Вениамина «во всей Восточной Сибири» оставила «неизгладимое впечатление» <sup>122</sup>. Прибывший в 1875 г. в Иркутск новый генерал-губернатор Игнатьев — человек, по характеристике Победоносцева, «вполне русский, благочестивый, церковновоспитанный, принимавший к сердцу интересы церкви» <sup>123</sup> — немедленно включился в кампанию по крещению бурят. Он сам ездил по миссионерским станам, убеждал коренных жителей губернии отречься от язычества и принять православие. Вениамин писал в Петербург Победоносцеву, что главный начальник края так горел желанием «всякого» бурята «принимать от купели крещения», что архиепископ вынужден был просить генерал-губернатора «не слишком продешевлять свое имя, довольно, если он начальников будет удостаивать такой чести».

Не меньшую заинтересованность в этом деле проявляла и супруга генерал-губернатора, которая «также не раз была восприемной матерью при крещении бурят» <sup>124</sup>. Усилия светских и духовных властей не пропали даром. В 1887 г. в Иркутской епархии было крещено 1751 человек, в 1888—1663, в 1889—1491, в 1890—2381. В Забайкальской области к 1885 г. было крещено 3956 бурят и эвенков.

Кампания крещения аборигенов с новой силой развернулась в 1891 г., когда православные миссии решили использовать путешествие по Сибири наследника престола великого князя Николая Александровича, присваивая всем новокрещенным мужчинам имя Николай <sup>125</sup>. Большую помощь в этом деле миссиям оказывали чины земской полиции. В июле 1891 г. балаганский окружной исправник

<sup>120</sup> ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 541, л. 29; д. 544, л. 217 об.; ф. 796, оп. 440, д. 1259, л. 1, 4, 15 и др.

<sup>121</sup> Прибавления к «Церковным ведомостям», 1892, № 7.

<sup>122</sup> Там же, № 6.

<sup>123</sup> Прибавления к «Иркутским епархиальным ведомостям», 1913, № 9.

<sup>124</sup> Герасимова К. М. Указ. соч., с. 86.

<sup>125</sup> Красный архив, 1930, т. 2(39). Приложения к дневнику А. Н. Львова «Князя церкви», с. 143.

Поздняков разослал главам бурятских ведомств циркуляр, в котором предписывал им принять «деятельное участие» и привлечь «к святому крещению возможно более число инородцев». Всех лиц, подлежащих крещению, следовало к определенному сроку «доставить в миссионерский стан». За неисполнение этого распоряжения бурятская родовая администрация должна была «ответить по закону»<sup>126</sup>.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют со всей определенностью заключить, что угрозы эти не оставались только на бумаге. Поздняков и некоторые бурятские родоначальники оказались ретивыми православными пастырями. Во время крещения бурят Балаганского округа по личному указанию исправника казаки ловили разбежавшихся по лесам от страха перед насильственным крещением мужчин и женщин, а сам Поздняков палкой избивал инаковерующих, стремясь подобными действиями заставить их креститься<sup>127</sup>.

От полицейских чинов не отставали и сами миссионеры. Жительница аларского ведомства М. Баканова жаловалась иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину, что к ней в дом в глухую полночь ворвался священник Затопляев и попытался насильно окрестить ее. Когда женщина оказала сопротивление, ее связали, причем во время борьбы «вывихнули правую руку и повредили больно палец». Такие методы крещения были не единичны.

В связи с подобными действиями миссионеров и чиновников жалобы поступали не только на имя генерал-губернатора, но и в Петербург, куда прибыла специальная бурятская делегация. Она не была принята царем, однако слухи о безобразиях в аларских степях проникли в печать. Вот что писал по этому поводу издатель ультрареакционного «Гражданина» князь Мещерский: «Весьма неутешительны те сведения, которые доходят до Петербурга... о религиозных преследованиях, напоминающих по подробностям самые лютые времена»<sup>128</sup>.

Христианизация коренных народов Сибири вызывала два последствия. С одной стороны, она укрепляла позиции самодержавия и церкви на окраинах империи, усиливала идеологическое воздействие царизма на народные массы. Преследуя ясно выраженные ассимиляторские цели, христианство выхолащивало самобытность коренных народов Сибири.

С другой стороны, распространение православия среди народов Сибири имело и известное положительное значение. Принятие православия способствовало сближению русского и коренных народов, крещенные аборигены вступали в более тесное общение с русскими,

<sup>126</sup> ЦГИА, ф. 797, оп. 96, д. 103, л. 15 об.—16.

<sup>127</sup> Там же, л. 8.

<sup>128</sup> За йончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 130.

перенимали новые методы ведения хозяйства, легче усваивали духовную и материальную культуру русского народа.

На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что «переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX—начала XX в.»<sup>129</sup> В новых социальных условиях политика христианизации нерусского населения по-прежнему оставалась в центре внимания царского правительства, однако, «в соответствии с духом времени», средства и методы христианизации менялись.

Не следует, однако, забывать, что сдвиги в культурном развитии коренного населения объяснялись не столько деятельностью православной церкви, сколько потребностями капиталистического развития и возросшим самосознанием народа. Церковь же способствовала развитию грамотности лишь в той мере, в какой это соответствовало ее интересам. Большая часть коренного населения была христианизирована формально, нередко были случаи двоеверия.

Тем не менее, христианизация сибирских аборигенов, преследуя узковедомственные, своекорыстные цели церкви и самодержавия, в эпоху интенсивной колонизации края способствовала сближению русского и коренных народов, что объективно имело прогрессивное значение.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении 300-летней истории досоветской Сибири организация центрального и местного управления нерусскими народами края строилась в соответствии с нуждами и потребностями классового государства.

В области управления народами Сибири вплоть до 1727 г. правительство руководствовалось частными актами и прецедентами административной практики.

Законодательными актами XVIII столетия из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела», в то же время правительство не решалось подвергнуть жесткой регламентации внутривидовые отношения. В своей политике самодержавие было вынуждено учитывать отсталость присоединенных племен, невозможность полного подчинения народов Сибири русскому законодательству.

---

<sup>129</sup> Кудряшев Г. Е. Православная христианизация нерусских народов (на примере среднего Поволжья и Приуралья). — В кн.: Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия и церковь в истории СССР. М., 1980, с. 162, 165.

В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев» — самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до конца XIX столетия.

Введение Устава 1822 г. повлекло за собой попытки кодификации норм обычного права. Однако впоследствии правительство отказалось от этой идеи, признав необходимым подчинить аборигенов общим законам империи. Подобная позиция показывает на ассимиляторские тенденции в политике царизма.

В первые пореформенные десятилетия (60—80-е гг. XIX в.) организация управления народами Сибири строилась на принципах «Устава об управлении инородцев». Однако уже в тот период были предприняты меры по распространению на народы Сибири действия общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Это выразилось в создании так называемых «образцовых волостей оседлых инородцев», в работе ряда комиссий, разрабатывающих основные принципы будущей реформы.

В области управления народами Сибири во второй половине XIX в. одним из важнейших явился закон 3 июля 1898 г., вводивший в Сибири институт крестьянских и инородческих начальников. Этот закон в своей основе имел известное положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России. Следует отметить, что права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов, по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян, были значительно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в «инородческой» волости. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодалных и развитием капиталистических отношений. В то же время эта административная реформа в конечном итоге была направлена на усиление полицейской опеки над народами Сибири.

На должностях крестьянских начальников царское правительство желало видеть исключительно дворян, однако, оно было просто не в состоянии найти такое количество дворян для Сибири. Изучение социального состава крестьянских начальников показывает, что в губерниях Западной Сибири 35,5% новых чиновников были выходцами из разночинцев, в Енисейской губернии из разночинцев вышли 68% крестьянских начальников, в Иркутской губернии — 65%, в Забайкальской области — 96%. Высшее образование в Западной Сибири имела примерно треть чиновников, в Восточной Сибири — около половины. Мероприятия правительства по улучшению «качественного» состава крестьянских начальников не принесли желаемых самодержавию результатов, зато резко возросла ненависть русского и коренных народов края к представителям царского ре-

жима в деревне, что привело в конечном итоге к упразднению этого института власти после февральской революции 1917 г.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в первые годы XX в. и вплоть до 1917 г. явились мероприятия по упразднению поразрядной системы и введению волостного и сельского управления, устроенного по крестьянскому образцу, паспортной системы у аборигенов, попытки привлечения их к отбыванию воинской повинности. Важнейшим направлением правительственной политики были ассимиляторские тенденции. В этом же плане действовало в Сибири ведомство православной церкви, которое во второй половине XIX в. значительно упрочило свое материальное положение на восточных окраинах империи и выступало активным проповедником официальной идеологии.

На восточных окраинах России существенное влияние на политику царизма в целом, и в области управления народами Сибири в частности, оказывал закономерный процесс развития капиталистических отношений и усиления освободительного движения нерусских народов. Такое положение наблюдалось вплоть до 1917 г., когда царский режим и связанные с ним общественные институты и органы управления были уничтожены восставшим народом.